

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ПО КУРСУ
«ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XVIII ВЕКА»**

К. Ю. Тверьянович

**РУССКИЙ СТИХ 1735—1810-х годов.
Метрика и строфика**

Антология

ФГАУ «Федеральный институт развития образования»

Рекомендовано уполномоченным учреждением ФГБОУ ВПО «Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена» к использованию в образовательных учреждениях, реализующих образовательные программы высшего профессионального образования по направлению подготовки 032700 «Филология» по дисциплине «История русской литературы XVIII века»

Филологический факультет
Санкт-Петербургского государственного университета
2013

УДК 801.6
ББК 83
Т26

Регистрационный номер рецензии
ФГАУ «Федеральный институт развития образования»
№ 067 от 2011 г.

Научный редактор
доктор филологических наук, профессор
П. Е. Бухаркин

Тверьянович К. Ю.
Т26 Русский стих 1735—1810-х годов: Метрика и строфика: Антология: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений / Под ред. П. Е. Бухаркина / Учебно-методический комплекс по курсу «История русской литературы XVIII века». — СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2013. — 320 с.

ISBN 978-5-8493-0232-4

Пособие представляет собой собрание стихотворных текстов, отражающих многообразие поисков и экспериментов русских поэтов XVIII века в области метрики и строфики. В книге представлены произведения различных жанров и их фрагменты, написанные как наиболее популярными, так и редкими стихотворными размерами и строфическими формами. Собранию текстов, снабженных краткими стиховедческими комментариями, предпослан обзор метрико-строфического репертуара эпохи.

Пособие предназначено для студентов филологических факультетов высших учебных заведений, а также для всех интересующихся историей русской поэзии и стихосложения.

УДК 801.6
ББК 83

*Учебно-методический комплекс
создан и издан за счет пожертвования
Фонда «Русский мир»*

ISBN 978-5-8493-0232-4

© Санкт-Петербургский государственный
университет, 2013

От научного редактора

Учебное пособие К. Ю. Тверьянович «Русский стих 1735—1810-х годов. Метрика и строфика» является частью учебно-методического комплекса по истории русской литературы XVIII века, работа над которым ведется на кафедре истории русской литературы Санкт-Петербургского государственного университета на протяжении последних нескольких лет усилиями членов научно-педагогического содружества, объединившихся в постоянно действующий семинар «Русский XVIII век» (см. о его деятельности на сайте 18vek.spb.ru). Оно явится четвертой по счету публикацией — ему уже предшествовали учебник П. Е. Бухаркина «История русской литературы XVIII века. Петровская эпоха» (СПб., 2009), учебная книга Н. А. Гуськова «История русской литературы XVIII века» (СПб., 2009) и учебно-методические материалы под тем же названием, подготовленные П. Е. Бухаркиным в сотрудничестве с А. В. Андреевым, Н. А. Гуськовым, Е. М. Матвеевым, М. В. Пономаревой, Д. В. Рудневым, К. Ю. Тверьянович и А. Ю. Тираспольской. Появление в их ряду работы К. Ю. Тверьянович представляется принципиально важным и, как думается, требует некоторых комментирующих разъяснений.

Два момента представляют здесь, пожалуй, наиболее важными. Во-первых, исключительная роль XVIII века в истории русского стиха: как известно, именно тогда возникает (в результате реформы, осуществленной усилиями прежде всего В. К. Тредиаковского и М. В. Ломоносова) русский вариант силлаботонического стиха, причем на протяжении всего столетия только что появившейся стих постоянно и планомерно развивается и совершенствуется. За это время была продумана теоретическая возможность существования в русской поэзии огромного количества метрических и строфических форм, которые были — что предельно важно — реализованы в творческой практике весьма несхожих друг с другом поэтов.

Вполне естественно, что при изучении истории русской литературы XVIII века стиху должно уделяться подчеркнуто пристальное внимание; этого, однако, не происходит, более того, университетское образование не располагает соответствующими учебными пособиями. А без них органично и успешно включить стиховой материал в преподавание истории русской литературы

XVIII века вряд ли возможно. Труд К. Ю. Тверьянович в известных пределах восполняет данную лауну, восполняет, конечно, только отчасти. Но и это дорогого стоит.

Второй момент касается непосредственно созданной К. Ю. Тверьянович книги, ее структуры и характера. Как видно даже при самом первом взгляде, большую ее часть занимают поэтические произведения, приводимые в качестве примеров тех или других метрических и строфических форм. И все же не следует видеть в авторе данной филологической антологии лишь составителя; нет, К. Ю. Тверьянович — именно автор, своей творческой волей ученого-литературоведа преобразовавший стиховой материал XVIII века в собственную книгу, что проявляется в отборе конкретных поэтических текстов, в их расположении, в комментариях. К этому надо добавить обширную обзорную статью «Метрика и строфика русской поэзии 1735—1810-х годов» (скромно определенную как «краткий обзор»), в высшей степени содержательную библиографию, имеющую, кстати, вполне самостоятельное значение, а также приложения справочного типа («Алфавитный индекс авторов и произведений», «Источники»), которые предшествуют библиографии и усиливают свойственную работе в целом атмосферу строгой филологической научности.

Держа в руках книгу К. Ю. Тверьянович и отправляя ее в путь к читателям, испытываешь и удовлетворение, и радость, и благородное чувство гордости за то, что она создана в стенах филологического факультета Санкт-Петербургского университета, столь известного своим вкладом как в изучение русской литературы XVIII века, так и в исследование русского стиха.

П. Е. Бухаркин

Предисловие

Настоящее учебное пособие представляет собой антологию по истории русского литературного стиха 1730-х—1810-х годов. Цель его — показать на наглядных примерах, насколько сложно и противоречиво складывалась и развивалась система русского стиха XVIII столетия; в первую очередь — сколь многообразны и разнонаправленны были искания русских поэтов в области сочетания различных стихотворных форм и поэтических жанров.

Существуют лишь две собственно стиховедческих антологии русской поэзии: это книги В. Е. Холшевникова «Мысль, вооруженная рифмами»¹ и М. Л. Гаспарова «Русский стих начала XX века в комментариях»².

Антология Холшевникова была ориентирована на то, чтобы «показать на лучших образцах русской поэзии особенности русского стиха и его развитие от XVIII в. до наших дней»³. Это единственное учебное пособие, в котором собраны образцы русского стихосложения XVIII—XX столетий, снабженные стиховедческими комментариями.

Книга Гаспарова, как видно из заглавия, представляет собой совершенно иной тип стиховедческой антологии: она охватывает гораздо более узкий хронологический период. Гаспаров ставит перед собой две задачи: во-первых, создать «стиховедческий портрет» конкретной эпохи, во-вторых, продемонстрировать разнообразие репертуара стиховых форм, используемых русской поэзией. Книга составлена на материале поэзии Серебряного века — эпохи, переосмысляющей и ниспровергающей традиции и каноны, стремящейся к эксперименту, к предельному расширению возможностей русского стиха, к максимальной их реализации.

Задача настоящего издания — дать читателям представление о разнообразии метрико-строфического репертуара русской поэзии XVIII века, в особенности о том, насколько разнообразны были поиски форм, уместных в том или ином поэтическом жанре.

¹ *Мысль, вооруженная рифмами: Поэтич. антология по истории рус. стиха / Сост., авт. ст. и примеч. В. Е. Холшевников. Л., 1983; Л., 1987; СПб., 2005.*

² *Гаспаров М. Л. Русский стих начала XX века в комментариях. М., 2001; 2004.*

³ *Холшевников В. Е. Предисловие // Мысль, вооруженная рифмами... СПб., 2005. С. 25.*

Этой книгой мы хотели бы показать, что, как это ни парадоксально, вопреки «молодости» русского литературного стиха, вопреки рамкам жанрового канона — метрико-строфическое разнообразие русской поэзии XVIII столетия вполне сопоставимо с разнообразием начала XX века: здесь можно найти образцы самых необыкновенных метрических и строфических форм — и вольного дольника, и тактовика, и трехсложников с переменной анакрузой, пятисложников, разнообразных логаядов и самых замысловатых строфических образований, твердых стихотворных форм, и даже свободного стиха, акростихов, фигурных стихов.

При отборе произведений мы руководствовались исключительно стиховедческими критериями: например, если текст уникален с точки зрения метрико-строфической организации, он включался в антологию вне зависимости от его эстетических достоинств и значения для дальнейшего развития русской поэзии. Принцип расположения произведений определяется дифференциацией жанров. Преимущественное внимание, за исключением отдельных замечаний в послетекстовых комментариях, уделяется метрике и строфике, поскольку именно эти два аспекта строения стиха обычно рассматриваются исследователями русской поэзии XVIII века как наиболее существенные элементы жанрового канона. К каждому тексту дается краткий стиховедческий комментарий — по образцу книги Холшевникова, в тех случаях, когда определение стихотворной формы, принятое в XVIII веке, не совпадает с современным, даются необходимые пояснения.

Исследователи русской литературы XVIII века, так или иначе касающиеся в своих работах проблем теории и истории стиха, как правило, указывают на связь стиховых форм и жанров как на одну из наиболее существенных специфических особенностей периода, или, по крайней мере, исходят в своих рассуждениях из представления о существовании такой связи. Например, Гаспаров в «Очерке истории русского стиха» пишет: «Жанровое мышление и прикрепленность размеров к жанрам определяли метрический облик всей поэзии XVIII века»¹. С точки зрения исследователя, строфическое строение текста также определяется его жанровой природой, хотя и менее строго, чем выбор размера: здесь он предпочитает говорить уже не о жанровой прикрепленности, а о «жанровом тяготении»². Гораздо более

¹ Гаспаров М. Л. Очерк истории русского стиха. Метрика. Ритмика. Рифма. Строфика. М., 2000. С. 58.

² См.: Там же. С. 98.

категоричен в своих утверждениях В. А. Западов: «важнейшей особенностью классицизма явился принцип механического соответствия формы содержанию. В процессе становления русского классицистического метода сложилась строго определенная система жанров, каждый из которых был связан не только с определенным содержанием (...), но и с прочно прикрепленной формой, регламентировавшей употребление определенного метра и размера (больше того: даже типа ритма этого размера), разновидности строфы, вида рифмовки, отбора тех или иных рифм, преимущественного употребления тех или иных звуков (букв) и их сочетаний...»¹

Поскольку жанровая номенклатура классицизма, при всем ее многообразии, все же достаточно ограничена, с представлением об относительно жесткой связи стиховой формы и жанра логически связано и другое устойчивое представление — о крайней бедности метрико-строфического репертуара русской поэзии XVIII века. По словам Д. Д. Благого, «необыкновенной похожести ломоносовских од способствует одинаковость их метра (четырёхстопный ямб) и строфического членения (традиционная 10-стишная строфа)»². С точки зрения Г. А. Гуковского, «привычность, сглаженность, постоянная повторяемость (...) формул сочетания фразы и стиха, привычность постоянно повторяющихся немногочисленных метрических схем и синтаксических форм — характерны и принципиальны для Хераскова, как и для других поэтов его школы. Поэзия в его руках костенела, замыкалась в узкий круг отстоявшихся и признанных поэтических форм»³. Из классических учебников по истории русской литературы XVIII столетия подобные представления перекочевали и в работы современных специалистов. Так, автор недавно опубликованного учебника О. Б. Лебедева пишет: «Отсутствие формальных канонов для жанра песни обусловило еще одно важное свойство поэтики сумароковских песен: необыкновенное ритмическое разнообразие, которое на фоне пристрастия современников Сумарокова к одному-двум метрам (например, известное пристрастие Ломоносова к 4- и 6-стопному ямбу) имело огромное значение для обогащения ритмического строя русской лирики»⁴. Н. Ю. Алексеева в своей книге о русской оде указывает,

¹ Западов В. А. Русский классицизм // Западов В. А. Вопросы теории русской литературы XVIII века. Магнитогорск, 1995. С. 22.

² Благой Д. Д. История русской литературы XVIII века. М., 1960. С. 181.

³ Гуковский Г. А. Русская литература XVIII века. М., 1998. С. 174.

⁴ Лебедева О. Б. История русской литературы XVIII века: Учебник. М., 2003. С. 139.

что «давно отмеченное однообразие русских метров и строфики XVIII века (...) является прямым следствием господства в лирике пиндарической формы»¹.

Оба эти тезиса: о прикрепленности стиховой формы к жанру и о бедности репертуара форм — настолько прочно вошли в научное сознание, что к ним апеллируют как к очевидным, безусловно доказанным и общепринятым. Между тем, статистические данные по русской метрике и строфике XVIII века, полученные стиховедами, убедительно опровергают представление о будто бы присущей поэзии этого периода бедности арсенала версификационных структур. Так, по данным К. Д. Вишневого, почти все варианты объема строфы, зафиксированные в русской поэзии, были известны уже в XVIII веке.² Дж. Смит обнаружил в поэзии этого периода 681 вариант сочетания стихотворного размера со строфической формой³ — не считая различных видов астрозизма. Данные, полученные еще в 1970-е годы Вишневым, а также в самое недавнее время Е. В. Хворостьяновой, О. С. Лалетиной, Е. М. Матвеевым⁴, показывают, что количество стихотворных размеров, встречаемых у отдельных поэтов XVIII века, вполне сопоставимо с метрическим репертуаром некоторых поэтов последующей эпохи. Так, Третьяковский, Ломоносов и Ржевский используют соответственно 12, 13 и 14 самостоятельных стихотворных размеров; для сравнения: у Батюшкова встречается 11 размеров, у Баратынского — 16, у Кольцова — 16, у Тютчева — 14⁵.

Что касается соотношения стиха и жанра, то, как демонстрируют подсчеты Вишневого, следует говорить не о строгой прикрепленности одного к другому, не о каноне, а скорее о достаточно зыбкой тенденции, об относительном жанровом

¹ Алексеева Н. Ю. Русская ода: Развитие одической формы в XVII—XVIII вв. СПб., 2005. С. 356.

² Вишневский К. Д. Введение в строфику // Проблемы теории стиха. Л., 1984. С. 45.

³ См.: Смит Дж. Строфика русской поэзии 1735—1816 гг. // Смит Дж. Взгляд извне: Статьи о русской поэзии и поэтике. М., 2002. С. 71.

⁴ См.: Лалетина О. С., Хворостьянова Е. В. Метрика и строфика М. В. Ломоносова // Петербургская стихотворная культура: Материалы по метрике, строфике и ритмике петербургских поэтов: Сборник статей. СПб., 2008. С. 64—122; Матвеев Е. М. Метрика и строфика А. А. Ржевского // Петербургская стихотворная культура... С. 123—175.

⁵ По данным С. А. Шахвердова (по Е. А. Баратынскому), А. Н. Безубова (по А. В. Кольцову), Л. П. Новинской (по Ф. И. Тютчеву), опубликованным в изд.: Русское стихосложение XIX в.: Материалы по метрике и строфике русских поэтов. М., 1979.

тяготении некоторых форм¹. Так, по данным исследователя, лишь немногим более половины стихотворений, в которых использованы так называемые «канонические» одические 10-стишия (4-стопный ямба, AbAbCCdEEed), можно отнести к жанру торжественной оды: более 40% случаев обращения к этой модели — произведения других жанров: среди них элегии, сатиры, притчи, песни, кантаты. И наоборот: среди торжественных од XVIII века «канонической» строфой написаны только 48%; в 31% произведений этого жанра использованы строфы другого объема или астрофический стих. Опираясь на обширные статистические данные, Вишневский приходит к выводу о том, что «каждый метр легко обслуживает самые разнообразные жанры, правда, в ряде случаев, ощущается определенное тяготение метра к одному или нескольким жанрам»².

По всей видимости, в русской поэзии XVIII столетия прикрепленность метра и строфики к жанру существовала не столько в виде сформировавшейся строгой системы, сколько в виде некоей идеальной установки, которая была задана ориентацией на европейскую классицистическую эстетику и через нее — на античную традицию. Описывая некоторые особенности стиха XVIII века, Е. В. Хворостьянова отмечает, что «в специфической для России ситуации строительства новой светской литературы нормативность западноевропейского классицизма оказалась решительно трансформированной. Строго говоря, русский классицизм не знает нормы как общепринятых предустановленных правил, которые следует соблюдать. Нормативность осуществляет себя как пафос художественной и эстетической деятельности, идеал, который должен быть выработан»³.

Недаром авторы русских поэтик того времени, предлагая описания тех или иных жанров, зачастую считают необходимым дать указания относительно того, какие размеры в них следует употреблять, причем, как отметил еще Вишневский⁴, указания эти крайне нестроги: они носят не регламентирующий, а рекомендательный характер, и сводятся чаще всего к тому, что пи-

¹ См.: *Вишневский К. Д.* Русская метрика XVIII века // Вопросы литературы XVIII века. (Пензенский государственный педагогический институт им. В. Г. Белинского. Уч. зап. Сер. филологическая. Т. 123.) Пенза, 1972. С. 129—231.

² *Вишневский К. Д.* Русская метрика XVIII века. С. 227.

³ *Хворостьянова Е. В.* Конвенциональный принцип в поэтике русского классицизма // Хворостьянова Е. В. Условия ритма: Историко-типологические очерки русского стиха. СПб., 2008. С. 160.

⁴ См.: *Вишневский К. Д.* Русская метрика XVIII века. С. 225—226.

сать произведения соответствующего жанра можно совершенно любым или почти любым стихотворным размером. Так, Н. Остолопов, чей «Словарь древней и новой поэзии» Вишневский предлагает считать своего рода обобщением поэтической практики русского классицизма¹, говоря о сатире, отмечает, что «всякий размер, всякие стихи в ней употреблены быть могут; но разумеется, что для важных сатир приличнее стих шестистопный, а для шуточных сверх шестистопных, могут быть приличны стихи четырехстопные и даже вольные»². И. Рижский, характеризуя жанр рондо, указывает: «...сие сочинение состоит из 13 стихов, которые могут быть всякой меры, кроме шестистопных, свойственных важным сочинениям»³.

Попытки утвердить стиховые параметры жанрового канона очень наглядно обнаруживают конфликт между установкой на рационалистическую строгость, с одной стороны, и стихийным разнообразием реальной поэтической практики, с другой. Конфликт этот, как представляется, имел вполне очевидные исторические причины. Усвоение классицистической жанровой системы пришлось в русской литературе на тот период, когда французский классицизм, в ходе своего более чем векового развития, уже пережил эпоху высшего расцвета и последующего упадка, затем получил новое осмысление под влиянием идей Просвещения и продолжал существовать в активном взаимодействии с барочной традицией, возрожденной в эстетике рококо. В русской поэзии, совсем недавно открывшей для себя европейское культурное пространство, все эти эволюционные этапы очень быстро следовали друг за другом, не успевая войти в период стабилизации. Разнообразные эстетические тенденции, развивавшиеся во французской литературе одна на основе другой и сменявшие друг друга диахронически, воспринимались в России почти синхронно, и их причудливое взаимодействие в значительной степени определило, в том числе, направление поисков в области стихосложения. Стремление к выработке классицистического канона требовало строгой регламентации форм, употребительных в том или ином жанре, а следовательно, и ограниченности арсенала версификационных средств;

¹ См.: Вишневский К. Д. Русская метрика XVIII века. С. 184.

² Словарь древней и новой поэзии, составленный Николаем Остолоповым. Ч. 2. СПб., 1821. С. 63.

³ Наука стихотворства, сочиненная Императорской Российской Академии Членом, Коллежским Советником и Кавалером Иваном Рижским, и оною Академиею изданная. СПб., 1811. С. 100.

просветительское стремление к энциклопедизму породило тенденцию к предельному разнообразию и полной исчерпывающей инвентаризации стиховых форм; наконец, барочное стремление к максимальной индивидуализации и изощренности стимулировало разработку новых, уникальных средств воплощения для каждой поэтической темы¹.

Указанное сосуществование противоположных тенденций — к сужению репертуара форм, прикрепленных к конкретным жанрам, и в то же время к предельному расширению этого репертуара, к предельной индивидуализации метрико-строфического воплощения темы — наглядно демонстрируют полученные Дж. Смитом данные по употребительности различных строфических моделей (то есть вариантов сочетания стихотворных размеров и стрóf). Оказалось, что «почти три четверти всех 681 строфических форм, обнаруженных в 3135 строфических стихотворениях, представлены в этом материале только по одному разу»; зато «десять самых частых форм охватывают больше половины всех рассматриваемых стихотворений»².

В этих сложных условиях процесс поиска стиховых форм, наиболее уместных в том или ином жанре, оставался живым на протяжении всего XVIII столетия, пока, в результате постепенной культурно-эстетической переориентации, поиски соответствия метра семантике не приобрели иную — уже не жанровую, а тематическую — направленность³. Тексты произведений, включенных в настоящее издание, отобраны таким образом, чтобы наглядно продемонстрировать читателю, насколько разнообразны были поиски поэтов XVIII века в области версификационного воплощения жанров. Круг поэтов, творчество которых послужило материалом для антологии, принци-

¹ Проблема соотношения и своего рода «взаимоналожения» сменяющих друг друга эстетических стратегий русского XVIII века была предметом обсуждения на заседании секции «Русская литературная культура XVIII в.» XXXIX Международной филологической конференции, проходившей на филологическом факультете Санкт-Петербургского государственного университета 15—20 марта 2010 года. Участники заседания (П. Е. Бухаркин, Е. В. Хворостянова, Н. Ю. Алексеева, Н. А. Гуськов, Е. М. Матвеев, К. Ю. Тверьянович и др.) отметили, что обсуждаемая проблема является одной из наиболее серьезных и сложных в современном изучении литературы XVIII столетия и требует дальнейшей разработки.

² *Смит Дж.* Строфика русской поэзии 1735—1816 гг. // Смит Дж. Взгляд извне: Статьи о русской поэзии и поэтике. М., 2002. С. 71.

³ См.: *Гаспаров М. Л.* Метр и смысл: к семантике русского 3-стопного хорея // Известия Академии наук СССР: Серия литературы и языка. М., 1976, № 4. С. 357—366.

пиально ограничен только хронологически. Из стихотворений 1800—1810-х годов были отобраны только написанные поэтами, чья творческая индивидуальность сложилась ранее, в русле поэтической традиции XVIII столетия (например, стихотворения Г. Р. Державина, В. В. Капниста, И. И. Дмитриева). Подбор текстов, реализующих разнообразные сочетания стиховых форм и жанров, был в значительной степени подсказан стиховедческими работами, посвященными поэзии XVIII века и содержащими указания на примеры нетривиальных комбинаций¹. Некоторые примеры были обнаружены с помощью указателей к метрико-строфическим справочникам по произведениям Ломоносова и Ржевского². Таким образом, выбор был, за некоторыми исключениями, ограничен рамками описанного стиховедами материала. В результате, в антологию вошли тексты самых разных поэтов — не только первого ряда, но и второстепенных, и вовсе малоизвестных.

Тексты произведений большого объема представлены в виде фрагментов. Каждый пример снабжен самыми необходимыми стиховедческими пояснениями: указанием стихотворного размера, характеристикой строфического строения, в отдельных случаях — предельно лапидарным описанием наиболее ярких особенностей ритмической структуры и рифмовки.

В антологии не предлагается глоссария стиховедческих терминов: все они, за исключением специально оговоренных случаев, употреблены в том значении, в котором вводятся в рамках лекционного курса «Теория литературы (Стиховедение)», читаемого студентам-русистам на филологическом факультете Санкт-Петербургского государственного университета. В том же значении они употребляются в издании: Холшевников В. Е. Основы стиховедения: Русское стихосложение: Учеб. пособие для студ. филол. фак. СПб.; М., 2002; а также, с некоторыми дополнениями, в издании: Петербургская стихотворная культура: Материалы по метрике, строфике и ритмике петербургских поэтов: Сборник статей. СПб., 2008.

Квалификация различных стиховых форм основана на принципах, общепринятых в современном стиховедении, а в спорных и пограничных случаях опирается на «Инструкцию к состав-

¹ См.: Вишневецкий К. Д. Русская метрика XVIII века; Гаспаров М. Л. Очерк истории русского стиха...; Смит Дж. Строфика русской поэзии 1735—1816 гг. и др.

² См.: Лалетина О. С., Хворостьянова Е. В. Метрика и строфика М. В. Ломоносова; Матвеев Е. М. Метрика и строфика А. А. Ржевского.

лению метрико-строфических справочников по произведениям русских поэтов XVIII—XX вв.»¹.

Как было указано выше, в соответствии с основной задачей пособия — продемонстрировать разнообразие версификационных исканий XVIII века — составившие его тексты сгруппированы по разделам в зависимости от жанровой принадлежности. Не стремясь решить сложную и до сих пор недостаточно разработанную проблему четкого разграничения жанров, мы квалифицировали жанровую природу каждого конкретного текста на основе авторского определения, обычно данного в заглавии. Если в автографе или хотя бы в одном из изданий, опубликованных при жизни поэта, произведение было озаглавлено как «Эпистола», «Идиллия», «Песня», «Мадригал» и т. д. — оно относилось к соответствующему жанру. Эпистолами считались также стихотворения, в заглавии которых, помимо соответствующего слова, присутствуют также слова «послание», «письмо» или обозначение адресата. Короткие стихотворения (до 9 строк), озаглавленные «На смерть <такого-то>», учитывались как эпитафии. Анакреонтическими одами, помимо соответствующим образом озаглавленных стихотворений, считались также любые переводы греческой анакреонтики. Разумеется, даже при наличии подобных заглавий, жанровая принадлежность некоторых произведений может показаться сомнительной: например, стихотворение может быть озаглавлено как послание, но иметь также очевидные признаки элегии или сатиры. Однако представляется, что для осуществления задач настоящего издания, подобные пограничные случаи можно признать допустимыми вариациями жанра: ведь примеры синтетических форм тем нагляднее демонстрируют множественность путей, избираемых русскими поэтами XVIII столетия для выработки канона.

Количество текстов каждого жанра, представленное в антологии, определяется взаимодействием двух факторов: во-первых, тем, сколь строго данный жанр связан с определенной стихотворной формой, а во-вторых, степенью популярности жанра. Обычно чем чаще происходит обращение к жанру, тем более разнообразны и формы его стихотворного воплощения, хотя есть исключения (например, рондо). Однако, поскольку объем издания необходимо ограничить разумными рамками, число примеров

¹ См.: *Тверьянович К. Ю., Хворостьянова Е. В.* Инструкция к составлению метрико-строфических справочников по произведениям русских поэтов XVIII—XX вв. // *Петербургская стихотворная культура...* С. 11—63.

даже для самых разнообразных в стиховом отношении жанров не превышает десяти — пятнадцати.

Каждый раздел, объединяющий тексты одного жанра, открывают произведения, в которых представлена стихотворная форма, считающаяся для данного жанра канонической. Далее следуют примеры прочих, иногда самых экзотических вариантов его версификационного воплощения.

В антологии представлены примеры всех жанров, сколько-нибудь употребительных в русской поэзии XVIII века (ода торжественная, духовная, анакреонтическая, идиллия, элегия и т. п.) и/или последующих периодов (рондо, триолет). Жанры, случаи обращения к которым можно считать единичными (например, героида, ноэль), не рассматриваются.

Порядок расположения в антологии разделов, содержащих тексты различных жанров, ориентирован на существовавшую в XVIII столетии традицию, согласно которой в изданиях стихотворных произведений жанры часто следовали в порядке согласно формуле «Богу — царю — человеку»: сначала духовные оды и гимны, затем торжественные оды, а затем прочие жанры¹.

Основная часть антологии, содержащая тексты стихотворных произведений с краткими комментариями, предваряется обзором наиболее употребительных в XVIII веке метрических и строфических форм. Обзор не затрагивает сложных исторических и теоретических проблем, таких как, скажем, силлаботоническая реформа русского стиха; ее значение для последующего развития русского стихосложения, роль в ней основных фигурантов — Тредиаковского и Ломоносова, а также Канте-

¹ Подробнее о структуре сборников поэтических произведений в XVIII в. см.: *Дарвин М. Н.* 1) Русский лирический цикл: проблемы истории и теории. На материале поэзии первой половины XIX века. Красноярск, 1988. С. 29—45; 2) «Стихи на разные случаи» В. К. Тредиаковского: «свое» и «чужое» // Циклизация литературных произведений. Системность и целостность. Кемерово, 1994. С. 23—30; *Коган А. С.* Типы объединения лирических стихотворений в условиях перехода от жанрового к внежанровому мышлению (на материале русской поэзии первой половины XIX века): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Киев, 1988. С. 1—5; *Пономарева М. В.* О композиции первых трех томов «Сочинений» Г. Р. Державина (1808—1816 гг.) // Материалы XXXV международной филологической конференции. Вып. 17. История русской литературы: Сб. памяти проф. А. Б. Муратова. 13—18 марта 2006 г. СПб., 2006. С. 37—45; *Серман И. З. И. Ф. Богданович* // Богданович И. Ф. Стихотворения и поэмы. Л., 1957. С. 28, 224; *Levitt M.* Sumarokov and the Unified Poetry Book: «Ody torzestvennyia» and «Elegii ljiubovnyja» Through the Prism of Tradition // Russian Literature (North Holland). Special Issue: Eighteenth Century Russian Literature. LII: I/II/III (1 July — 15 August — 1 October 2002). P. 111—139.

мира и Сумарокова; причины, определившие господство ямба в метрическом репертуаре русской поэзии и т. п. Для изучения подобных вопросов, которые до сих пор остаются предметом дискуссий, студентам предлагается обратиться к соответствующей учебной и научной литературе.

Издание снабжено краткой библиографией стиховедческих научных работ о русской поэзии XVIII века. Предлагаемый список не является полным, однако содержит указания на все основные исследования, необходимые студенту для углубленного изучения различных аспектов русского стихосложения XVIII века в рамках общих курсов теории литературы и стиховедения. Исследования, с которыми студентам рекомендуется ознакомиться в первую очередь, помечены «звездочкой» (*).

Предлагаемое пособие предназначено для студентов филологических специальностей, образовательная программа которых предусматривает изучение теории и истории русского стиха. Кроме того, оно может стать подспорьем при освоении дисциплин историко-литературного цикла, связанных с изучением русской поэзии XVIII века.

Автор выражает глубокую признательность доктору филологических наук, профессору кафедры истории русской литературы филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета Елене Викторовне Хворостьяновой, чьи научные консультации и советы помогли этой книге появиться на свет.

Метрика и строфика русской поэзии 1735—1810-х годов Краткий обзор

Русская поэзия XVIII века характеризуется богатейшим разнообразием стиховых структур и индивидуальных поэтических систем. Об этом свидетельствуют даже самые общие подсчеты по употребительности метрических форм.

В метрическом репертуаре эпохи более 80% текстов составляют ямбы. Хорейями, занимающими второе место по популярности, написано менее 13%, а оставшиеся 7% приходятся на все остальные метры¹. Среди стихотворных размеров абсолютно лидируют три ямбических — вольный, 6-стопный и 4-стопный: вместе они составляют более 70% всех произведений. Чуть более 10% приходится на 4-стопный хорей, и менее 20% — на все остальные стихотворные размеры, классические и неклассические. При этом репертуар «прочих» форм очень разнообразен и насчитывает несколько десятков (!) стихотворных размеров.

Давая общую характеристику метрики XVIII века, М. Л. Гаспаров отмечает, что «жанровое мышление и прикрепленность размеров к жанрам определяли метрический облик всей поэзии»² столетия. Однако это утверждение акцентирует лишь наиболее характерную тенденцию эпохи. Вишневский убедительно показал, что связь между метром и жанром была очень зыбкой: правильнее было бы говорить об «определенном тяготении метра к одному или нескольким жанрам»³: «...для воплощения определенного содержания существовали некоторые излюбленные формы стиха, но не было никаких ограничений для того, чтобы то же самое содержание воплотить в *любой* другой строфической или метрической форме, какую только

¹ См.: Вишневский К. Д. Русская метрика XVIII века // Вопросы литературы XVIII века. (Пензенский государственный педагогический институт им. В. Г. Беллинского. Уч. зап. Сер. филологическая. Т. 123.) Пенза, 1972. С. 129—231.

² Гаспаров М. Л. Очерк истории русского стиха. Метрика. Ритмика. Рифма. Строфика. М., 2000. С. 58.

³ Вишневский К. Д. Русская метрика XVIII века. С. 227.

подскажет фантазия автора. И поэты XVIII века здесь себя ничем не стесняли»¹.

Так, основным размером эпических поэм, трагедий, сатир, идиллий, эклог и элегий был 6-стопный ямб; торжественные оды писались преимущественно 4-стопным ямбом; басни — вольным ямбом; легкая поэзия — 4-стопным хореем и 3-стопным ямбом и т. д. Однако, стремясь придать стихотворению уникальный ритмический облик, интонационную новизну в рамках привычного жанра, поэты использовали самые разнообразные стихотворные размеры, примеры чему приведены в этой книге.

Наименования стихотворных размеров, принятые в XVIII веке, не всегда совпадали с современными. С одной стороны, употреблялись привычные нам метрические определения, такие как «шестишопный ямб», «четырёхшопный хорей» и т. д. С другой стороны, использовались и другие наименования, заимствованные из античной теории стиха: например, 6-шопный ямб назывался иначе «ямбическим триметром», поскольку состоял из трех «диподий» (так в греческом и римском стихосложении называли повторяющееся сочетание двух шоп); соответственно, 4-шопный хорей назывался «хорейческим диметром». Иногда в наименовании размера опирались на шоп, а не «диподий»: так, Трелиаковский называет 6-шопные стихи «экшаметрами», а 5-шопные «пешаметрами»². Наконец, некоторые стихотворные размеры имели свои собственные, особые названия: так, 6-шопный ямб именовался иначе «александрийским стихом», а структуры, имитирующие античные логаядические размеры, обозначались именами «изобретателей» этих размеров («сафические стихи», «алкейские стихи»).

Рассмотрим теперь основные особенности наиболее популярных в XVIII веке метрических форм, их архитектурические и жанровые предпочтения.

¹ Вишневикий К. Д. Введение в стихотворную технику XVIII века // Вопросы штиля и метода в русской и зарубежной литературе. Пенза, 1970. С. 11.

² Эту путаницу с использованием античной терминологии отразил словарь Остолопова, где в статье «Стих» содержится примечание: «В греческом и латинском стихосложении называются стихи по числу шоп: Экшаметр (6), Пешаметр (5), Тетраметр (4), Триметр (3), Диметр (2). — См. сии слова». Однако в статье «Диметр», к которой, в частности, отсылает это примечание, сказано следующее: «В греческом и латинском стихосложении называют сим именем ямбические четырёхшопные стихи от того, что древние разделяли ямбический стих по мерам или метрам, а каждый метр заключал две шопы» (*Словарь древней и новой поэзии*, составленный Николаем Остолоповым. СПб., 1821).

4-стопный ямб

4-стопный ямб, ведущий стихотворный размер поэзии XIX века, в XVIII столетии был третьим по употребительности после ямба вольного и 6-стопного: по данным Гаспарова, им была написана почти 1/5 всех стихотворных текстов (17,9%)¹.

«Первооткрывателем» русского 4-стопного ямба принято считать М. В. Ломоносова: именно этим размером написана его знаменитая «Хотинская ода» 1739 года (*«Ода блаженныя памяти государыне императрице Анне Иоанновне на победу над турками и татарами и на взятие Хотина 1739 года»*)², к которой прилагалось «Письмо о правилах Российского стихотворства».

Основной сферой применения 4-стопного ямба были лирические жанры: он абсолютно господствовал в торжественных одах (Ломоносов *«Ода, которую в торжественный праздник высокого рождения... Иоанна Третьего... веселящаяся Россия произносит»*, *«Всепопданнейшее поздравление для восшествия на всероссийский престол... Елизаветы Петровны...»*, А. П. Сумароков *«Ода вздорная I»*); был одним из ведущих размеров духовных од (наряду с 4-стопным хореем: Крылов *«Ода, выбранная из псалма 93-го»*); среди «средних» жанров особенно часто использовался в «стансах» (Княжнин *«Стансы Богу»*, Державин *«Стансы Кларисе»*, Ржевский *«Хоть нет надежды мне любить...»*, Хемницер *«Стансы на суету...»*); среди «низких» — в романсах и песнях (Карамзин *«Военная песнь»*). Однако встречается он и в анакреонтической (Богданович *«Ода из Анакреонта XIV»*), и в горацианской оде (Капнист *«На роскошные обиталища»*), и в притче (А. П. Сумароков *«Лягушка»*, Ломоносов *«Лиш только дневной шум замолк...»*), и в эпиграмме (Крылов *«Эпиграмма»*), и в идиллии (Львов *«Идиллия. Вечер 1780 года ноября 8»*), в балладе (Дмитриев *«Старинная любовь»*, Карамзин *«Рауса»*), эпитафии (Карамзин *«Эпитафия»*), послании (Державин *«Атаману и войску Донскому»*, Львов *«Доброму человеку»*, Николев *«Послание к князю Николаю Михайловичу Козловскому»*).

Как показали стиховедческие исследования К. Ф. Тарановского, М. Л. Гаспарова, М. И. Шапира и других, ритм расположения ударений в строке 4-стопного ямба на протяже-

¹ См.: Гаспаров М. Л. Очерк истории русского стиха. С. 316.

² Курсивом выделены заглавия и первые строки произведений, представленных в настоящем издании.

нии XVIII века претерпел определенную эволюцию. В первых ямбических стихотворениях Ломоносова подавляющее большинство строк не имеют пропусков ударений на метрически сильных местах (Ломоносов «*Ода, которую в торжественный праздник высокого рождения... Иоанна Третьего... веселящая Россия произносит*»). Свое пристрастие к полноударному стиху поэт декларирует и в «Письме о правилах Российского стихотворства», предлагая употреблять в торжественной оде по возможности «чистые», то есть полноударные, ямбы: «Чистые ямбические стихи (...) поднимаясь тихо вверх, материи благородство, великолепие и высоту умножают. Оных нигде не можно лучше употреблять, как в торжественных одах...»¹. Ямбы с пропусками ударений («пиррихиями») Ломоносов называет «неправильными», или «вольными» (не следует путать с современным значением термина «вольный ямб»). Не отрицая возможности их употребления, поэт все же считал, что подобные ритмические структуры более уместны в песнях, чем в торжественном стихе.

Впрочем, Ломоносов признавался, что «чистые ямбические стихи... трудновато сочинять»². Главная трудность связана с объективными свойствами русского языка, где значительную часть словаря составляют слова 3-сложные и более длинные, которые в схему «чистого» ямба уложить невозможно. Оказывается, что следование требованию полноударности существенным образом сокращает лексическую свободу поэта — богатство его словаря. По выражению Жирмунского, силлабо-тоническая система здесь «наталкивается... на сопротивление языкового материала»³, поэтому уже в 1740-х годах доля «пиррихийев» в ломоносовском 4-стопном ямбе (или «ямбическом тетраметре», если пользоваться его собственной терминологией) начинает расти.

Вопреки общепринятой точке зрения на причину обращения русских поэтов к использованию в этом размере неполноударных строк, М. И. Шапир высказал предположение, что изменить свои ритмические предпочтения Ломоносова заставил приход к власти императрицы Елизаветы Петровны. Дело в том, что упоминание в оде имени новой государыни неизбежно требовало использования хотя бы одного «пиррихия», а то и двух — если

¹ Ломоносов М. В. Письмо о правилах Российского стихотворства // Ломоносов М. В. Избранные произведения. Л., 1986. С. 470.

² Там же.

³ Жирмунский В. М. О национальных формах ямбического стиха // Теория стиха. Л., 1968. С. 21.

имя употреблялось в косвенном падеже¹. В результате изменился и синтаксис стиха: если господство полноударной формы позволяло «уместить» едва ли не в каждой строке целое простое предложение, то обращение к «пиррихиям» сократило количество полнозначных слов в строке, а следовательно, уменьшило ее «синтаксический вес»². Поэтому все чаще стали встречаться случаи, когда одна синтагма охватывает не одну, а сразу две или несколько строк — «переносы мысли», в терминологии Тредиаковского (enjambements).

В результате проб и экспериментов в русском 4-стопном ямбе формируется специфический ритмический рисунок, который становится нормой в творчестве большинства поэтов XVIII века и в современной теории стиха именуется «рамочным ритмом». Еще Андрей Белый в статьях о 4-стопном ямбе, вошедших в его знаменитый сборник «Символизм» (М., 1910), отмечал, что все русские поэты — и XVIII, и XIX века — чаще всего пропускали в этом размере ударение на III стопе, но характерная особенность XVIII века — это ослабленность II-го икта по сравнению с I-м. Иными словами, ритмические формы с пропуском ударения на II стопе («Вели́кая Петро́ва дщѣрь» и «Изво́лила Елисавет») употребляются в четыре раза чаще, чем формы с пропуском на I стопе («И колеба́ть престанѣте све́т» и «Екатери́ниной руко́й»)³. Впоследствии открытие Белого было подтверждено исследованием К. Ф. Тарановского, результаты которого опубликованы в его фундаментальной монографии о русских двусложных размерах⁴. В целом ритмический рисунок 4-стопного ямба XVIII века можно охарактеризовать следующим образом: последний икт — ударная константа, I икт ударен почти всегда, на II стопе «пиррихии» (пропуски метрических ударений) встречаются чаще, а на III — чаще всего (почти

¹ См.: Шапир М. И. У истоков русского четырехстопного ямба: генезис и эволюция ритма (Социолингвистика стиха раннего Ломоносова) // Шапир М. И. *Universum versus: Язык—стих—смысл в русской поэзии XVIII—XX веков*. Кн. 1. М., 2000. С. 131—160.

² Шапир М. И. Ритм и синтаксис Ломоносовской оды (К исторической грамматике русского стиха) // Шапир М. И. *Universum versus...* С. 163.

³ Примеры М. Л. Гаспарова (см.: *Гаспаров М. Л. Очерк истории русского стиха*. С. 81). На месте пропуска метрического ударения гласные выделены курсивом.

⁴ См.: Тарановски К. Руски дводелни ритмови. I—II. Београд, 1953; русский перевод: Тарановский К. Русские двусложные размеры: Статьи о стихе. М., 2010.

в половине случаев). Впервые такой тип ритма был использован Ломоносовым в переводе немецкой оды Я. фон Штелина, посвященной восшествию на престол Елизаветы Петровны («*Всепопданнейшее поздравление для восшествия на всероссийский престол... Елизаветы Петровны...*»)¹. По предположению Гаспарова, «художественный эффект этого подчеркивания ударной рамки (...) в том, что (...) каждый стих выступает более выделенно и самостоятельно и что в каждом стихе ритм отчетливо задается с самого начала. И то и другое вполне соответствует духу классицистической эстетики»². Аналогичные закономерности выделения границ ритмического ряда обнаруживаются в эту эпоху не только на уровне отдельной стихотворной строки, но и на уровне строфы (см. ниже, разделы «4-стишие», «10-стишие»).

Основными строфическими формами, в сочетании с которыми употреблялся 4-стопный ямб, были 4-стишия (Неизвестный автор «*Ода по примеру Анакреонта к живописцу*», Карамзин «*Военная песнь*», Княжнин «*Стансы Богу*» и др.) и 10-стишия (Дмитриев «*Гимн Богу*», Богданович «*Ода из Анакреонта XIV*», Сумароков «*Ода, сочиненная в первые лета моего во стихотворении упражнения*» и др.), однако нередки и случаи его использования в сочетании с другими типами строф: 6-стишиями (Муравьев «*Ода*»), 8-стишиями (Карамзин «*Гимн глупцам*»), 12-стишиями (Державин «*Атаману и войску Донскому*»); а также с нечетностишными строфами: 5-стишиями (Крылов «*Ода, выбранная из псалма 93*»), 7-стишиями (Дмитриев «*Старинная любовь*», Капнист «*На разврат нравов*»), 11-стишиями (Капнист «*На роскошные обиталища*»); с астрофическим стихом — парной рифмовки (Капнист «*К лире*»), вольной рифмовки (Дмитриев «*Гимн восторгу*», Львов «*Идиллия. Вечер 1780 года ноября 8*», Николев «*Послание к князю Николаю Михайловичу Козловскому*» и др.); с одиночными строфами (Крылов «*Эпиграмма*», Карамзин «*Эпитафия*»), с твердыми формами (Карамзин «*Триолет Лизете*»).

К концу столетия, когда начинается интенсивный процесс размывания жанровых границ, 4-стопный ямб распространяется на жанры, в которых он прежде не употреблялся или ис-

¹ См.: Шапир М. И. У истоков русского четырехстопного ямба: генезис и эволюция ритма... С. 133—135.

² См.: Гаспаров М. Л. Очерк истории русского стиха. С. 81.

пользовался в качестве исключения: он становится популярной метрической формой элегической лирики, эпистолярной, повествовательной — и наконец начинает выполнять роль универсального размера, которая в XVIII веке принадлежала ямбическому 6-стопнику.

Начинают меняться и ритмические, и строфические предпочтения 4-стопного ямба. Так, вместе с жанром торжественной оды постепенно выходит из употребления и одическое 10-стишие. «Рамочный» ритм с выделением первого и последнего иктов начинает уступать место «альтернирующему», с более слабой I-й стопой и более сильной II-й: этот тип становится господствующим в XIX веке, хотя отдельные произведения, отразившие происходящую смену ритмических предпочтений, встречаются уже в последней четверти XVIII столетия.

6-стопный ямб

6-стопный ямб, или «ямбический гексаметр», как именовали его в XVIII веке, был самым многофункциональным размером. Гаспаров отмечает, что хотя бы по одному разу он встречается во всех жанрах без исключения¹, хотя прослеживаются и определенные предпочтения.

Прежде всего, 6-стопный ямб был размером крупных произведений — драматических и эпических: им писались трагедии (А. П. Сумароков «Хорев»), героические поэмы (Ломоносов «Петр Великий», 1761; Херасков «Россияда», 1779, «Владимир», 1785; Херасков «Чесмесский бой»), ироикомические (В. Майков «Елисей, или Раздраженный Вах», 1769) и дидактические поэмы (Херасков «Плоды наук», 1761), героиды (Хемницер «Письмо Барнвеля к Труману из темницы. Героида», 1774). Также ямбический 6-стопник был основным размером идиллий (Хованский «Идиллия. Милонова птичка»), элегий (Херасков «Элегия»), эклога (Муравьев «Эклога к его превосходительству Алексею Васильевичу Олешеву»), сатир (Хемницер «Сатира на прибытокжаждущих стихотворцев»), эпистол (Дмитриев-Мамонов «Эпистола к красавицам»); употреблялся он и в «стансах» (Пестов «Станс. Чем отличаются начальники от подчиненных», Ржевский «Я счастья сего на свете не желаю...»), и в притчах (А. П. Сумароков «Тщетная

¹ См.: Гаспаров М. Л. Очерк истории русского стиха. С. 81.

предосторожность»), и даже в духовных и торжественных одах (Сумароков «Из 3—16—63 псалмов», Ломоносов «Венчанная надежда Российской Империи...», Петров «На подносимую ея величеству, высокую титулу...»). В середине столетия им часто писались и эпиграммы (Дмитриев-Мамонов «Эпиграмма к попугаю»), и мадригалы (Дмитриве-Мамонов «Мадригал», А. П. Сумароков «Мадригал»), эпитафии (Дубровский «Три эпитафии на скупого»), надписи (Ломоносов «Надпись 5 к той же (Надпись к статуе Петра Великого)», Майков «Стихи к изображению господина Димздаля» и др.), шутки, загадки, афоризмы и проч. Однако из них 6-стопник достаточно рано был вытеснен вольным ямбом¹. В целом, по данным Вишневого, на долю 6-стопного ямба в XVIII столетии приходится около четверти всех стихотворных произведений².

Этот ямбический размер, как и 4-стопник, был введен в русскую поэзию Ломоносовым: первые примеры представлены еще в переводах 1742 года — оды немецкого поэта Юнкера «Венчанная надежда Российской империи...» и отрывка из поэмы Лукреция «De rerum natura», который вошел в трактат «Первые основания горной науки»³. Вскоре Ломоносов создает и первые образцы сочетания 6-стопного ямба с наиболее характерной для него впоследствии формой строфической организации — астрофическим стихом парной рифмовки, с чередованием мужских и женских рифм. Эта метрико-строфическая структура получила в русской традиции наименование «александрийского стиха» — вслед за французским стихом того же слогового объема (12-сложником) и такой же рифмовки (aaBBccDD...) (le vers alexandrin). Одним из наиболее ранних примеров обращения Ломоносова к этой структуре является «Надпись 5 к той же (Надпись к статуе Петра Великого)»; Вишневецкий также указывает на один из примеров в «Риторике» (1743).

Кроме того, 6-стопный ямб употреблялся в сочетании с различными типами строф: 4-стишиями (А. П. Сумароков «Прости, моя любезная, мой свет, прости...», Ржевский «Я счастья сего на свете не желаю...», Дмитриев «Идиллия» и др.), 6-стишиями (Херасков «Станс, сочиненный в Санкт-Петербурге

¹ См.: Гаспаров М. Л. Очерк истории русского стиха. С. 81.

² См.: Вишневецкий К. Д. Русская метрика XVIII века. С. 155.

³ См.: Тарановский К. Ф. Шестистопный ямб Ломоносова // Russian Verse Theory: Proceedings of the 1987 Conference at UCLA / UCLA Slavic Studies 18. Columbus, Ohio, 1989. P. 395.

в 1761 году»), 8-стишиями (Ломоносов «Венчанная надежда Российской Империи...»). Встречался он и в одиночных строфах (Ломоносов «Иные на горы катают тяжки камни...»), и в астрофических структурах вольной рифмовки (Попов «Надпись князю Андрею Яковлевичу...») и безрифменных (Ломоносов «Старается во сне свой голод утолить...», Нелединский-Мелецкий «Отрывок письма к Ал. Вас. Нарышкину, из Петербурга в Москву 1782 года», Муравьев «Ужасно возгремел отец богов и смертных...»), и в моностихах (Карамзин «Покойся, милый прах, до радостного утра!»). По данным Вишневского, на одиночные строфы приходится 18% произведений, написанных этим размером; на строфический стих — 12%, на астрофический безрифменный и вольнорифмованный — 3%¹. Кроме того, в русской традиции 6-стопный ямб сразу стал основной ритмической формой сонетов.

В первых ломоносовских опытах этот размер, как и 4-стопник, представлен в ритмическом варианте, близком к полноударному. Однако, как показал Тарановский, уже в последующих примерах складывается «симметричный» ритм, который впоследствии стал наиболее характерным для XVIII века². Особенностью такого ритма является высокая ударность I, III и IV иктов при ослабленных II и V (последний, VI икт — ударен всегда): «Собрáние нау́к, исправленны судьбы»; «Старáется во сне свой го́лод утоли́ть...». Акцентная симметрия стихотворной строки подчеркивается мужской цезурой после III стопы. Иными словами, как и в ямбическом 4-стопнике, в 6-стопнике образуется своеобразная «ударная рамка», которая, однако, выделяет не только отдельный стих (то есть I и VI икты), но и полустихия (то есть также III и IV икты)³. Эта ритмическая особенность обыгрывается Ржевским в его «Сонете, три разные системы заключающем»: ритмически подобные друг другу полустихия 6-стопного ямба могут быть восприняты как независимые стиховые единицы, образующие два текста, написанные 3-стопным ямбом.

Встречаются, впрочем, и другие ритмические варианты 6-стопного ямба. Так, во второй половине века все чаще употребляются формы с дактилической цезурой, а Сумароков экс-

¹ См.: Вишневский К. Д. Русская метрика XVIII века. С. 145.

² См.: Тарановский К. Ф. Шестишопный ямб Ломоносова. Р. 398.

³ См.: Тарановский К. Ф. Русские двусложные размеры. С. 113.

периментрирует даже с бесцезурной структурой («*Прости, моя любезная, мой свет, прости...*»).

Вольный ямб

По количеству произведений вольный ямб был в XVIII веке самым употребительным стихотворным размером: по данным Вишневского, им было написано почти 27% всех произведений¹.

Первый образец вольного ямба в русской поэзии принадлежит Ломоносову: это стихотворение 1747 года «*Расторгни смертны узы, Гектор...*». Сам Ломоносов, впрочем, использовал термин в другом значении, называя «вольными» ямбы, в которых присутствуют «пиррихии».

Встречается этот стихотворный размер главным образом в баснях и притчах, где его узаконил Сумароков («*Гора в родах*»), а также в прочих жанрах, для которых характерна имитация разговорной речи, ее богатства интонаций² — в том числе в драматических (напр., в полиметрическом тексте балета Сумарокова «*Прибежище добродетели*», 1759). Вишневский также отмечает, что Сумароков активно применял вольный ямб в духовной лирике («*Час смерти*», «*О страшном суде*»), однако это был «смелый эксперимент, резко отступающий от традиции»³. Встречается этот размер также в торжественных одах (Петров «*Плач и утешение России...*»), а постепенно начинает использоваться и в «средних» жанрах. Так, Ржевский, для творчества которого вообще характерно нетипичное для эстетики классицизма сочетание стиховых и жанровых форм⁴, употребляет вольный ямб в идиллии (напр. «*Здесь все мне докучает...*») и элегии (Ржевский «*Элегия*»); Сумароков пишет им мадригал («*Мадригал (Я в драме пения не отделяю...)*»), Радищев — эпитафию («*Эпитафия (О! Если то не ложно...)*»). Встречается этот размер и в низких жанрах: например, в загадке (Ржевский «*Загадка (Хоть всяк меня на свете презирает...)*») и эпиграмме (Попов «*Эпиграмма (Полезен ли феатр и чистит ли он нравы...)*»). Ближе к концу столетия он проникает и в

¹ См.: Вишневский К. Д. Русская метрика XVIII века. Табл. XIII. С. 256.

² См.: Гаспаров М. Л. Очерк истории русского стиха. С. 64.

³ Вишневский К. Д. Русская метрика XVIII века. С. 182.

⁴ Подробнее об этом см.: Матвеев Е. М. Метрика и строфика А. А. Ржевского // Петербургская стихотворная культура: Материалы по метрике, строфике и ритмике петербургских поэтов: Сб. статей. СПб., 2008. С. 123—175.

эпические поэмы (Богданович «Душенька», 1783, «Добромысл»); укрепляются его позиции в драме: в этом литературном роде появляются произведения, уже не просто содержащие фрагменты вольного ямба, но целиком написанные этим стихотворным размером (мелодрама Княжнина «Орфей»; его же трагедия «Титово милосердие», 1778).

С. А. Матяш, посвятившая теории и истории вольного стиха не один десяток научных работ¹, считает, что русский вольный ямб сформировался в результате «наложения разных традиций (...): традиции неравносложного стиха (античной пиндарической оды, русского стиха интерлюдий и интермедий, западноевропейского вольного стиха) и равносложного стиха (прежде всего 6-стопного ямба), на преодолении монотонии которого вольный стих развивался»².

Еще исследования Л. И. Тимофеева и М. П. Штокмара³ показали, что ритмическую основу вольного ямба в XVIII столетии составляли 6-стопные строки, реже встречались 3-стопные и (ближе к концу века) 4-стопные, прочие же варианты ударности использовались редко. Именно таков вольный ямб Майкова, Леонтьева, Попова, Хемницера, Богдановича и др. По мнению Матяш, этот ритмический тип в русской поэзии того времени сложился «в связи с общей ориентацией литературы на французские образцы»⁴, ибо во французском вольном стихе преобладают 12-сложные строки, силлабический объем которых соответствует русскому 6-стопному ямбу⁵. Впрочем,

¹ См., напр.: Матяш С. А. 1) Метр, синтаксис и рифма в композиции вольного стиха // Вестник Ленинградского университета, 1984. № 8: История, язык, литература. Вып. 2. С. 46—52; 2) О сочетаниях смежных стихов в вольном ямбе // Проблемы теории стиха. Л., 1984. С. 67—80; 3) Русский драматический вольный стих XVIII—XIX вв. в сравнении с французским и немецким и проблемы типологии драматического вольного стиха // Проблемы типологии, перевода и рецепции поэтического текста: Труды по метрике и поэтике. Тарту, 1985. С. 114—128; 4) «Душенька» И. Ф. Богдановича в контексте проблемы повествовательного стиха // XVIII век: стих, жанр, стиль. Донецк, 1997. С. 43—47 и др.

² Матяш С. А. Русский вольный стих // Russian Verse Theory. P. 230.

³ См.: Тимофеев Л. И. Вольный стих XVIII века // Ars poetica. II. М., 1928; Штокмар М. П. Вольный стих XIX века // Там же.

⁴ Матяш С. А. Русский и немецкий вольный ямб XVIII — начала XIX века и вольные ямбы Жуковского // Исследования по теории стиха. Л., 1978. С. 96.

⁵ См.: Там же. С. 94; Томашевский Б. В. Стих «Горя от ума» // Томашевский Б. В. Стих и язык. М.; Л., 1959. С. 150.

на фоне строк основных стопностей изредка встречались и более редкие: 5-стопные, 2-стопные, 1-стопные и даже 1-сложные, выполняющие функцию своего рода «ритмического курсива» (А. П. Сумароков *«Гора в родах»*, Ржевский *«Муж и жена»*).

К концу столетия ритмическая основа вольного ямба меняется: все чаще в нем попадают 4- и 5-стопные строки, а 6-стопники и 3-стопники заметно сдают свои позиции. В результате складывается ритмический тип, который Матяш условно назвала «немецким», поскольку в немецкой традиции этот вольный ямб имеет 4-стопную основу¹. Дольше всего консервативный («французский») вариант, с 6-стопной основой, сохраняется в идиллии и малых лирических жанрах, таких как эпиграмма, мадригал и прочие, а новаторские тенденции особенно заметно проявляются в драме и эпосе первой половины XIX века². С точки зрения Матяш, «внутренним стимулом этой перестройки явилось стремление использовать в этом размере в качестве основных составных его элементов более гибкие, более подвижные формы. Внешним стимулом перестройки является жанрово-стилистическое развитие русской поэзии»³.

В интересующую нас эпоху русские поэты использовали вольный ямб в основном в астротических структурах вольной рифмовки (А. П. Сумароков *«Гора в родах»*, *«Письмо к приятелю в Москву»*; Петров *«Плач и утешение России»* и др.), однако встречается он и в безрифменном варианте (А. П. Сумароков *«О страшном суде»*, см. также: Нарезный *«Кровавая ночь»*, 1799; Капнист *«Картон»*, 1790—1800), и в стихе парной рифмовки (Херасков *«Сорока в чужих перьях»*), и в одиночных строфах (Ломоносов *«Расторгни смертны узы, Гектор...»*), и даже в строфических структурах (Херасков *«К Евтерпе»*).

4-стопный хорей

Первым достоверным примером 4-стопного хорей в русской поэзии является ломоносовский перевод 1738 года оды фран-

¹ Матяш С. А. Русский и немецкий вольный ямб XVIII — начала XIX века и вольные ямбы Жуковского.

² Там же. С. 97—98.

³ Там же. С. 97.

пузского поэта Франсуа де Салиньяка де ла Мота Фенелона (Ломоносов «*Ода, которую сочинил господин Франциск де Салиньяк де ля Мотта Фенелон...*»). Несмотря на то, что 5-стопные и 6-стопные хорей появились несколько раньше — в трактате Тредиаковского «Новый и краткий способ...» 1735 года (хорейческие «пентаметры» и «гексаметры») (Тредиаковский «*Рондо*», «*Сонет*»), 4-стопник очень быстро стал самым употребительным из хорейческих размеров: по данным Вишневского, в XVIII столетии на его долю приходится более 80% произведений и более 90% стихов этого метра¹.

Встречается 4-стопный хорей в произведениях самых разных жанров, однако главная сфера его применения — это песенная поэзия, связь с которой он отчасти сохраняет по сей день (Попов «*Люблю тебя и стражду...*», Державин «*Я лишаюсь судьбой любезного...*», Львов «*Ночь в чухонской избе на пустыре*»). Как на один из наиболее ранних примеров употребления этого размера в песенной поэзии Вишневский указывает на стихотворение А. П. Сумарокова «*О места, места драгие...*». По предположению Гаспарова, приверженность 4-стопного хорей и его силлабических аналогов песенному началу, характерная не только для русской, но и для других европейских традиций, «объясняется тем, что песня для четкости ритма предпочитает размер с сильным местом на первом слоге, без затакта...»². С песенным началом связаны и анакреонтические оды, в которых 4-стопный хорей (Ржевский «*О, властитель нежна сердца...*», Муравьев «*Ода из Анакреонта*») делил господство с 3-стопным ямбом (Львов «*Ода II. К женщинам*», Ломоносов «*Хвалить хочу Атрид...*», Тучков «*Ода анакреонтическая*», Хованский «*Похищенный персик. Анакреонтические стишки*»), и оды духовные, которые часто представляли собой переложения псалмов (Тредиаковский «*Парафразис псалма 143*»), А. П. Сумароков «*Из 14 псалма*»), и к тому же, как считает Гаспаров, ориентировались на традицию немецких духовных гимнов³. Впрочем, нередко встречается хорейский 4-стопник и в торжественных одах (Державин «*На рождение в севере порфирородного отрока*», Тредиаковский «*Снесший*

¹ Вишневский К. Д. Русская метрика XVIII века. С. 187.

² Гаспаров М. Л. Метр и смысл. Об одном механизме культурной памяти. М., 1999. С. 193.

³ См.: Там же. С. 194.

ся с кругов небесных...»), в эпистолах (Дмитриев «Послание к Аркадию Ивановичу Толбугину», Муравьев «Богине Невы») и в стансах (Херасков «Станс г. Руссо»), баснях и притчах (Львов «Старик и смерть»), в балладах (Карамзин «Граф Гваринос», Муравьев «Романс, с каледонского языка переложенный»), в различных поэтических мелочах (Майков «Глеб имеет назади...», Дмитриев «Надпись к портрету», Муравьев «Триолет»); а изредка и в других жанрах, например в идиллии (Радищев «Идиллия», Сумароков «Идиллия») и элегии (Дмитриев «Элегия»).

4-стопный хорей с безрифменными дактилическими окончаниями воспринимался как форма, наиболее близкая к ритму народного стиха, а потому использовался в фольклорных стилизациях (Державин «Я лишась судьбой любезного...», Львов «Ночь в чухонской избе на пустыре») и произведениях народно-исторической тематики (Карамзин «Илья Муромец», 1795; Херасков «Бахарияна», 1803)¹.

4-стопный хорей использовался в сочетании с большим разнообразием строфических форм: с 4-стишиями (А. П. Сумароков «Из 14 псалма», Державин «На рождение в севере порфирородного отрока», Карамзин «Граф Гваринос», Львов «Утро» и др.), 6-стишиями (Богданович «Другая ода, с теми же рифмами, против красоты», А. П. Сумароков «Идиллия»), 8-стишиями (Попов «Я люблю тебя и стражду...», Державин «Я лишась судьбой любезного...»), 10-стишиями (Тредиаковский «(Парафразис псалма 143)», «Снесшийся с кругов небесных...»; Ломоносов «Ода, которую сочинил господин Франциск де Салиньяк де ля Мотта Фенелон...»); неравностипными строфами (Ломоносов «Гимн бороде»). Встречается он и в астрофических структурах: вольной рифмовки (Муравьев «Ода из Анакреонта», Львов «Старик и смерть», Дмитриев «Послание к Аркадию Ивановичу Толбугину»), безрифменных (Ржевский «О, властитель нежна сердца...», Радищев «Бова», «Идиллия»). Майков и Дмитриев пишут 4-стопным хореем одиночные строфы (Майков «Глеб имеет назади...», Дмитриев «Надпись к портрету»); Муравьев — «Триолет». Гаспаров указывает, что именно в этом размере едва ли не впервые в русской поэзии употребляется строфика со сплошными дактилическими рифмами: это юноше-

¹ См.: Гаспаров М. Л. Метр и смысл... С. 21—22.

ская песня Державина «Я, лишась судьбой любезного...», которая впоследствии вошла в состав оперы «Добрыня»¹.

Прочие размеры

Из тех 20% стихотворных произведений XVIII века, которые написаны другими метрическими формами, то есть не 4-стопным, 6-стопным или вольным ямбом и не 4-стопным хореем, половина распределяется поровну между 3-стопными ямбами и разностопными, чуть более 1% приходится на разностопные хорей.

3-стопный ямб впервые в русской поэзии употребил Ломоносов в 1738 году в переводе оды Анакреонта «К лире» («Хвалить хочу Атрид...»). С тех пор этот размер стал, наряду с 4-стопным хореем, основной метрической формой русской анакреонтической лирики, любовной и легкой поэзии (Львов «Ода П. К женщине», Тучков «Ода анакреонтическая», Хованский «Похищенный персик. Анакреонтические стихи»), песен (Херасков «Песенка», Крылов «Мой отъезд») и прочих жанров, связанных с музыкой, таких как романсы, куплеты, арии, хоры и прочие (Львов «Дуэты на музыку Жирдини, в Лондоне печатанную. Весна»). Очень разнообразное жанровое применение получил он в поэзии Сумарокова, который пробовал использовать его в жанрах басни («Любовь»), духовной оды («Из 97 псалма»), эпитафии («Эпитафия (Мужик не позабудет...)») и др. Княжнин применил 3-стопный ямб в дружеском послании («Письмо к гг. Д. и А.»), Петров — в шуточной оде («Пета в маскараде на Озерках»), Богданович — в идиллии («Идиллия (Белыми стихами)»), Дмитриев — в балладе («Карикатура»). В XIX веке этот размер стал популярной метрической формой дружеского послания — жанра, который, как и анакреонтическая лирика, тяготеет к эпикурейским мотивам².

Основной сферой применения **разностопных ямбов** являются жанры высокие — гимны (А. П. Сумароков «Гимн о премудрости Бижией в солнце»), духовные оды (Костров «Преложение псалма 18», Нелединский-Мелецкий «Молитва»); несколько реже употребляются они в произведениях, имеющих более отчетливую связь с музыкальным началом — песнях, романсах,

¹ См.: Гаспаров М. Л. Очерк истории русского стиха. С. 89.

² См.: Вишневецкий К. Д. Русская метрика XVIII века. С. 164.

куплетах, ариях, дуэтах и прочих (А. П. Сумароков «*Песня XVI (Когда безстрастна ты, мой свет, в очах другава...)*»). Еще реже использовались разноstopные ямбы в посланиях (Костров «*Письмо к творцу оды, сочиненной в похвалу Фелицы, царевне Киргизкайсацкой*»), в анакреонтической лирике и любовной лирике, в альбомной лирике. В нескольких случаях они встречаются также в элегии, идиллии (Нартов «*Идиллия. Нисса*»), ноэли, в произведениях шутливого, юмористического, сатирического характера¹.

В русских разноstopных ямбах XVIII века чаще всего сочетались 6-stopные строки с 4-stopными или 3-stopными, а также 3-stopные с 4-stopными: подобные сочетания составляют около 80% произведений².

Разнообразные разноstopные ямбы, согласно данным Вишневского³, распределяются почти поровну между строфическими произведениями и одиночными строфами, хотя несколько чаще встречаются в сочетании с последними.

Разноstopные хорей в XVIII веке встречаются достаточно часто: Вишневскому удалось обнаружить 70 произведений. Самыми частотными оказались те виды этого размера, в которых задействованы варианты stopности, наиболее употребительные в качестве самостоятельных размеров: 4-stopники и 3-stopники. Хотя встречаются и другие сочетания, в том числе использующие редкие в этот период 5-stopные, 6-stopные и даже 7-stopные и 8-stopные строки. В общей сложности Вишневский обнаружил в своем материале 12 различных форм разноstopного хорей⁴.

Как и хорейский 4-stopник, разноstopные хорей употребляются преимущественно в жанрах, связанных с музыкой, — главным образом, в песнях и романсах, реже — в ариях, куплетах, хорах и др. (Княжнин «*Ария Степана*» из комической оперы «*Сбитенщик*»), а иногда попадают и в других жанрах — например, в сатире (Ломоносов «*Сатира господина Ломоносова на Тредиаковского*»), идиллии (Ржевский «*Идиллия (На брегах*

¹ См.: Вишневский К. Д. Русская метрика XVIII века. С. 180.

² См.: Там же. С. 177.

³ См.: Там же.

⁴ См.: Там же. С. 201. Разноstopные размеры Вишневский называет «смешанными», а под «формами» разноstopных размеров понимает варианты сочетания строк разной stopности, без учета последовательности их расположения в тексте.

текущих рек...»), стансах (А. П. Сумароков «*Станс (Сам себя ненавижу...)*»).

Остальные 7% произведений написаны самыми разнообразными стихотворными размерами, прежде всего различными логаядами (чуть более 3%) и 3-сложниками (чуть более 2%): 2-стопными, 3-стопными (А. П. Сумароков «*Противу злодеев*»), 4-стопными (Николев «*Ода 7 из псалма 7*»), разностопными и даже вольными (Державин «*Богине здравия*»).

Первые опыты передачи ритмической структуры античных логаядических размеров средствами русского стихосложения относятся еще к силлабической эпохе: образцы «сапфической строфы» встречаются в поэзии Симеона Полоцкого, раннего Тредиаковского, Кантемира и других авторов¹. Самым ранним примером русского тонического логаяда, по всей видимости, являются «гексаметры хорейские» с «гиперметрическим» сильным слогом перед цезурой, пример которых Тредиаковский дал в 1735 году в своем трактате («*Сонет*», «*Рондо*», ср. «*Ворон и лисица*»).

Разнообразие логаядов, используемых поэтами XVIII века, очень велико — вплоть до таких изощренных, как 9-ударная структура в одном из посланий Капниста («*Старому другу моему Алексею Николаевичу Оленину*»). В. Е. Холшевников условно выделяет в русской поэзии две больших группы логаядических размеров: к первой можно отнести структуры, имитирующие логаяды античной метрической поэзии (сапфические, алкеевы, асклепиадовы строфы, фалекиев стих), ко второй — так называемые «русские логаяды»².

К имитациям античных логаядов обращались многие русские поэты, начиная с силлабистов, передавая структурообразующее для метрического стихосложения чередование долгих и кратких слогов аналогичным чередованием ударных и безударных. Однако, как отмечает Холшевников, у русских поэтов такой стих «звучит затрудненно, и если не аритмично, то во всяком случае недостаточно ритмично для русского слуха»³: не случайно они обращались к подобным формам очень редко (А. П. Сумароков

¹ См. об этом подробнее: Дрейдж Ч. Л. К вопросу о древнегреческих и латинских размерах в русской поэзии: Эволюция сапфической строфы // Славянский стих: Стихование, лингвистика и поэтика. М., 1996. С. 140—147.

² См.: Холшевников В. Е. Логаядические размеры в русской поэзии // Поэтика и стилистика русской литературы. Л., 1971. С. 429—436.

³ Там же. С. 430.

«Гимн Венере», «Ода горацанская»; Радищев «Осьмнадцатое столетие»). Исследователь считает, что впечатление «затрудненности» в данном случае имеет объективные причины: дело в том, что структуры этого типа предусматривают большое количество односложных безударных интервалов между ударными слогами, между тем как в русском языке одно ударение приходится в среднем не на два, а на три слога. В то же время логазды «античного» образца имеют весьма замысловатую структуру: односложные интервалы чередуются с более редкими нулевыми и двусложными, ритмическая инерция не успевает сложиться. Поэтому, в отличие от классических двусложных метров — ямба и хорей, такие формы очень неохотно допускают пропуски метрических ударений, которые могли бы «помочь» длинным русским словам «уместиться» в короткие муждуктовые промежутки¹.

Что касается второго типа — «русских логаздов», то они, с точки зрения Холшевникова, возникли «независимо от античных на почве русского стиха»². В этой области первые опыты принадлежат Сумарокову («*Благополучны дни...*»), активным продолжателем экспериментов стал Державин (см., напр., стихотворение «Весна», 1804).

Первые русские образцы **трехсложных** метров, за исключением амфибрахия, были даны уже Ломоносовым в «Письме о правилах Российского стихотворства»: «Начертán многократно в бегúщих волна́х» (анапест); «Вьётся кругáми змиá по травé обновívшись в рассéлине» (дактиль)³. Впрочем, несмотря на теоретическое признание, сам Ломоносов в своем поэтическом творчестве к трехсложникам не обращается; по данным Вишневского, использоваться практически они начинают только с 1760-х годов — сначала Сумароковым и Херасковым, а затем и другими авторами⁴ — преимущественно в равностопном и строфическом варианте. Сумарокову же принадлежит и первое упоминание «амфиврахия» как пятого вида стопы в русском стихосложении⁵. Самым популярным трехсложным

¹ См.: Холшевников В. Е. Логаздические размеры в русской поэзии // Поэтика и стилистика русской литературы. Л., 1971. С. 432—433.

² Там же. С. 433

³ Ломоносов М. В. Избранные произведения. (Б-ка поэта, Большая сер.) Л., 1986. С. 469.

⁴ См.: Вишневский К. Д. Русская метрика XVIII века. С. 203.

⁵ Сумароков А. П. О стопосложении // Сумароков А. П. Стихотворения. Л., 1935. С. 385; см. об этом: Гаспаров М. Л. Очерк истории русского стиха. С. 70.

метром в XVIII столетии был дактиль, далее следовали амфибрахий и анапест (один из ранних примеров русского амфибрахия — «Ода» Ржевского 1760 года («Доколе гордиться...»)). Встречались и размеры с переменной анакрузой, примеры которых в ряде случаев свидетельствуют о неразличении поэтами XVIII столетия различных трехсложных метров¹. Активнее всего разрабатывались короткие трехсложники — 2-стопные (Державин «Пчелка», Львов «Дуэты на музыку Жирдини... Осень», Херасков «Стансы»). В целом, по мнению Вишневого, в эту эпоху «трехсложные размеры далеко еще не устоялись и многие формы еще случайны»². В жанровом отношении трехсложные размеры на раннем этапе своего развития связаны в русской поэзии с произведениями, ориентированными на музыкальное исполнение, в основном, с такими как арии, хоры, короткие молитвы и медитации³.

Кроме того, Вишневский обнаружил у поэтов XVIII века в общей сложности около 30 различных малоупотребительных стихотворных размеров, обращение к которым в этот период не выходит за рамки поэтического эксперимента⁴.

К ним относится и распространившийся в следующем столетии **5-стопный ямб**: Вишневский нашел всего 14 произведений, написанных этим размером, что составляет менее 0,3% всех текстов. Первый случай обращения к ямбическому 5-стопнику относится к 1747 году — это ломоносовский перевод оды Горация «К Мельпомене» («Я знак бессмертия себе воздвигнул...»). В середине века зафиксированы лишь два примера этого размера — Ломоносов использует его еще один раз в «Риторике» 1748 года (отрывок «И имя, купно с розами рожденно...»), а затем в 1752 году Третьяковский пишет им оду «Похвала Ижорской земле». В 1759 году Сумароков впервые применяет его в «Рондо» — твердой стихотворной форме французского происхождения, в оригинале чаще всего используемой в сочетании с 10-сложником — силлабическим размером, которому в русской силлабо-тонической традиции по объему ближе всего именно 5-стопный ямб. Остальные случаи

¹ См.: Гаспаров М. Л. Очерк истории русского стиха. С. 70.

² Вишневский К. Д. Русская метрика XVIII века. С. 206.

³ См.: Гаспаров М. Л. Очерк истории русского стиха. С. 70.

⁴ В терминологии Вишневого — «вариантов метра»; не учитывая разнообразия логаядических конструкций (см.: Вишневский К. Д. Русская метрика XVIII века. С. 157).

применения этого размера в качестве самостоятельной метрической формы относятся уже к 1780—1790-м годам (Муравьев «Надпись к изображению Алины», Княжнин «Послание трем грациям»).

Никакой определенной традиции жанрового прикрепления 5-стопного ямба или его строфической сочетаемости в интересующий нас период не складывается: так, ломоносовская ода написана астрофическим белым стихом, ода Тредиаковского — 4-стишиями перекрестной рифмовки, стихотворение Муравьева — астрофическим стихом вольной рифмовки.

Хореический 5-стопник, как и ямбический, в поэзии XVIII века употребляется только в порядке эксперимента: Вишневскому удалось обнаружить всего семь примеров этого размера в чистом виде (то есть не в составе разностопного или вольного стиха). Первый известный образец представлен в «Риторике» Ломоносова («Кесарь, ты сечешь врагов удобно...»), затем к нему обращается Тредиаковский в переводе из Горация («*Строфы похвальные поселянскому житию*»)¹, остальные пять случаев — это песни Львова и Сумарокова²; также этот размер использован в оде «*Древность*», приписываемой Радищеву.

Не был разработан и **хореический 6-стопник**, в чистом виде зафиксированный Вишневским всего в 11 произведениях. Однако Гаспаров отмечает, что в русской поэтической традиции этот размер с самого начала стал одной из самых востребованных метрических форм, используемых для имитации народного стиха (Львов «*Песнь норвежского витязя Гаральда Храброго...*»)³.

Встречаются в русской поэзии XVIII века и 2-стопные ямбы (Львов «*Эпиграмма на меня, то, что мне голову вскружить может*»), и 3-стопные хорей (Дмитриев «*Всех цветочков боле...*») и, в виде единичных опытов, даже такие экзотические формы, как пятисложники (Львов «*Песня (Как, бывало, ты в темной осени...)*»), вольный 2-сложник с переменной анакрузой (Львов «*Что? Десять работают...*»), дольники и др. Среди дольниковых размеров следует особо отметить такие специфические формы, как «дактило-хореический гекзаметр» (всего 0,2% произведений;

¹ См.: Тарановский К. Ф. О взаимодействии стихотворного ритма и тематики // Тарановский К. Ф. О поэзии и поэтике. М., 2000. С. 377.

² См.: Вишневский К. Д. Русская метрика XVIII века. С. 200.

³ См.: Гаспаров М. Л. Русский народный стих в литературных имитациях // International Journal of Slavic Linguistics and Poetics. XIX (1975). P. 7—8.

Тредиаковский «Тилемахида»), «пентаметр» и «элегический дистих» (по данным Вишневецкого, всего два случая; Радищев «Осьмнадцатое столетие»), основанный на регулярном чередовании строк «дактило-хореического гекзаметра» и «пентаметра». В русской тонической традиции эти три стихотворных размера, имитирующих одноименные формы античного метрического стиха, представляют собой соответственно стопные логаяды на основе 6-иктного дольника и строчный логаяд на основе 6-иктного дольника.

Русская поэзия XVIII века дала образцы и такой маргинальной формы, как верлибр: например, Сумароков обращается к неравноиктному неурегулированному акцентному стиху для передачи ритмических особенностей древнееврейского текста псалтири — в том виде, в каком он воспринял их через посредство немецкого перевода (Сумароков «Из 27 псалма»). Встречаются примеры свободного стиха и у Державина: у него подобные эксперименты связаны с переводами античной поэзии¹ («К Бахусу», ср. «Богине здравия»). Все опыты верлибра в русской литературе XVIII века объединяет одно общее свойство: используется исключительно «синтаксический» вариант свободного стиха, то есть такой, в котором графическое и синтаксическое членение совпадают².

Из приведенного обзора видно, что метрический репертуар русской поэзии почти полностью сформировался уже в XVIII столетии. По словам К. Д. Вишневецкого, «в дальнейшем происходило лишь перераспределение доли того или иного метра. Одни размеры приобретали большую популярность, другие ее теряли»³.

* * *

Русская строфика XVIII века — так же, как и метрика — характеризуется богатейшим разнообразием форм и сочетаний со всевозможными жанрами и стихотворными размерами.

Экспериментальная струя в строфике этого периода была чрезвычайно мощной. Несмотря на то что зачатки строфической организации можно обнаружить уже с начала 1730-х го-

¹ См.: Баевский В. С., Ибраев Л. И., Кормилов С. И., Сапогов В. А. К истории русского свободного стиха // Русская литература. Л., 1975. № 3. С. 89.

² См.: Там же. С. 102.

³ Вишневецкий К. Д. Введение в строфику // Проблемы теории стиха. Л., 1984. С. 45.

дов, в книжной поэзии поздних силлабистов (Прокоповича, Кантемира)¹, развитие ее происходит именно в недрах силлаботонического стихосложения. Процесс этот был бурным и не затухал на протяжении всего столетия: по данным Дж. Смита, «с каждым десятилетием больше половины строфических форм появляются в репертуаре впервые»².

К концу века в «багаже» строфических форм русской поэзии уже имелись образцы почти всех возможных строфических типов³, в том числе нечетнострочных (3-, 5-, 7-, 9-, 11-стишия) и «сверхдлинных» (16-стишия, 20-стишия). Смит в своем материале, составившем 3135 строфических стихотворений, обнаружил 681 строфическую модель: это значит, что в среднем в поэзии XVIII столетия на одну модель приходится всего лишь 4—5 текстов⁴.

Однако специфика эпохи состоит в том, что несколько наиболее популярных форм получили очень значительное распространение, а на долю всех прочих, которых было подавляющее большинство, оставалось менее половины поэтических текстов. Так, по данным Смита, более чем в 50% всех строфических стихотворений (1707 из 3135) использованы всего лишь 10 самых продуктивных моделей, а на оставшуюся меньшую часть приходится 671 модель; причем более 70% моделей (493 из 681) использованы во всей поэзии XVIII века всего лишь по одному разу⁵.

По данным К. Д. Вишневого, по количеству произведений наиболее употребителен был строфический стих (34,5%), далее следовал астрофический стих вольной рифмовки (24%), затем стих парной рифмовки и одиночные строфы (по 18%), реже всего встречались астрофические нерифмованные структуры.

Впрочем, такое соотношение вовсе не было нормой для всей русской поэзии. Индивидуальные поэтические системы могли различаться в этом отношении очень существенно: «Так, у баснописца, по преимуществу, Крылова, доля стиха вольной рифмовки — основного стиха басен доходит до 81%;

¹ См.: *Гаспаров М. Л.* Очерк истории русского стиха. С. 54—56.

² *Смит Дж.* Строфика русской поэзии 1735—1816 гг. // Смит Дж. Взгляд извне: Статьи о русской поэзии и поэтике. М., 2002. С. 71.

³ См.: *Вишневский К. Д.* Введение в строфику. С. 45.

⁴ См.: *Смит Дж.* Строфика русской поэзии 1735—1816 гг. С. 71.

⁵ См.: Там же. С. 68, 71.

Львов — переводчик и экспериментатор доводит до 74% количество произведений безрифменного стиха; любители миниатюр эпиграмматического характера — Капнист, Дмитриев, Хемницер — дают высокий процент одиночных строф; однако, еще больший процент их у Попова объясняется большим количеством вставных номеров в его драматических произведениях — куплетов, арий и т. п.»¹.

Строфические структуры использовались преимущественно в лирике; в эпических и драматических жанрах применялся, главным образом, астрофический стих парной рифмовки. В целом же, как отмечает Гаспаров, различные виды строфической организации характеризуются существенно меньшим жанровым тяготением, нежели стихотворные размеры².

Самыми продуктивными строфическими типами были те, в состав которых входит четное количество стихов, — прежде всего 4-стишия и 10-стишия.

4-стишие

4-стишие становится самой употребительной строфой в русской поэзии уже к 1756—1766 годам: структурами этого типа в XVIII столетии написано чуть более 40% всех строфических произведений³. Единственная продуктивная схема рифмовки — перекрестная, где нечетные стихи имеют женское окончание, а четные — мужское: AbAb. Такая строфа становится употребительной с конца 1740-х годов, главным образом в сочетании с 4-стопным ямбом (Княжнин «*Стансы Богу*», Неизвестный автор «*Ода по примеру Анакреонта к живописцу*» и др.) или хореем (А. П. Сумароков «*Из 14 псалма*», Державин «*На рождение в севере порфирородного отрока*», Муравьев «*Романс, с каледонского языка переложенный*» и др.), реже — с ямбом 3-стопным (Тучков «*Ода анакреонтическая*») или 6-стопным⁴ (А. П. Сумароков «*Из 3—16—63 псалмов*»), а иногда и с другими, более редкими размерами (Муравьев «*Ода (Бежит, друзья, бежит невозвратно время...)*», Николев «*Ода 7 из псалма 7*», «*Ода российским солдатам*», А. П. Сумароков «*Гимн о премудрости Божией в солнце*» и др.).

¹ Вишневский К. Д. Русская метрика XVIII века. С. 144.

² См.: Гаспаров М. Л. Очерк истории русского стиха. С. 98—99.

³ По данным Дж. Смита (см.: Смит Дж. Строфика русской поэзии 1735—1816 гг. С. 53).

⁴ См.: Смит Дж. Строфика русской поэзии 1735—1816 гг. С. 69.

Помимо указанной строфической схемы, наиболее популярной не только в XVIII веке, но и в целом в русской поэзии¹, встречаются также другие: например, перекрестно рифмованные 4-стишия с обратной последовательностью каталектик — аВаВ (Тредиаковский «*Похвала Ижерской земле...*»), строфы других схем рифмовки — парной (А. П. Сумароков «*Ода горацянская*»), реже — охватной (Муравьев «*Ода САРМИ(NUM) IX LIB(ER) III Горацья*»), а порой и вовсе безрифменные (Дмитриев «*Карикатура*», Каменев «*Громвал*»). По данным Смита, из всех строфических типов, встречающихся в XVIII веке, 4-стишие представлено наибольшим разнообразием строфических моделей: исследователь зафиксировал 165 различных форм, которые составляют почти четверть всего строфического репертуара эпохи². Однако продуктивными можно считать только четыре модели: все они образованы сочетанием перекрестной схемы AbAb с популярными стихотворными размерами — 4-стопным ямбом (Я4 AbAb, 378 случаев, 12,1% всех строфических стихотворений), 4-стопным хореем (Х4 AbAb, 233 случая, 7,4%), 3-стопным ямбом (Я3 AbAb, 110 случаев, 3,5%) и 6-стопным ямбом (Я6 AbAb, 195 случаев, 3,3%).

Ритмическая структура 4-стишной строфы была исследована Гаспаровым — преимущественно на материале произведений, написанных 4-стопным ямбом с перекрестным расположением рифм³. Оказалось, что на уровне строфы, как и на уровне отдельной строки, в XVIII веке проявляется тенденция к подчеркиванию границ ритмической единицы. Иными словами, первая строка 4-стишия несет в среднем больше всего ударений, для второй строки характерна минимальная ударность, а последние две строки, опять более ударные, завершают «ударную рамку».

По данным Смита, число стихотворений, написанных 4-стишиями, неуклонно растет на протяжении всего столетия, и их доля, не достигавшая в 1735—1745 годах и 10% от общего числа строфических текстов, к концу века уже заметно превышает

¹ См.: Вишневский К. Д. Введение в строфику. С. 43.

² См.: Смит Дж. Строфика русской поэзии 1735—1816 гг. Табл. 11. С. 65.

³ См.: Гаспаров М. Л. Строфический ритм в русском 4-стопном ямбе и хоре // Гаспаров М. Л. Избранные статьи. М., 1995. С. 48—59.

40%¹. В первой трети XIX столетия доля произведений, написанных строфами этого типа, переваливает за 60% и продолжает расти².

Уже на раннем этапе своего развития, в русской поэзии XVIII века, этот строфический тип был лишен сколько-нибудь отчетливых семантических предпочтений: 4-стишиями писались произведения самых разнообразных жанров. Впрочем, особенно востребованной эта короткая и симметричная строфа оказалась в песнях и любовной лирике, хотя популярна она и медитативных стихотворениях, и в духовных одах, и во многих других³.

10-стишие

В ранний период формирования русского силлабо-тонического стиха 10-стишие было самым употребительным типом строфы: с 1735 по 1746 годы оно использовано более чем в половине всех строфических произведений⁴. Однако уже в следующем десятилетии на первое место выходят 4-стишия. В результате средний показатель употребительности 10-стишия в XVIII веке составляет около четверти (24,8%) всех строфических произведений, хотя по числу строк эта форма вдвое опережает 4-стишия⁵. Дело в том, что произведения, написанные 10-стишиями, имеют, как правило, существенно больший объем: в среднем более 130 стихов; в то время как средняя длина произведения, написанного 4-стишиями, составляет около 40 стихов⁶.

Дж. Смит, которому принадлежит наиболее полное на сегодняшний день описание строфики XVIII века, удалось обнаружить в русской поэзии 1735—1816 годов 71 модель 10-стишия. Многообразием форм эта строфа обязана преимущественно вариациям расположения рифм: по числу употребленных строфических схем 10-стишия более чем в 1,6 раза превосходят 4-стишия⁷.

¹ См.: *Смит Дж.* Строфика русской поэзии 1735—1816 гг. С. 54.

² См.: *Гаспаров М. Л.* Очерк истории русского стиха. Табл. 15.

³ См.: Там же. С. 98—99.

⁴ *Смит Дж.* Строфика русской поэзии 1735—1816 гг. Табл. 3, 4. С. 54.

⁵ На 4-стишия приходится около 23% всех строк в строфических произведениях, в на 10-стишия — почти 50% (см.: *Смит Дж.* Строфика русской поэзии 1735—1816 гг. С. 53).

⁶ См.: Там же.

⁷ См.: Там же. С. 63, 65.

Самая востребованная модель 10-стишия, да и вообще самая употребительная строфическая модель¹ — это так называемая «одическая строфа». Каноническая схема ее рифмовки AbAbC-CdEEEd была изобретена французским поэтом Франсуа де Малербом, а в русскую поэзию перенесена Ломоносовым, который воспринял ее через посредство немецкой одической традиции. Впервые в русской поэзии 10-стишие с таким расположением рифм встречается в 1738 году, в ломоносовском переводе оды Фенелона, в сочетании с 4-стопным хореем («Ода, которую сочинил господин Франциск де Салиньяк де ля Мотта Фенелон...»). В 1739 году в знаменитой «Оде на взятие Хотина» («Ода блаженныя памяти государыне императрице Анне Иоанновне...») Ломоносов впервые употребляет в сочетании с 10-стишием аВаВссDeeD 4-стопный ямб. Модель, ставшая наиболее популярным вариантом «одической строфы» (Я4 AbAbCCdEEEd), использована впервые Сумароковым между 1740 и 1743 годами, в оде «Вперяюся в премены мира» («Ода, сочиненная в первые лета моего во стихотворении упражнения»), и Ломоносовым в 1741 году в оде, посвященной дню рождения Иоанна Антоновича («Ода, которую в торжественный праздник высокого рождения... Иоанна Третьего... веселящаяся Россия произносит»). По мнению Вишневского, именно этим двум авторам одическое 10-стишие обязано своей популярностью в русской поэзии XVIII столетия².

К. Ф. Тарановский, которому принадлежит фундаментальное исследование ритмики русского классического 4-стопного ямба, описал также и основные интонационно-ритмические особенности канонического одического 10-стишия на материале поэзии Ломоносова³. Ученый показал, что такая строфа имеет «сильный интонационный перелом» на четвертой строке, который делит ее на две полустрофы; каждая из полустроф, в свою очередь, распадается на два ритмико-интонационных периода: (2 + 2) + (3 + 3). Финал «интонационной фразы» обычно приходится на конец строки с мужским окончанием, имеющей повышенную ударность на III икте.

¹ См.: Смит Дж. Строфика русской поэзии 1735—1816 гг. С. 69.

² См.: Вишневский К. Д. Введение в строфику. С. 51.

³ См.: Тарановский К. Ф. Из истории русского стиха XVIII в.: (Одическая строфа AbAb||CCdEEEd в поэзии Ломоносова) // XVIII век. Сб. 7 (Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры: К 70-летию со дня рождения чл.-корр. АН СССР П. Н. Беркова). М.; Л., 1966. С. 106—115.

Таким образом, в число устойчивых признаков одической формы, канонизированной Ломоносовым, входит не только определенное расположение рифм, но и специфическое мелодическое строение, и подбор стилистических средств: интонационная организация стихотворений тяготеет к ораторскому типу¹, лексика использовалась преимущественно «высокая», с большой долей церковнославянизмов, в сочетании с обилием тропов и риторических фигур. По предположению Тарановского, «укреплению» этой специфической стилистики способствовала и ритмика: «тяжелые мужские строки в узловых местах строфы поддерживают монументальность всей структуры стиха»².

У Ломоносова встречаются в общей сложности 9 моделей 10-стишия³, в том числе «опрокинутая» строфа Малерба (AAbCCbDeDe: «Ода на день брачного сочетания Их Императорских Высочеств Государя Великого Князя Петра Феодоровича и Государыни Великия Княгини Екатерины Алексеевны 1745 года», «Ода на рождение Его Императорского Высочества Государя Великого Князя Павла Петровича Сентября 20 1754 года»). Дериваты одической строфы разрабатывались и другими поэтами, которые меняли и стихотворный размер, и порядок каталектик, и порядок чередования рифм (Тредиаковский «Снесшийся с кругов небесных...», Богданович «Ода из Анакреонта XIV», Ржевский «Ода... императору Петру Феодоровичу...», Радищев «Древность» и др.), а Сумароков даже написал пародийную оду безрифменным 10-стишием, в котором мужские и женские окончания располагаются в той же последовательности, что и в классической строфе Малерба («Ода вздорная I»).

Однако далеко не все оды писались 10-стишиями: встречались в этом жанре и стихотворения, написанные 4-стишиями (Николев «Ода российским солдатам»), и александрийским стихом (Петров «На подносимую ея величеству, высокую титулу...»), и астрофическим стихом вольной рифмовки (Петров «Плач и утешение России...»), и другими формами⁴.

¹ По типологии интонационных форм стиха, предложенной В. Е. Холшевниковым (см.: Типы интонации русского классического стиха // Холшевников В. Е. Стихосложение и поэзия. Л., 1991).

² Тарановский К. Ф. О поэзии и поэтике. С. 297.

³ См.: Лалетина О. С., Хворостьянова Е. В. Метрика и строфика М. В. Ломоносова // Петербургская стихотворная культура. СПб., 2008. С. 92.

⁴ Вишневский К. Д. Введение в строфику. С. 52.

Также и 10-стишные строфы использовались не в одних только торжественных одах. Из описанных Вишневским 277 произведений, состоящих из строф, полностью соответствующих схеме одического 10-стишия, 121 принадлежат к другим жанрам. Среди них — и духовные оды (Тредиаковский «*Парафразис псалма 143*»), и идиллии (Карабанов «*Искренность пастушки*»), эпистолы (Костров «*Письмо к творцу оды...*»), стансы (Державин «*Стансы Кларисе*»), анакреонтические оды (Богданович «*Ода из Анакреонта XIV*»), притчи (А. П. Сумароков «*Лягушка*») и др.

К концу столетия, когда границы между жанрами начинают разрушаться, употребительность одического 10-стишия и его вариаций постепенно сокращается: если в 1735—1745 годах этот тип строфы представлен более чем в половине всех строфических произведений, а с 1755 по середину 1780-х годов — примерно в 30%, то на рубеже столетий его доля не достигает уже и 20%.

Астрофический стих вольной рифмовки

Астрофический вольнорифмованный стих в XVIII столетии употреблялся преимущественно в сочетании с вольным ямбом, которым написано около 80% произведений, реализующих этот вид астрофизма¹. Сочетание этих двух признаков стиховой формы, метрического и строфического, настолько прочно вошло в русскую поэтическую традицию, настолько тесно срослись они в русском культурном сознании, что и поэты, и исследователи нередко объединяют их общим термином «вольный стих», подразумевая при этом «астрофический вольный ямб вольной рифмовки».

Впрочем, это лишь общая тенденция, которая вовсе не является правилом: Вишневскому удалось обнаружить 22 стихотворных размера, употребляемых в астрофических вольнорифмованных структурах². Так, Ломоносов применяет вольную рифмовку чаще всего в сочетании не с вольным, а с 6-стопным ямбом³. Используется этот вид астрофизма и в 3-стопном ямбе (Княжнин «*Письмо к гг. Д. и А.*»), и в 4-стопном (Ломоносов «*Лиш*

¹ Вишневский К. Д. Русская метрика XVIII века. С. 146.

² Там же. С. 145.

³ См.: Лалетина О. С., Хворостьянова Е. В. Метрика и строфика М. В. Ломоносова. Табл. 21-У. С. 109.

только дневной шум замолк...», Дмитриев «Гимн восторгу»), и в 5-стопном ямбе (Княжнин «Послание трем грациям»), и в 4-стопном хорее (Львов «Старик и смерть», Муравьев «Ода из Анакреонта»). Встречаются и отдельные примеры вольных хореев, которые, по мнению Вишневого, представляют собой не столько особую метрическую разновидность стиха вольной рифмовки, сколько «результат просодической неряшливости»¹ (А. П. Сумароков «Хор сатур»).

С. А. Матяш, исследовавшая закономерности распределения рифм в этой разновидности астрофического стиха, выделила три наиболее ярких черты, характеризующих вольнорифмованный вольный ямб XVIII столетия: 1) абсолютное количественное преобладание 2-стиший над другими типами строфоидов; 2) более объемные строфоиды имеют отчетливую тенденцию завершаться стихом с мужским окончанием; 3) в 4-стишных строфоидах преобладает охватная рифмовка, которая в басенном стихе сохраняется и в дальнейшем, а в прочих жанрах, начиная с конца века, постепенно уступает место перекрестной².

Основной сферой применения астрофического стиха вольной рифмовки были те же жанры, в которых наиболее популярен вольный ямб: это басни, притчи, послания. Однако встречается эта форма и в духовной оде (А. П. Сумароков «Час смерти»), и в идиллии (Львов «Идиллия. Вечер 1780 года ноября 8»), и в мадригале (А. П. Сумароков «Мадригал (Я в драме пения не отделяю...)»), эпитафии (Радищев «Эпитафия (О! если то не ложно...)»), загадке (Майков «Я ни воздух, ни вода...») и в прочих жанрах.

Астрофический стих парной рифмовки

Стих парной рифмовки, как и вольнорифмованный, отличался в русской поэзии XVIII столетия «большой метрической устойчивостью»³: он употреблялся почти исключительно (87% случаев) в сочетании с 6-стопным ямбом⁴. Метрико-строфическая форма, образуемая этим стихотворным размером в сочетании

¹ Вишневецкий К. Д. Русская метрика XVIII века. С. 146.

² См.: Матяш С. А. Вольное рифмование русского вольного стиха // Исследования по истории и семантике стиха: Сб. науч. трудов. Караганда, 1989. С. 9—15.

³ Вишневецкий К. Д. Русская метрика XVIII века. С. 145.

⁴ См.: Там же. С. 145.

с астрофическим стихом парной рифмовки, стала основной для высоких жанров, произведения которых обычно имеют большой объем: трагедий, эпоей, героических поэм, героид. Впрочем, встречается он и в торжественных одах (Петров *«На подносимую ей величеству, высокую титлу...»*), элегиях (Херасков *«Элегия (Еще мой жар к тебе, драгая, не потух...»*)), эклогах (Муравьев *«Эклога к его превосходительству Алексею Васильевичу Олешеву»*), притчах (А. П. Сумароков *«Прохожий и змея»*), надписях (Ломоносов *«Надпись 5 к тойже (Надпись к статуе Петра Великого)»*).

Хотя стих парной рифмовки употреблялся преимущественно в сочетании с 6-стопным ямбом, Вишневскому удалось обнаружить случаи использования этого вида астрофизма еще в 20 различных стихотворных размерах. Например, он встречается в комбинации с 3-стопным ямбом (Хованский *«Похищенный персик. Анакреонтические стишки»*), с вольным ямбом (Херасков *«Сорока в чужих перьях»*), 4-стопным дактилем (Майков *«Аркас»*), логоэдом (Тредиаковский *«Ворон и лисица»*) и другими метрическими формами. Одной из специфических особенностей стиха парной рифмовки оказалось почти полное отсутствие в его «метрическом репертуаре» разностопных размеров¹.

К редким разновидностям астрофического стиха парной рифмовки относятся и такие, которые организуются на основе нарушения правила альтернанса: например, стихотворение Хемницера «Сон» написано астрофическим 2-стопным ямбом со сплошными мужскими окончаниями.

Прочие структуры

Помимо 4-стиший и 10-стиший, о которых выше уже шла речь, в стиховом репертуаре русской поэзии XVIII столетия присутствуют еще два продуктивных типа строфы — 8-стишия и 6-стишия.

8-стишиями написано 15,2% всех строфических стихотворений, в которых представлено 116 различных моделей (Ломоносов *«Венчанная надежда Российской Империи...»*, *«Всепоподданнейшее поздравление для восшествия на всероссийский престол... Елизаветы Петровны...»*; Богданович *«Стихи (Подражание италианским)»*, Державин *«Я лишась судьбой любезного...»*,

¹ См.: Вишневский К. Д. Русская метрика XVIII века. С. 145.

Карамзин «Гимн глупцам» и др.). Единственная продуктивная схема рифмовки AbAbCdCd; она составляет основу трех относительно популярных строфических моделей — в сочетании с 4-стопным ямбом (Я4 AbAbCdCd, 130 случаев, 4,1% всех строфических стихотворений: А. П. Сумароков «*Песня XXIII (Прошли те дни как был я волен...)*»), с 4-стопным хореем (Х4 AbAbCdCd, 82 случая, 2,7%: Попов «*Я люблю тебя и стражду...*») и с 3-стопным ямбом (Я3 AbAbCdCd, 32 случая, 1%: А. П. Сумароков «*Любовь*»). 8-стишия употреблялись в произведениях различной жанровой природы, хотя Гаспаров отмечает их особое тяготение к песне¹. Пик популярности этого строфического типа приходится на последнее десятилетие века, когда доля 8-стиший достигает 20,5% всех строфических стихотворений².

6-стишия представлены в 9,4% строфических стихотворений 120 различными строфическими моделями (Муравьев «*Ода CARM1<NUM> XVIII LIB<ER> из Горация к Фавну*», Нелединский-Мелецкий «*Молитва*», Богданович «*Ода в честь красоты*», «*Другая ода, с теми же рифмами, против красоты*», Державин «*Пчелка*» и др.), из которых относительно продуктивна только одна: Я4 AbAbCC (38 случаев, 1,2%: Муравьев «*Ода (Осьмнадцатый ныне раз...)*»)³.

Безрифменные астрофические формы встречаются крайне редко: по данным Вишневого, в XVIII столетии белым стихом написаны 5,7% произведений (8,5% строк) — причем по количеству строк почти половину всего белого стиха составляет одна лишь поэма Тредиаковского «Тилемахида», написанная гекзаметром⁴. Однако даже эти данные окажутся несколько завышенными, если учесть, что исследователь не разделяет в своей статистике астрофический белый стих и строфические безрифменные структуры.

И метрическая, и жанровая сочетаемость безрифменного стиха крайне разнообразна: Богданович использует его в идиллии, написанной 3-стопным ямбом («*Идиллия (Белыми стихами)*»), Нелединский-Мелецкий — в послании, в сочетании с 6-стопным ямбом («*Отрывок письма к Ал. Вас. Нарышкину...*»), Сумароков — в духовной оде, в сочетании с вольным

¹ См.: Гаспаров М. Л. Очерк истории русского стиха. С. 98—99.

² См.: Смит Дж. Строфика русской поэзии 1735—1816 гг. Табл. 3, 4, 11, 13. С. 54, 65, 69.

³ См.: Там же.

⁴ См.: Вишневикий К. Д. Русская метрика XVIII века. С. 145.

ямбом (А. П. Сумароков «*О страшном суде*»), Державин — в гимне, написанном вольным дактилем («*Богине здравия*»), а Львов — в сочетании с 4-стопным хореем с дактилическими окончаниями, имитирующим ритм народного стиха («*Ночь в чухонской избе на пустыре*»). По мнению Вишневого, такое разнообразие свидетельствует о том, что традиция белого стиха в русской поэзии XVIII века еще только начинает формироваться, оставаясь областью эксперимента¹. Основной сферой его применения являются поэтические переводы и имитации иноязычной поэзии, прежде всего античной, а также русского народного стиха².

Одиночные строфы, составляющие 17,8% произведений и всего лишь 1% стихов, не являются, по мнению Вишневого, в эту эпоху самостоятельной строфической формой, представляя собой скорее небольшие фрагменты стиха вольной рифмовки³ (Ржевский «*Когда натура в свет людей производила...*»), хотя встречаются среди них и легко узнаваемые дериваты канонических строф (Ломоносов «*Творец всех, неба и земли...*»), и моно-римы (Княжнин «*Эпитафия (Под камнем сим лежит Пл...в)*», П. П. Сумароков «*За что не терпит Клит Дамона, как врага?..*»).

Из твердых стихотворных форм самой распространенной в XVIII веке является **сонет**⁴. Первый образец русского сонета, перевод из французского поэта Ж. де Барро, был дан Тредиаковским — сначала в силлабическом варианте (1732), а затем, в составе трактата «*Новый и краткий способ...*» — как один из примеров нового стихосложения (Тредиаковский «*Сонет (Боже мой! Твои судьбы правости суть полны...*»)). По подсчетам К. Д. Вишневого, различные варианты сонетной структуры представлены в этот период в 4% стихотворных произведений⁵. Русский сонет с самого начала характеризовался большим структурным разнообразием: Смит зафиксировал в XVIII веке 58 различных сонетных моделей⁶. Вишевский указывает, что в подавляющем большинстве случаев катрены пишутся на две рифмы, распо-

¹ См.: Вишевский К. Д. Русская метрика XVIII века. С. 147.

² См.: Там же. С. 149.

³ См.: Там же. С. 147.

⁴ См.: Смит Дж. Строфика русской поэзии 1735—1816 гг. Табл. 3, 4. С. 54.

⁵ См.: Вишевский К. Д. Разнообразие формы русского сонета // Russian Verse Theory. P. 459.

⁶ См.: Смит Дж. Строфика русской поэзии 1735—1816 гг. Табл. 11. С. 65.

женные перекрестно: охватная рифмовка еще только осваивается; в терцетах же абсолютно преобладают схемы CCDEDE (36%) и CCDEED (53%), последняя — под влиянием второй субстрофы одического 10-стишия¹.

Кроме того, в русской поэзии XVIII столетия представлены образцы еще трех твердых форм — **рондо**, **триолета** и **французской баллады**.

Среди стихотворений, озаглавленных «Рондо», встречаются тексты двух типов. Некоторые из них действительно воспроизводят строфическую схему канонического рондо (Бунина «*Капризы не беда, твердит философ Сава...*», А. П. Сумароков «*Рондо (Не думай ты, чтоб я других ловила...)*», Третьяковский «*Рондо (Просто поздравлять тебя, Анна несравненна...)*»). Однако чаще этот заголовок указывает на принадлежность текста не к соответствующей твердой форме, а к одноименному жанру, который унаследовал от нее стремление к стилистической простоте, интонационной напевности и использование длинных рифменных цепей и рефренов, иногда расположенных очень прихотливо (см., напр.: Николев «*К моей лире*»). Что касается триолета, то известно шесть случаев обращения поэтов XVIII века к этой форме: в пяти произведениях она сочетается с ямбом (3-стопным и 4-стопным) и в одном — с 4-стопным хореем² (см. раздел «Триолет»).

Термин «баллада» («баллад»), как и «рондо», использовался в двух значениях: как наименование жанра и твердой формы романского происхождения. Впрочем, форма эта была в русской поэзии неупотребительна, и «*Баллад*» А. П. Сумарокова («*Смертельного наполнен яда...*») — едва ли не уникальный случай обращения к ней.

Использовались и еще много различных строфических форм, в том числе редких, вплоть до самых экзотических: например, моностихи (Карамзин «*Покойся, милый прах, до радостного утра!*»), астрофические моноримы (А. П. Сумароков «*Тщетная предосторожность*»), строфические 3-стишия разных рифмовок (А. П. Сумароков «*Противу злодеев*»), 5-стишия (Крылов «*Ода, выбранная из псалма 93-го*», Карамзин «*К богине здравия*»), 7-стишия (Дмитриев «*Старинная любовь*», Капнист «*На разврат*

¹ См.: Вишневский К. Д. Разнообразие формы русского сонета. С. 464, 465.

² См.: Там же. Табл. 6. С. 56.

нравов»), 9-стишия (Нартов «Идиллия. Нисса»), 11-стишия (Капнист «На роскошные обиталища»), 12-стишия (Дмитриев «Ода П. П. Б.», Державин «Луч», «Атаману и войску Донскому»), 16-стишия (Державин «Фонарь»), и даже сдвоенные 10-стишия (Державин «На возвращение графа Зубова из Персии»). Последние фактически представляют собой 20-стишия, разделенные с помощью графической разбивки на две полустрофы. Гаспаров предлагает называть подобные крупные ритмические единицы, объединяющие две и более строф, «суперстрофами», и отмечает, что в некоторых случаях они восходят к традиции античной хоровой лирики, где соблюдалась последовательность структур строфы, антистрофы и эпода, а в некоторых — к немецкой традиции «вайзе»¹.

Строфы с нечетным количеством стихов (а порой и четностишные) в поэзии XVIII века иногда имеют очень непривычную для современного читателя безрифменную концовку: строфу, имеющую рифмованное начало, завершают один или несколько холостых стихов (Державин «Пчелка», Дмитриев «Старинная любовь»). Подобные структуры проникли в русскую поэзию из немецкой, где безрифменные концовки рифмованных строф получили название «вайзе», что буквально значит «сирота» — одинокая строчка, оставшаяся без пары. В русской поэтической традиции этот прием построения строф, как и многие другие, оказался непродуктивным и остался одной из специфических примет XVIII века². По данным Вишневецкого, поэзия первой четверти XIX века переняла у предшествующего периода лишь $\frac{1}{5}$ строфических моделей, от остальных же отказалась, восполнив арсенал форм за счет новых, «собственного изобретения»³.

Новая стихотворная эпоха, наступившая в результате смены эстетических ориентиров на рубеже XVIII—XIX веков и ознаменовавшаяся разрушением относительно устойчивых связей версификационной формы и жанра, оказалась более либеральна в своих метрико-строфических предпочтениях. Гораздо большее количество стихотворных размеров и строфических структур стали широко употребительны и популярны. Между тем бурная экспериментаторская деятельность, связанная с разработкой

¹ См.: Гаспаров М. Л. Очерк истории русского стиха. С. 104.

² См.: Там же. С. 101.

³ Вишневецкий К. Д. Введение в строфику. С. 45.

форм экзотических и уникальных, стала затухать. Многие интереснейшие опыты русских поэтов, например, с фигурными стихами (Ржевский *«Муж и жена»*) и акrostихом (А. П. Сумароков *«Из 24 псалма»*, Нелединский-Мелецкий *«Загадка акrostическая»*), долгое время оставались без продолжения — вплоть до следующей «революционной» эпохи русского стихотворства, наступившей на исходе XIX столетия.

Произведения

Духовная ода

В. К. Тредиаковский

〈Парафразис псалма 143〉

〈Фрагмент〉

Крепкий, чудный, бесконечный,
Полн хвалы, преславный весь,
Боже! ты един превечный,
Сый господь вчера и днесь:
Непостижный, неизменный,
Совершенств пресовершенный,
Неприступна окружен
Сам величества лучами
И огньпальных слуг зарями,
О! будь ввек благословен.

Кто бы толь предивно рúки
Без тебя мне ополчил?
Кто бы пра́щу, а не луки
В брань направить научил?
Ей бы, меч извлек я тщетно,
Ни копьем сразил бы метно,
Буде б ты мне не помог,
Перстов трепет ободряя,
Слабость мышцы укрепляя,
Сил господь и правды бог.

Ныне круг земный да знает
Милость всю ко мне его;
Дух мой твердо уповаает
На заступника сего:
Он защитник, покровитель,
Он прибежище, хранитель.
Повинуя род людей,
Дал он крайно мне владети,

Дал правительство имети,
Чтоб народ прославить сей.

Но смотря мою на подлость
И на то, что бедн и мал,
Прочих видя веръх и годность,
Что ж их жребий не избрал,
Вышнего судьбе дивлюся,
Так глася, в себе стыжуся:
Боже! кто я, нища тварь?
От кого ж и порожденный?
Пастухом определенный!
Как? О! как могу быть царь?

⟨...⟩

⟨1744⟩

4-стопный хорей, 10-стишие AbAbCCdEEEd.

Е. И. Костров

Преложение псалма 18

⟨Фрагмент⟩

О славе творческой нам небеса вещают,
И дело рук его эфирна твердь явит;
День дни и ночи ночь свой голос пресылают,
Премена стройна их отца веков гласит;
 И нет словес, и нет языка,
 Где б гласы их, что есть владыка,
Не возвышались во слышание всем;
 В пределы света отдаленны,
 Звучат их струны напряженны,
Несется их глагол по всем земли концем.

Он солнцу сень воздвиг во областях эфира;
Оно, как млад жених, весельем полня грудь,
Остава свой чертог, грядет пред взоры мира,
Ликует, как готов подвижник славы в путь.
 Востока край его изводит,
 И запад с кротостью исходит

Ему во сретенье грядущу с высоты.
Ему, торжественно текущу,
Везде веселый блеск лиующу,
Что может от его сокрыться теплоты?

В законе господа пороку быть не можно;
Он новую душе собою жизнь дарит.
Вещание творца и верно и неложно;
Оно и отроков премудрыми творит.
Веления господни — сладость;
Они — желанна мыслям радость,
И заповедь его — очам душевным свет.
Господень страх пребудет вечно;
Он чист, зеркало он сердечно;
Неправоты и лжи в судьбах господних нет.

<...>

1796

Разностопный ямб 6666446446, 10-стишия AbAbCCdEEEd.
Дериват одической строфы.

И. А. Крылов

Ода, выбранная из псалма 93

Бог, отмщений Господь

Снесись на вихрях, мщений царь!
Воссядь на громах — тучах черных,
Судить строптивых и упорных;
Ступи на выи непокорных
И в гордых молнией ударь.

Доколь вздывать им грудь надменну
И подпирать пороков трон,
Правдивых гнать из света вон?
Доколь твой презирать закон
И осквернять собой вселенну?

Куда ни обращусь, внемля,
Везде их меч, везде угрозы.

Там на невинности железы,
Там льются сирых кровь и слезы;
Злодейством их грузна земля.

Так, проливая крови реки,
Заграбя мир себе в удел,
Твердят они на грудах тел:
Господь не видит наших дел
И не познает их вовеки.

Безумец! где твой ум и слух?
Страхни невежество глубоко;
Скажи, хоть раз взнесясь высоко:
Ужели слеп создавший око,
И сотворивший ухо — глух?

Скажи, оставя мудрость лживу,
Без света ли — творец светил?
Бессилен ли — создатель сил?
Безумен ли — кто ум в нас влил?
И мертв ли — давший душу живу?

Блажен, о боже, в ком твой свет:
Он соблюдется цел тобою,
Тогда как, окруженный мглою,
В изрытый ров своей рукою
Злодей со скрежетом падет.

Кто? Кто с мечом? Со мною рядом
Кто мне поборник на убийц?
Кто на гонителей вдовиц?
Никто — всех взоры пали ниц —
И всех сердца страх облил хладом.

Никто — но бог, сам бог со мной;
Сам бог приемлет грозны стрелы,
Вселенной двигнет он пределы,
Разрушит замыслы их смелы
И с широты сметет земной.

4-стопный ямб, 5-стишия aBBBa + CdddC...

Схема рифмовки меняется через строфу для соблюдения правила альтернанса.

Ю. А. Нелединский-Мелецкий

Молитва 〈Фрагмент〉

Предвечный и неизъяснимый!
Всем славимый, непостижимый
Существ премудрейших творец!
Величие твое мой разум ужасает;
Но сердцу некий глас всечасно повторяет:
Не бойся, но люби: твой Бог — тебе отец!

Сей глас есть твой, миров Создатель!
Сей глас, о щедрый благ податель,
Начало к нам твоих щедрот.
Мы, в немощи своей сим гласом ободренны,
Им от презрения самих себя спасенны;
Невкусный без того чтим сладким жизни плод.

К тебе ль в надежде оскудею!
Тебя ль о чем просить посмею!
Тебя! мне давша бытие
Без просьбы, без заслуг, по благотворной воле!
Весь, Боже, твой я есмь, и жду во всякой доле,
Что давший жизнь свершит и счастье мое.

〈...〉

1787

Разностопный ямб 444666, 6-стишия ААвССь.

Н. П. Николев

Ода 7 из Псалма 7

Господи боже мой, на тя уповах...
〈Фрагмент〉

Господи Боже, мое упование!
Дай мне защиту от лютых врагов,

Да не похитят в жестоком алканье,
Да не пожруся злой челюстью львов.

Чем привлекаю злодеев я к мести?
Боже! твою ли забыл я боязнь?
Враг ли я правде, противник ли чести?
Буде все тако... готови мне казнь!

Да предаюся я вражеской злобе,
Да поженется душа от врагов;
Пусть я узрюся от оных во гробе,
Пусть повергаюсь в их пагубный ров.

⟨...⟩

1795

4-стопный дактиль, 4-стишия AbAb.

А. П. Сумароков

Противу злодеев

На морских берегах я сижу,
Не в пространное море гляжу,
Но на небо глаза возвожу.
На врагов, кои мучат нахально,
Стон пуская в селение дально,
Сердце жалобы взносит печально.
Милосердие мне сотвори,
Правосудное небо, воззри
И все действия мои разбери!
Во всей жизни минуту я каждую
Утесняюсь, гонимый, и стражду,
Многократно я алчу и жажду.
Иль на свет я рожден для того,
Чтоб гоним был, не зная для чего,
И не трогал мой стон никого?
Мной тоска день и ночь обладает;
Как змея, мое сердце съедает,

Томно сердце всечасно рыдает.
Иль не будет напастям конца?
Вопию ко престолу творца:
Умягчи, боже, злые сердца!

(1759)

3-стопный анапест, неразделенные 3-стишия с соблюдением правила альтернанса: ааа + ВВВ + ссс + ДДД...

Час смерти

О мысли люты!
Кончается мое
На свете бытие,
Преходит житие,
Пришли последние минуты,
Пришел ко мне тот час,
Который преселяет нас
Во мрачну бесконечность.
Отверста моему смятенну духу вечность:
Погаснут данные мне искры божества,
Потухнут мысли все и чувство вещества,
В ничто преобращусь навек из существа;
Престрашную судьбою
Расстанусь навсегда
Со светом и с собою,
Засну, и не проснуся никогда.
На то ль я, боже мой, произведен тобою,
Чтоб сей вкусил я страх
И претворился в прах?
Щедролюбивая и всемогуща сила
Нельзя, чтоб действие лютейшее сносила —
Восстану я опять.
Но, ах, возможно ли исчезнуть и восстать?
Когда есть бог, возможно,
А бог, конечно, есть, мы знаем то неложно.

(1759)

Вольный ямб 2—6, астрофический стих вольной рифмовки.

Из 3—16—63 псалмов
〈Фрагмент〉

В сих трех псалмах
по начальным литерам трижды
«О боже, помилуй»

О боже, боже мой, внемли мою молитву!
Безмерно множество врагов имею я;
Острыят они язык против меня, как бритву,
Жизнь, господи, от них смутилася моя.

Единый только ты грусть тяжку уменьшаешь,
Поборствуя, ты щит во слабости моей;
Отрадой ум бодришь и сердце утешаешь,
Мученье отвратить ты можешь доли сей.

Исторгни зубы их, из сей влеча мя муки!
Лукавые сердца томят несчастну грудь;
Услышь моление! к тебе взвожу я руки!
И покровителем моей ты жизни будь!

〈...〉

〈1774〉

6-стопный ямб, 4-стишия АbАb.

О страшном суде
〈Фрагмент〉

Когда придет кончина мира,
Последний день и страшный суд,
Вострубят ангелы, восплещут море,
Леса и горы вострепещут,
И спящи во гробах восстанут из гробов,
От мрачного забвения воспрянут
И паки свет узрят,
Не зрели коего иные многи веки
И коих плоть рассеяна была
Малейшим и очам непостижимым прахом, —

И се на облаках
И окружаемый огнем светлее солнца
Вселенная правитель
Явится жителям земли.
<...>

<1768>

Вольный ямб 3—6, астрофический белый стих с вольным чередованием мужских и женских окончаний.

Из 14 псалма

Господи, кто обитает в жилищи твоим

Кто о боже обитает,
Во селении твоим,
И на гору возлетает
Духом во жилищи сем?

Тот, кто ходит безпорочен,
Правду мыслит и творит,
В добродетели кто точен,
То, что мыслит, говорит.

Кто языком не клеветает,
Зла не делает другим,
В поношениях не блещет,
И мерзая не внемлет им.

Кто злодеев презирает,
Что достойных он людей,
Данных слов не попирает,
Клятвы держится своей.

Совестен и мзды не емлет,
В лихву не дает сребра,
Истине единой внемлет,
В ней одной ища добра.

4-стопный хорей, 4-стишия АbАb.

Из 15 псалма

Сохрани мя господи, яко на тя уповах

Забывшу божество, все тщетно на земли:
К чему уже мое на свете имя блещет,
Когда моя душа и день и ночь трепещет?
Меня ни кая страсть от бога не отместет.
Услышь, мой боже, глас, моление внимли!
К тебе усерием я господи пылаю,
И жити без тебя на свете не желаю.
Я жертвы идолам вовек не принесу;
Ни сребролюбие, ни спесь, ни протчи страсти,
Творящи ближнему вседневныя напасти,
Не могут показать ни малыя мне сласти;
От всех сих идолов я душу упасу;
Мой жребий истина, возлюбленна тобою;
Сие наследие мне предано судьбою.
Святая правда ввек мой будет твердый щит:
Бог праведникам путь во жизни сей являет,
Хранит во жизни сей, по смерти прославляет.
Различной радостью избранных напоит.
В деснице держит он различныя забавы.
Перед лицом его веселье предстоит.
Единый боже ты источник вечной славы.

6-стопный ямб, астрофический стих вольной рифмовки.

Из 24 псалма

К тебе господи воздвигох душу мою

А. Ах боже! всё к тебе стремлю мое желанье,
А. А ты восприими души моей пыланье?
Б. Без сей надежды я и жити не могу:
Б. Благословения ищю, от зла бегу.
В. Вовеки человек погибели не знает,
В. Владыку своего когда воспоминает.
Г. Глаза мои всегда стремилися к путям,
Г. Где я не зрю стезей ко адовым сетям.

Д. Да посрамятся все незнающие бога:
Д. Душам таких людей во ад лежит дорога,
Е. Единый только твой хранится мной устав:
Е. Ему подвержен я, и буду вечно прав.
Ж. Жил я во младости средь люта согрешенья;
Ж. Живу днесь каюсь для щедрого решенья.
З. За прежния дела принять я должен казнь:
З. Законы делают преступнику боязнь.
И. Известен твой мне суд, известна мне и милость,
И. И гонит от меня щедрота всю унылость.
К. Кто кается, того ты господи простишь;
К. Карание ему ты в милость обратишь.
Л. Любовь твоя ко всем, о боже мой, велика!
Л. Лишенну милости, и казнь ему толика.
М. Муж правый истиной, ко господу горит,
М. Мученья никогда он совести не зрит,
Н. Незнает лютости и ближних не обидит,
Н. Нигде за то себе нещастия не видит.
О. От бога он не ждет отмщенья вовек:
О. Он естли и убог: но добрый человек.
П. Прими, о господи и мой днесь плачь подобно!
П. Подай и мне покой, живу я днесь незлобно!
Р. Разрушь мои беды и грусти окончай,
Р. Расторгнув узы мне, мя щастьем увенчай:
С. Создай мне нову жизнь, отринь мое нестройство,
С. Спаси меня, и дай душе моей спокойство.
Т. Терплю и стражду я, тоскую день и ночь,
Т. Теряю все часы; и сон бежит уж прочь.
У. Услышь мой глас, меня и солнце убегает:
У. Уже от злых людей мой дух изнемогает.
Х. Храни о господи дыхание мое!
Х. Хочу вести всегда смиренно житие.
Ц. Царю и боже мой, скончай мою мне муку!
Ц. Целую мыслию божественную руку.
Ч. Часть лютая меня заставила страдать;
Ч. Чевож без помощи твоей мне, боже, ждать?

6-стопный ямб, астрофический стих парной рифмовки (александрийский стих).

Акrostих: начальные буквы пар стихов образуют алфавитную последовательность.

Из 27 псалма

К тебе господи воззову

К тебе я, боже мой, возываю:
Не буди мной неколебим!
Или уподоблюся я в ров нисходящим.
Услыши глас моления моего, когда воззову к тебе,
Когда возведу руки мои ко святыне твоей!
Не накажи меня в числе людей неправедных и беззаконных,
Глаголющих дружно,
И зло в сердцах носящих!
А им воздай по заслуге трудов их и по злости их творения:
Воздай им по делам рук их!
Дай им достойное возмездие!
А за то, что они не взирают ни на установления твои, ни на
дела рук твоих,
Ты их сокрушишь и не воздвигнешь.
Благословен господь; яко услышал он моления моего глас!
Господь помощник и защититель мой,
На него уповает сердце мое, и мне поможет он;
Сего ради сердце мое радуется:
Возблагодарю господа в песнях моих.
Господь крепость народа своего,
И помазанника своего не приступная ограда.
Помоги боже народу твоему и благослови достояние твое:
Паси и сохраняй ево непрестанно!

Свободный стих — верлибр (в русской поэзии XVIII в. такие структуры были неупотребительны и не имели терминологического наименования; обращаясь к ним, Сумароков ссылается на иноязычную версификационную традицию, указывая, что пишет «точно как по-еврейски»).

Из 97 псалма

Воспойте господави песнь нову

Воспойте богу песни;
Воскликните тимпаны,
Гласите арфы, цитры,
Трубы, псалтырь и роги!

Ликуй земля и море,
Дол, горы, лес и реки,
Источники и рощи!
Ликуйте тучны нивы,
И вы луга зелены!
Нам он грехи оставил,
Израиля прославил.

3-стопный ямб, астрофический белый стих со сплошными женскими окончаниями.

Последние два стиха связаны спорадической рифмой.

Гимн

Г. Р. Державин

Богине здравия

Здравья богиня благая,
Ввек ты со мною, Гигея, живи!
В дни живота моего
Мне ты сопутницей будь!
Если обилье склабится смертным,
Если гордятся они правовластным
Блеском богатства,
Если любви страстны желанья стремятся
К сладким утехам на лоно,
Если на отчи глаза
Слезы младенец нежны манит,
Ежели боги на нас с высоты
Дождь благодати кропят разнovidный,
Если спокойство отшельных,
Скромна нас жизнь веселит, —
Всякая радость с тобой благовонней цветет.
Если ж, богиня, ты отступаешь,
Благо с тобой всё уходит от нас.

1795

Вольный дактиль 2—5, астрофический белый стих с вольным чередованием мужских и женских окончаний.

Переходная метрическая форма к белому вольному дольнику: в 5-м, 8-м, 11-м, 17-м стихах объем междуударных интервалов колеблется от 1 до 2 слогов.

Перевод с немецкого переложения древнегреческого гимна в честь богини здоровья Гигеи (см.: *Западов В. А.* Примечания // Державин Г. Р. Стихотворения. Л., 1957. С. 415).

К Бахусу 〈Фрагмент〉

Вакха вдали (верь мне, потомство!) я видел.
Меж диких он скал сидящий, петь учил песни
Нимф, ставших вокруг, внимавших его, — и вверх
Завостренных ушьми козлоногих Сатиров.

Эвоа! дрожит еще сердце от страха:
Ужасом бога исполненно скачет оно
С радости дикой. — Эван! щади, о щади!
От грозного Тирса я трясусь, цепенея!

Позволь, да пою я о дерзких Тиадах,
О быстротекущем вине, млечных потоках,
И мед как из утлых, древесных, дуплистых
Пней каплет на землю, извиваясь струями.

〈...〉

Вольный акцентный стих 4—5, нетождественные безрифменные 4-стишия (в данном фрагменте: XXxX + XxxX + XXXX).

От современного верлибра метрическую структуру этого произведения отличает лишь выделение 4-стиший, обособленных графически и интонационно.

И. И. Дмитриев

Гимн восторгу

Восторг, восторг души поэта!
Ты мчишь на дерзостных крылах
По всем его пределам света!
Тобой теперь он на валах
И воздувает пенны горы;
Тобою вмиг в чертог Авроры,
Как быстра мошка, возвился —
И вмиг стремглав падет в долину,
Где нет цветов, кроме крину,
В которой Ганг с Невой слился...
И в тот же миг — дрожу и млею!

Между эфиром и землею
С хребтов кавказских, ледяных гор,
Куда не достягает взор,
Сквозь мерзлы облака вещает,
Как чрево Этны, ржет, рыгает!
Уже не смертного то глас,
Големо каждое тут слово,
Непостижимо, громко, ново,
Соплещет сам ему Пегас!
Уже не слышны лирны струны,
Но токмо яркие перуны,
Вихрь, шум, рев, свист, блеск, треск, гром, звон —
И всех крылами кроет сон!

(1792)

4-стопный ямб, астрофический стих вольной рифмовки.

Гимн богу

Парю душой к тебе, всечтимый,
Превечно слово, трисвятой!
Блажу тебя, непостижимый,
Всемощный, безначальный, сый!
Блажу и сердцем восхищаюсь,
Зря тьмы, куда ни обращаюсь,
В творении твоём чудес!
Велик равно ты в насекомом,
Как в бурях, к нам ревуших с громом
С недостигаемых небес!

Где пункт начатия вселенны?
Что в солнце огонь питает твой?
Чем звезды в тверди утверждены,
И что вращает шар земной?
Откуда сонмы вод пустились
И вокруг земли совокупились
В неизмеримый океан?
Что вне его, что вне эфира?
Кто в тайнах сих, о творче мира!
Участником твоим избран?

Никто, никто в твоём совете!
Непроницаем твой покров!
Седящий в неприступном свете,
Над мириадами миров,
Ты взором солнца зажигаешь,
Ты манием мираы вращаешь,
Ты духом ангелов творишь,
И словом, мыслию одною —
Сию пылинку пред тобою —
Громаду света истребишь!

⟨1794⟩

4-стопный ямб, 10-стишия AbAbCCdEEEd.
Одическая строфа.

Н. М. Карамзин

Гимн 1

(Перевод с английского)

⟨Фрагмент⟩

Четыре времена, в пременах ежегодных,
Ничто иное суть, как в разных видах бог.
Вращающийся год, отец наш всемогущий,
Исполнен весь тебя. Приятною весной
Повсюду красота твоя, господь, сияет,
И нежность и любовь твоя везде видна.
Краснеются поля, бальзамом воздух дышит,
И эхо по горам разносится, звучит;
С улыбкою леса главу свою подъемлют —
Веселием живут все чувства и сердца.
Грядет к нам в летних днях твоя, о боже! слава;
Повсюду на земле блистает свет и жар;
От солнца твоего лиется совершенство
На полнящийся год; и часто к нам твой глас,
Свод неба потрясая, вещает в страшных громах;
И часто на заре, в середине жарких дней,
В тенистом вечеру, по роцам и потокам,
Приятно шепчет он в прохладном ветерке.
В обильной осени твоя безмерна благодать

И милость без конца бывает нам явна,
Всеобще празднество для тварей учреждая.
Зимою страшен ты! Там бури, облака
Свивая вокруг себя, гоняя вьюгу вьюгой,
В величественной тьме на вихрях вознесясь,
Ты мир благоговеть со страхом заставляешь;
Натуру всю смирит шумливый твой Борей!
<...>

1789

6-стопный ямб, астрофический белый стих с регулярным чередованием женских и мужских окончаний.

Перевод финальной части поэмы Д. Томсона «Времена года» («The Seasons»).

К богине здравия

Сойди, сойди, богиня!
Сойди ко мне с небес,
Цветущая Игея!
Снеси златой сосуд
С целебным питием!

Уста мои завяли,
В глазах весь огонь погас,
И сердце томно бьется;
Едва дышать могу —
Едва-едва живу.

И червя оживляет
Прохладный ветерок;
И травку освежает
Небесная роса:
Всегда ли мне страдать?

Хотя едину каплю,
Посланница богов,
Хотя едину каплю
Пролей в мои уста —
И буду исцелен!

Сойди, сойди, богиня!
Сойди ко мне с небес,
Цветущая Игея!
Снеси золотой сосуд
С целебным питием!

⟨1791⟩

3-стопный ямб, безрифменные 5-стишия ХхХхх.

В IV строфе 1-й стих повторяется как 3-й. I строфа повторяется как последняя.

В 4-м и 5-м стихах II строфы, а также в 1-м и 3-м стихах III строфы возникают спорадические концевые созвучия на основе совпадения глагольных форм. В контексте белого стиха считать их рифмой не следует — особенно учитывая, что первое из них («могу — живу») основано только на совпадении финальной гласной: в XVIII в. такие созвучия считались «недостаточными» для образования рифмы.

Гимн глупцам ⟨Фрагмент⟩

Блажен не тот, кто всех умнее —
Ах, нет! он часто всех грустнее, —
Но тот, кто, будучи глупцом,
Себя считает мудрецом!
Хвалю его! блажен стократно,
Блажен в безумии своем!
К другим здесь счастье превратно —
К нему всегда стоит лицом.

Ему ли ссориться с судьбою,
Когда доволен он собою?
Ему ль чернить сей белый свет?
По маслу жизнь его течет.
Он ест приятно, дремлет сладко;
Ничем в душе не оскорблен.
Как ночью кажется всё гладко,
Так мир для глупых совершен.

Когда другой с умом обширным,
Прослав философ всемирным,
Вздыхает, чувствуя, сколь он

Еще от цели удален;
Какими узкими стезями
Нам должно мудрости искать;
Как трудно слабыми очами
Неправду с правдой различать...

⟨...⟩

1802

4-стопный ямб, 8-стишия AAbbCdCd.

М. В. Ломоносов

Гимн бороде

Не роскошной я Венере,
Не уродливой Химере
В имнах жертву воздаю:
Я похвальну песнь пою
Волосам, от всех почтенным,
По груди распространенным,
Что под старость наших лет
Уважают наш совет.

Борода предорогая!
Жаль, что ты не крещена
И что тела часть срамная
Тем тебе предпочтена.

Попечительна природа
О блаженстве смертных рода
Несравненной красотой
Окружает бородой
Путь, которым в мир приходим
И наш первой взор возводим.
Не явится борода,
Не открыты ворота.

Борода предорогая!.. и т. д.

Борода в казне доходы
Умножает по вся годы:

Керженцам любезной брат
С радостью двойной оклад
В сбор за оную приносит
И с поклоном низким просит
В вечный пропустить покой
Безголовым с бородой.
 Борода предорогая!.. и т. д.

Не напрасно он дерзает,
Верно свой прибыток знает:
Лишь разглядит он усы,
Смертной не боясь грозы,
Скачут в пламень суеверы;
Сколько с Оби и Печеры
После них богатств домой
Достает он бородой.
 Борода предорогая!.. и т. д.

О коль в свете ты блаженна,
Борода, глазам замена!
Люди обще говорят
И по правде то твердят:
Дураки, ввали, проказы
Были бы без ней безглазы,
Им в глаза плевал бы всяк;
Ею цел и здрав их зрак.
 Борода предорогая!.. и т. д.

Если правда, что планеты
Нашему подобны свету,
Конче в оных мудрецы
И всех пуще там жрецы
Уверяют бородою,
Что нас нет здесь головою.
Скажет кто: мы вправды тут,
В струбе там того сожгут.
 Борода предорогая!.. и т. д.

Если кто невзрачен телом
Или в разуме незрелом;
Если в скудости рожден
Либо чином не почтен,

Будет взрачен и рассуден,
Знатен чином и не скуден
Для великой бороды:
Таковы ее плоды!
 Борода предорогая!.. и т. д.

О прикраса золотая,
О прикраса даровая,
Мать дородства и умов,
Мать недостатков и чинов,
Корень действий невозможных,
О завеса мнений ложных!
Чем могу тебя почтить,
Чем заслуги заплатить?
 Борода предорогая!.. и т. д.

Через многие расчосы
Заплету тебя я в косы,
И всю хитрость покажу,
По всем модам наряжу.
Через разные затеи
Завивать хочу тупеи:
Дайте ленты, кошельки
И крупичатой муки.
 Борода предорогая!.. и т. д.

Ах, куда с добром деваться?
Все уборы не вместятся:
Для их многого числа
Борода не доросла.
Я крестьянам подражаю
И как пашню удобряю.
Борода, теперь прости,
В жирной влажности расти.
 Борода предорогая!
 Жаль, что ты не крещена
 И что тела часть срамная
 Тем тебе предпочтена.

Между концом 1756 и февралем 1757

4-стопный хорей, регулярные нетождественные строфы (куплетная форма) AAbbCCdd + EfEf...

А. П. Сумароков

Гимн Венере (сафическим стопосложением)

〈Фрагмент〉

Не противлюсь сильной, богиня, власти;
Отвращай лишь только любви напасти.
Взор прельстив, мой разум ты весь пленила,
Сердце склонила.

Хоть страшимся к жизни прейти мятежной,
Произвольно жертвуем страсти нежной.
Ты пространной всю вселенной правишь,
Праздности славяшь.

Кои подают от тебя успехи,
Можно ли изъяснить сии утехы:
Всяк об оных, ясно хоть ощущает,
Тёмно вещает.

〈...〉

〈1755〉

Строчный логаяд на основе разноиктного дольника: $\cup \cup - \cup - \cup$
 $\cup - \cup - \cup // \cup \cup - \cup - \cup \cup - \cup - \cup // \cup \cup - \cup - \cup \cup - \cup - \cup //$
 $- \cup \cup - \cup$, 4-стишия ААВВ.

Имитация сафической строфы.

Ч. Дрейдж в статье об эволюции сафической строфы в русской поэзии отмечает, что в этом стихотворении Сумароков отказывается от ряда устойчивых признаков, введенных в сафическую строфу Горацием, через посредство которого эта логаядическая структура была воспринята новой европейской традицией. В частности, русский поэт не соблюдает ставшую почти постоянной цезуру после 5-го слога и нарушает требование «долготы» (которая в русской тонической традиции эквивалентна ударности) 4-го слога. В результате ритмическая структура этого стихотворения оказывается по ряду параметров ближе к древнегреческому оригиналу (см.: *Дрейдж Ч. Л.* К вопросу о древнегреческих и латинских размерах в русской поэзии: Эволюция сафической строфы // *Славянский стих: Стиховедение, лингвистика и поэтика.* М., 1996. С. 144).

Правило альтернанса не соблюдено.

Гимн о премудрости божией в солнце

Светило гордое, всего питатель мира,
Блистающее к нам с небесной высоты!
О, если бы взыграть могла моя мне лира
Твои достойно красоты!

Но трудно на лицо твое воззрети оку;
Трудные нам еще постигнуть тебя;
Погружено творцом ты в бездну преглубоку,
Во мраке зря густом себя.

Вострепетала тьма, лишь только луч пустился,
Лишь только в вышине подвигнулся с небес,
Горящею стрелой дом смертных осветился,
И мрак перед тобой исчез.

О солнце, ты — живот и красота природы,
Источник вечности и образ божества!
Тобой жива земля, жив воздух, живы воды,
Душа времен и вещества!

Чистейший бурный огонь, лампада перед вечным,
Пылающе пред ним из темноты густой,
Волнующаяся стремленьем быстротечным,
Висяща в широте пустой!

Тобою всякое дыханье ликовствует,
Встречает радостно лицо твое вся тварь,
Пришествие твое вседневно торжествует;
Небесных тел ты — вождь и царь!

Объемля взором всю пространную державу,
Вовеки бодро бдя, не дремля николи,
Великолепствуя, вещаешь божью славу,
Хвала творца по всей земли.

⟨1760⟩

Разностопный ямб 6664, 4-стишия АБАБ.

Торжественная ода

М. В. Ломоносов

**Ода,
которую в торжественный праздник
высокого рождения всепресветлейшего державнейшего
великого государя Иоанна Третьего, императора
и самодержца всероссийского, 1741 года августа 12 дня
веселящаяся Россия произносит
〈Фрагмент〉**

Нагреты нежным воды югом,
Струи полденных теплы рек,
Ликуйте светло друг пред другом:
Златой начался снова век.
Всегдашним льдом покрыты волны,
Скачите нынь, веселья полны,
В брегах чините весел шум.
Повсюду вейте, ветры, радость,
В Неве пролейся меда сладость:
Иоаннов нектар пьет мой ум.

Однако нет, мои пределы,
Смущать не смейте молодой слух.
Холмов верьхи полночных белы,
Откуда веет хладной дух,
В любви со страхом тихо тайте,
Покой моей надежде дайте.
Вздержите быстрой реки ток,
Тихонько вниз теча, молчите,
Под мой лишь низкой стих журчите.
Умолкни запад, север, восток.

Породы царской ветвь прекрасна,
Моя надежда, радость, свет,
Счастливых дней Аврора ясна,

Монарх, Младенец райской цвет,
Позволь твоей рабе нижайшей
В твой новый год петь стих тишайшей.
Чем больше я росой кроплюсь,
С Парнасских что верхов стекает,
Жарчае тем любовь пылает,
К тебе сильнае той палюсь.

⟨...⟩

Между 8 июня и 12 августа 1741

4-стопный ямб, 10-стишия AbAbCCdEEд.

Одическая строфа.

Во всех стихах, составивших этот фрагмент, представлена I (полноударная) ритмическая форма 4-стопного ямба.

**Ода, которую сочинил господин Франциск де Салиньяк
де ля Мотта Фенелон, архиепископ дюк Камбрейский,
Священныя Римския империи принц
⟨Фрагмент⟩**

Горы толь что дерзновенно
Вносите верьхи к звездám,
Льдом покрыты беспременно,
Нерушим столп небесам:
Вашими под сединами
Рву цветы над облаками,
Чем пестрит вас взор весны;
Тучи подо мной гремящи
Слышу и дожди шумящи,
Как ручьев падучих тьмы.

Вы горам Фракийским равны,
Клал одну что на другу
Исполин, отвагой славный,
Чтоб взойти небес к верьху.
Зрю на вас, поля широки,
Где с уступами высоки
Горы, выше облаков,
Гордые главы вздымают,

Бурей ярость посрамляют
Всех бунтующих ветров.

Как на сих горах червленой
Начинает вид зари
Сыпать по траве зеленой
Злато, искры и огни,
Скачут на лугах ягнята,
То где льва кустовата
По истокам вдоль растет,
Зефир древ верьхи качает,
С пастухами призывает
Спать стада при шуме вод.

⟨...⟩

1738

4-стопный хорей, 10-стишия AbAbCCdEEEd.

Первый в русской поэзии пример 4-стопного хорей и 10-стишия Малерба.

Стихи 11 и 13 связаны женской «йотированной» рифмой «равны — славный», какие получают распространение только с конца XVIII — начала XIX в., а стихи 12 и 14 — «недостаточной» рифмой «на другу — кверху» (мужской открытой без опорного согласного звука), каких впоследствии русская поэзия XVIII в. старалась избегать.

**Ода блаженная памяти государыне императрице
Анне Иоанновне на победу над турками и татарами
и на взятие Хотина 1739 года
⟨Фрагмент⟩**

Восторг внезапный ум пленил,
Ведет на верьх горы высокой,
Где ветер в лесах шуметь забыл;
В долине тишина глубокой.
Внимая нечто, ключ молчит,
Которой завсегда журчит
И с шумом в низ с холмов стремится.
Лавровы вьются там венцы,
Там слух спешит во все концы;
Далече дым в полях курится.

Не Пинд ли под ногами зрю?
Я слышу чистых сестр музыку!
Пермесским жаром я горю,
Теку поспешно к оных лику.
Врачебной дали мне воды:
Испей и все забудь труды;
Умой росой Кастальской очи,
Через степь и горы взор прости
И дух свой к тем странам вперид,
Где всходит день по темной ночи.

Корабль как ярых волн среди,
Которые хотят покрыти,
Бежит, срывая с них верьхи,
Претит с пути себя склонити;
Седая пена вокруг шумит,
В пучине след его горит,
К российской силе так стремятся,
Кругом объехав, тьмы татар;
Скрывает небо конской пар!
Что ж в том? стремглав без душ валятся.

Крепит Отчества любовь
Сынов российских дух и руку;
Желает всяк пролить всю кровь,
От грозного бодрится звуку.
Как сильный лев стада волков,
Что кажут острых яд зубов,
Очей горящих гонит страхом,
От реву лес и брег дрожит,
И хвост песок и пыль мутит,
Разит извившись сильным махом.

<...>

Между сентябрем и декабрем 1739

4-стопный ямб, 10-стишия аВаВссDeeD.

Первый пример 4-стопного ямба в русской поэзии. Из 40 строк, составивших приведенный фрагмент, в 34 представлена I (полноударная) ритмическая форма 4-стопного ямба, и только в шести строках встречаются пиррихии.

Стихи 21-й и 23-й связаны «недостаточной» рифмой (мужской открытой без опорного согласного звука), каких впоследствии русская поэзия XVIII в. старалась избегать.

**Венчанная надежда Российския империи
в высокий праздник коронования всепресветлейшия
державнейшия великия государыни
Елисаветы Петровны, императрицы и самодержицы
всероссийския, при публичном собрании
санктпетербургской императорской Академии наук
всерадостно и всеподданнейше в Санктпетербурге
апреля 29 дня 1742 года стихами представленная
от Готлоба Фридриха Вилгельма Юнкера,
ея императорскаго величества надворнаго камернаго
советника, интенданта соляных дел и члена Академии
наук. С немецких российскими стихами перевел
Михайло Ломоносов, Академии наук адъюнкт
〈Фрагмент〉**

Россия, что тебя за весел дух живит?
Как можешь рада быть? Европа вся скорбит:
Тебе грозит раздор, лукавство сети ставит,
Продерсский полк землей и морем бег свой правит,
Что мыслью в твой предел уже давно вступил,
Пограбил все места, твое добро зглотил.
Орлы, как вы еще веселой глас послали?
Подкрались Тигры к вам, внезапно львы напали.

Но радость истинна; уже признал весь свет,
Как ты на трон Петров взошла, Елисавет,
Чрез сильной дух его в противных страх вложить;
Он будет свой трофей, твой щит наследство крыти.
Вступила вольной ты в стезю его ногой,
Где рок его вспятил, тут путь начался твой.
Ты будешь так, как он, любовь во всей вселенной,
Князей пример, покров земли, тебе врученной.

Велико дело в сем равно душе твоей:
Как он отец наш был, ты мать России всей.
Когда Олимп давал таких монархов славных?

Весь свет, что чтит его, ему не узрит равных.
Сквозь все препятства он главу свою вознес,
Монарх здесь, там отец, хвалой к верьху небес.
Пристойны скажет кто к правленью стран науки,
Где не был дух его и храбры купно руки?

Надежда стран его венчанна днесь в тебе,
Понеже всякой чин пособы ждет себе.
Ты, ты, монархиня, на пользу все исправишь,
Неполной труд его со всем скончишь, прославишь.
Ты скиптр рукой берешь, коварно злость дрожит,
Хоть тяжко злато в нем, любовь тебя крепит.
Щастлива будешь тем, земель императрица,
Печаль прогонишь всю, сердце людских царица.

⟨...⟩

1742

6-стопный ямб, 8-стишия ааВВссDD.

Первый пример 6-стопного ямба в русской поэзии. Из 24 строк, составивших этот фрагмент, только 4 имеют пиррихии.

**Всеподданнейшее поздравление для восшествия
на всероссийский престол ее величества
всепресветлейшия державнейшия императрицы
Елизаветы Петровны, самодержицы всероссийския,
в торжественный праздник и высокий день рождения
ее величества декабря 18, 1741. Всеподданнейше
представлено от императорской Академии наук
⟨Фрагмент⟩**

Какой утехи общей луч
В Российски светит к нам пределы,
Которой свет прогнал тьму туч?
По страхе музы толь веселы
Не знают, что за ясность зрят.
Чей толь приятной светит взгляд,
Парнасской верьх в восторг приводит,
Не основатель ли того приходит?

Но к ним надежда так гласит:
«Не дайте тем себя прельстити,
Мой вид такой зарей покрыт,
Чтоб вас с Россией взвеселити.
Здесь в ясном я стою свету,
И вам тот светлой день кажу,
Опасность к счастью что сыскала,
Россия б в коем процветала».

Опасность может впредь прозреть
И тое всё управить знает,
В сей день старалась то чинить,
В чем счастья верьх себя являет,
Готово что для наших лет,
Чтоб нам уйти от дальних бед,
В одном лишь только том трудилась,
Чтобы Елисавет родилась.

⟨...⟩

Между 25 ноября и началом декабря 1741

4-стопный ямба, 8-стишия аВаВссDD.

Переходная метрическая форма к вольному ямбу 4—5: 8-й стих — 5-стопный.

Из 23 стихов 4-стопного ямба, составивших этот фрагмент, только 3 имеют пиррихии.

Стихи 13-й и 14-й связаны «недостаточной» рифмой (мужской открытой без опорного согласного звука), каких впоследствии русская поэзия XVIII в. старалась избегать.

Г. Р. Державин

На рождение в севере порфиородного отрока

⟨Фрагмент⟩

С белыми Борей власами
И с седою бородой,
Потрясая небесами,
Облака сжимал рукой;

Сыпал иinei пушисты
И метели воздымал,
Налагая цепи льдисты,
Быстры воды оковал.
Вся природа содрогала
От лихого старика;
Землю в камень претворяла
Хладная его рука;
Убегали звери в норы,
Рыбы крылись в глубинах,
Петь не смели птичек хоры,
Пчелы прятались в дуплах;
Засыпали нимфы с скуки
Средь пещер и камышей,
Согревать сатиры руки
Собирались вокруг огней.
В это время, столь холодно,
Как Борей был разъярен,
Отроча порфиородно
В царстве Северном рожден.
〈...〉

1779

4-стопный хорей, неразделенные 4-стишия АbАb.

Н. П. Николев

**Ода российским солдатам на взятие крепости Очакова
сего 1788 года декабря 6 дня, сочиненная от лица
некоего древнего российского пииты
〈Фрагмент〉**

Аз чудопевец, строгий пиита,
Красного слога борзый писец,
Сиречь чья стопно мысль грановита:
Что же бы в рифму?.. Русский творец.

Бряцнул на лирке песни похвальны
Ратникам русским, аки русак:

Прочь скоротечно, мысли печальны!
Вас не изволю слушать никак.

Вот уж тревожно в мрачном жилище,
Демоны злые злее стократ!
Или незгода в тартарской пище?
Иль прогоняют злых на Ефрат?

Ну же, о Музе! вспрянь из-под бездны,
Где ты гнездишься двадесять лет,
Пой громогласно песни любезны,
Нуди к России быстрый полет.

⟨...⟩

Начало 1789, ⟨1797⟩

Стопный логаяд на основе 4-стопного дактиля с цезурным усечением на 1 слог: — ∪ ∪ — ∪ / — ∪ ∪ — (∪), 4-стишия AbAb.

В XVIII в. такие стихи считались состоящими из разнородных стоп — дактиля и хорей, а потому именовались «дактило-хорейческими».

Впоследствии Державин использовал аналогичную логаядическую структуру в сочетании со сдвоенными 6-стишиями AbAbCd // EfEfCd в знаменитом стихотворении «Снигирь», написанном на смерть Суворова (1800).

В. П. Петров

**На подносимую ей величеству, высокую титу,
Великия Екатерины, премудрыя матери отечества.
1767 года
⟨Фрагмент⟩**

Россию вознести благоволив содетель,
Одушевленную ей подал добродетель;
Возвысив он тебя, монархиня, на трон,
Затмил твоим венцем сиянье всех корон;
Что древле начертал и предал Моисею,
То ныне хочет нам рукой предать твою;

Прими скрижаль, тебе вещает и пиши
Судьбу, полунощи блаженство, соверши.

Услышан глас с небес! Ты подвиг начинаешь;
Незыблемой для нас храм щастья созидаешь.
И в день и в ночь твои томятся очеса,
И пот твой зрак кропит, как нежный цвет роса.
Мы видя то, трудам безгласные чудимся,
Усердию воздать усердием стремимся.
Достойное тебя желаем в дар принести,
Достойное тебя что можем изобрести?

Я мыслию в лета минувши прелетаю,
Различны тамо мзды заслугам обретаю.
Сии красуются венцем увязены,
Другие титлою завистной почтены;
На месте сем стоят высоки пирамиды,
Трофеи на другом и изваянны виды;
Там тварь словесна вшед земнаго бога в храм
Трепещущей рукой возносит фимиам,
И пред блистающим порфирию свирепством
С достойным предстоит Зевесу раболепством.
<...>

1767

6-стопный ямб, астрофический стих парной рифмовки с чередованием женских и мужских окончаний.

Пета в маскараде на озерках

С т р о ф а

Полунощи царица
Народов многих мать!
Владычия пространству
Душа твоя равна.
Ты черплешь дары с неба;
Мы черпем от тебя.
Ты трону честь Петрову,
Нам щастие и жизнь.

Антистрофа

О Павел и Мария,
Утехи наших дум!
О Орле и Орлица,
Родившие Птенцев,
Имущих воспарити
Превыше облаков!
Уже в броне и шлеме
Играет Александр.

Эподос

Как благовонный израстает
На поле цветоносном крин:
Подобной красотой блистает
Во колыбели Константин.
Богинины растите внуки;
И хвал ея продлите звуки.
Как кедр, Петров умножься дом,
И богаты весь свет плодом!

1779

Полиметрическая композиция: строфа и антистрофа написаны 3-стопным ямбом, а эпод («эподос») — 4-стопным ямбом; нетождественные 8-стишия: ХхХхХхХх + ХхХхХхХх + AbAbCCdd.

Плач и утешение России К его императорскому величеству Павлу Первому, самодержцу всероссийскому 〈Фрагмент〉

Россия, матери лишена,
Внезапной смертию ея,
Как страшным громом оглушена,
Не помня своего во свете бытия,
Стоит оцепенев; пресветлы меркнут очи,
Восходит на чело печальной сумрак ночи;
Останавливается всех жил биенье вдруг,

И запирается во персях томный дух;
 Бесчувственна, полмертва,
 Несносной скорби жертва,
 Падет.

Опомнясь, — зрелище плачевно, — восстает:
 С увядшими красами,
 С растрепанными вдоль широких плеч власами,
 Со перстью на главе, бледна,
 Прежалостна, бедна:

Как бури силою от листвий обнаженный,
 И молниями обожженный,
 Великолепный прежде кедр,

Днесь корнем внутрь земных едва держайся недр.
 Со чувствованием в душе тоски и муки,
 Колени преклоня, простря вверх обе руки
 И омраченных взор очей,
 В которых заперся болезнью слез ручей,
 «О боже! — вопиет, — мой боже милосердый!
 Поднесь спасение, надежда, щит мой твердый!
 Внуши

Вопль страшным бедствием объятая души;
 Се черна надо мной развесяся туча смерти
 Грозит на мя упасть! К кому мне ток простерта,
 Как, творче, не к тебе?

По неиспытанной кой правишь всё судьбе;
 Кой, всё храня, не дремлешь;
 Сквозь бури глас к тебе из бездн зовущий внемлешь.
 Из бездны я к тебе зову,
 Болезненну едва подъямлюща главу;
 Едва, едва моя стенанье грудь изводит,
 Из сердца теплота естественна уходит,
 Катится из очей с слезами вместе свет.
 Увы! (то мысль моя воображать отщепет,
 Язык мой вымолвить трепещет)
 Екатерины больше нет?

〈...〉

Ноябрь—декабрь 1796

Вольный ямб 1—6, астрофический стих вольной рифмовки.

Обратите внимание, что рифма «вдруг — дух», связывающая 7-ю и 8-ю строки, точная, поскольку конечный согласный в слове «вдруг» произносится как [х].

А. А. Ржевский

**Ода всепресветлейшему державнейшему великому
и милосердому государю, истинному отцу подданных,
императору Петру Феодоровичу, самодержцу
всероссийскому. Приносится в знак благодарности
за беспримерное и милосердное пожалованье вольностию
российских дворян. Сочинена 1762 году марта 1 дня
〈Фрагмент〉**

Ликуйте, россы, ныне
Под щедрым толь судом,
К счастливой мы судьбине,
Россияне, Петром.
О времена драгия!..
Счастливая Россия!
Владелец щедрый твой
Всех славу превышает
И век в тебе златой
Им ныне расцветает.

Стремись, усердна муза,
Воспети днесь Петра,
Ищи словам союза,
Сколь власть его щедра.
Возможно ль умолчати,
Чтобы не величати
Монарха россиян?
Ты счастлива стократно,
Что сей предел днесь дан
То пети, что приятно.

Дивясь, я не знаю,
Щедроту пев его,
Монарха ль воспеваю,
Отца ли своего?
Монарх он учрежденьем,
Отец он попеченьем
О подданных своих.
Златые времена!
Имеет обоих
В себе он имена.

Иной себя прославил,
Кровь неповинных лив.
Но славу ты восставил,
Меча не обагрив.
Щедротю одною
Над подданной странюю
Героев превзошел.
С мечем не кровавленным
В храм славы ты вошел,
И мил своим плененным.

⟨...⟩

1762

3-стопный ямб, 10-стишия AbAbCCdEdE.

Дериват одической строфы: по сравнению с канонической формой изменены порядок расположения двух последних рифм и стихотворный размер.

В III строфе нарушено правило альтернанса (AbAbCCdede), как и на границе строф I—II, II—III.

А. П. Сумароков

Ода вздорная I

⟨Фрагмент⟩

Превыше звезд, луны и солнца
В восторге возлетаю нынь,
Из горних областей взираю
На полуночный океан.
С волнами волны там воюют,
Там вихри с вихрями дерутся
И пену плещут в облака;
Льды вечные стремятся в тучи
И их угрюмость раздирают
В безмерной ярости своей.

Корабль шумящими горами
Подъемлетя на небеса;
Там громы в громы ударяют

И не целуют тишины;
Уста горящих тамо молний
Не упиваются росой
И опаляют весь лазурь;
Борей замерзлыми руками
Из бездны китов извлекает
И злобно ими в твердь разит.

Возникни, лира, вознесися,
Греми во всех концах земли
И песнию великолепной
Умножи славу ты мою!
Эол, пусти на волю ветры
И возложи мои ты мысли
На буреносны крылья их!
Помчуся по всему пространству,
Проникну воздух, небо, море
И востревожу весь эфир.

⟨...⟩

⟨1759⟩

4-стопный ямб, 10-стишия ХхХхХХхХХх.
Безрифменный дериват одической строфы.

В. К. Тредиаковский

* * *

⟨Фрагмент⟩

Снесшийся с кругов небесных
На презнаменитый брак,
Где в пресветлостях чудесных
От зениц гоня весь мрак,
Лучезарною порфирию
Феб явил присутствие с лирою.
О! вас, боги, можем зреть
Мы и всех уже пред нами:

С горнейших престолов сами
Вы потщались к нам приспеть.

Как уже Гимен преславно
Брачные вжигал свещи,
То богов царица равно
Восхотевши помощи,
Распещряла всеконечное
Велелепие венечное,
А Пафийска чрева сын
Метно и слегка златою
Поражал сердца стрелою,
Малый оный Купидин.

Се и гуслем бог прекрасный
Начал радость прославлять;
По стопам звон доброгласный
Так речами оживлять:
«Дайте руки сердцем искренним,
В твердый знак любви пред выспренним!
Червленеясь, все зари
Дней вам ясность возвещают;
Их судьбы не сокращают:
Дайте руки! о! цари.

Час, обеты исполняя,
Веки счастием дарит;
Гименей всё уясняя,
Чистым пламенем горит;
Лавром и чертог красуется;
Звук восклицаний согласуется:
«Галлический славный род,
Красный же Сицильский браком
Счетаваются со знаком
Предедержавных их пород».

<...>

<1751>

4-стопный хорей, 10-стишия AbAbC'C'dEEEd.

Дериват одической строфы, образованный «заменой» 2-й женской рифменной пары на экзотическую для XVIII века дактилическую.

Ода IV
Похвала Ижерской земле и царствующему граду
Санктпетербургу
〈Фрагмент〉

Приятный брег! Любезная страна!
Где свой Нева поток стремит к пучине.
О! прежде дебрь, се коль населена!
Мы град в тебе престольный видим ныне.

Немало зрю в округе я доброт:
Реки твоей струи легки и чисты;
Студен воздух, но здрав его есть род:
Осушены почти уж блата мшисты.

Где место ты низвергнуть подала
Врагов своих блаженну Александру,
В трофей и лавр там лавра процвела;
Там почернил багряну ток Скамандру.

Отверзла путь, торжественны врата
К полтавским тем полям сия победа;
Великий сам, о! слава, красота,
Сразил на них Петр равного ж соседа.

Преславный град, что Петр наш основал
И на красе построил толь полезно,
Уж древним всем он ныне равен стал,
И обитать в нём всякому любезно.

〈...〉

1752

5-стопный ямб, 4-стишия аВаВ.
Цезура на второй стопе, мужская.

Горацианская ода

А. П. Сумароков

Ода горацианская

Скажи свое веселье, Нева, ты мне,
Что сталося за счастье сей стране?
Здесь молния, играя, блещет,
Радостны громаы селитра мечет.

Глашу по всем местам, разнося трубой
Вселенной нову весть, о Нева, с тобой:
Простерлося Петрово племя,
Россам продлится блаженно время.

Петров Екатерина умножить род
России принесла предражайший плод.
Ликуй, супруг, ликуй, супруга,
Радуйтесь, жители полукруга!

А ты, Елисавет, от земных сих мест
Благодарение воссылай до звезд:
Родитель твой остался с нами,
Царствовать Русскими ввек странами.

Благослови сей дар с небеси, наш бог,
Возвысь России чад славы ввеки рог,
Взнеси российскую корону
Ближе еще к своему ты трону!

Россия, торжествуй и хвали сей день:
Он превысокая для тебя степень;
Взлетай на верх огромной славы
С скипетром пышной твоей державы.

И ныне только ты рассмотри себя,
Увидишь ты, как Петр украсил тебя,

Хоть дни Петровы скоротечны,
Только заслуги пребудут вечны.

Взлетай полночных стран в облака, орел;
Враждебные народы, страшитесь стрел,
Которы россов защищают
И дерзновение отомщают.

Оружие свое через горы, лес,
Через степи и моря Петр отсель пренес;
Разите с именем Петровым
Новою молнией, громом новым.

Посеянные им, возрастайте вы,
Науки, на берегах чистых вод Невы,
Труды Петровы, процветайте,
Музы, на Севере обитайте.

Расти, порфирородный младенец, нам,
Расти, надежду вечну подай странам,
Расти в объятиях Елисаветы,
Вечной надежды сверши обеты.

Внимай родителей к наставленью глас,
Елисаветин ты исполняй приказ,
Читай Петрово ты владенье;
Будешь империи услажденье.

(1758)

Строчный логоэд на основе разноударного дольника 5544: ◡—◡—
◡—◡◡—◡— // ◡—◡—◡—◡◡—◡— // ◡—◡—◡—◡—◡— //
—◡◡—◡◡—◡—◡—◡, 4-стишия ааВВ.

Имитация алкеевой строфы.

И. И. Дмитриев

Подражание одам Горация (кн. III, ода I)

Служитель муз, хочу я истины воспеть
В стихах, неслыханных доньине:

Феб движет, — прочь, враги святыне!
А вы, о юноши!.. внимать, благоговеть!

Царям подвластен мир, цари подвластны богу
Тому, кто с облачных высот
Гигантам в ад отверз дорогу,
Кто манием бровей колеблет неба свод.

Владей во всей земле ты рудами златыми,
А ты народов будь отцом,
Хвались ты предками своими,
А вы талантами, геройством и умом, —

Умрете все: закон судьбины непреложен;
Кто б ни был — мал или велик,
Пред смертью всяк равно ничтожен;
В сосуде роковом нет жребиям отлик!

За царскою ль себя трапезой насыщает,
Пернатым внемлет ли весной,
Кто сну ль главу на пух склоняет —
Злодей всегда зрит меч, висящий над собой.

Сон сладкий только дан оратаям в отраду:
Он любит их смиренный кров,
Тенистой рощицы прохладу,
Цветы и злак долин, журчанье ручейков.

Пусть грозный океан клокочет под валами,
Пусть буря черными крылами
При блеске молний восшумит —
Мудрец на брань стихий спокойно с берега зрит.

Один громадами стесняет рыб и давит,
Казною пропасти бутит
И на зыбях чертоги ставит —
Но где он от забот, печали будет скрыт?

Безумец! ты бежишь от совести напрасно:
Тиран твой сердца в глубине;
Она с тобою повсечасно
Летит на корабле и скачет на коне.

Что ж пурпур, аромат и мраморы фригийски?
К чему фалернское вино?
Почто возносить мне обелиски,
Когда спокойствия мне с ними не дано?

Нет! злату не бывать души моей кумиром;
Мои желанья: скромно жить,
Не с завистью — с сердечным миром,
И счастье в уголку собинском находить.

1794

Разностопный ямб 6446, нетождественные 4-стишия aBbA + 5AbAb +
AAbb + 4AbAb.

Вольный перевод из Горация.

(Кн. I, ода III)

Лети, корабль, в свой путь с Virgiliem моим,
Да сохранят тебя светила благотворны:
И Поллукс, и Кастор, и тот, кому покорны
Все ветры на водах, и та, которую чтим
Богиней красоты, всех радостей душою.
Лети! и принеси безвредно по волнам
Ты друга моего к Аттическим брегам:
Дражайшу часть меня я отпустил с тобою!
Конечно, твердою, дубовою корой,
Тройным булатом грудь была вооруженна
Того, в ком перва мысль родилась дерзновенна
Неверной поручать стихии жребий свой!
Ни дожденосные, зловещие гиады,
Ни африканский ветер, ни бурный Аквилон,
 Ни Нот, не знающий пощады,
 Не сделали ему препон.
И что они? какой род смерти был ужасен
Тому, чей смелый взор был неподвижен, ясен,
Когда зияла хлябь, горой вздымался вал,
 Из волн чудовища скакали
 И стрелы молний обвивали
 Верхи Эпирских грозных скал?
Так, втуне от небес народы разделенны,
Обширные моря в предел им положенны!

Афетов дерзкий сын всё смеет одолеть:
Хотел, и мог сии пространства прелететь;
Хотел, и святость всех законов нарушает,
И даже огонь с небес коварно похищает.
О святотатство, сколь твой гибелен был след!
По свету океан разлился новых бед,
И неизбежна смерть, но медленна дотоле,
Удвоила свой шаг и всех разит по воле!
Но только ли? Дедал, родившийся без крыл,
Отважно к солнцу воспарил;
Алкид потряс пределом ада!
Где нашей дерзости преграда?
Мы, в буйстве, даже в брань вступаем с божеством.
И Диев никогда не отдыхает гром.

1794

6-стопный ямб, астрофический стих вольной рифмовки.
Переходная метрическая форма к вольному ямбу 4—6.
Вольный перевод из Горация.

В. В. Капнист

К лире (Гораций, кн. I, ода XXXII)

Poscimus, si quid vacui...

О лира, милая подруга!
Коль древ в тени, под час досуга,
Резвась, я песни пел с тобой,
Прожить достойны год, другой,
Внуши мне новый стих латинский!
Герой и гражданин лезвийский
Всех прежде на тебе бряцал;
Во стане ль ратном изоцрял
Оружье, бранна духа полный,
Иль, бурны одолевши волны,
Корабль свой в тиху пристань вел,
Он Вакха, муз, Венеру пел,
Дитя с палящими стрелами,

И Хлою с черными очами,
И черны Хлои волоса.
О Фебовых рамен краса,
Трапезы Дия услажденье,
В трудах приятно облегченье,
О лира! коль зову с мольбой,
На голос откликайся мой!..

Конец 1810-х

4-стопный ямб, астрофический стих парной рифмовки с регулярным чередованием женских и мужских окончаний.

На роскошные обиталища (Гораций, кн. II, ода XV)

Iam pauca aratro...

Уж пышны зданья властелина
Землей ограбят скоро плуг:
Обширней тиниста Лукрина
Пруды изрыты видим вдруг.
Где вяз был — клен стал одинокий;
Кусты и цветники беспроки,
Что обонянье лишь манят,
Уж скоро вытеснят оливы,
Владельцев прежних верный клад;
И в сводах лавры горделивы
Их листьям солнце отразят.

Не так гласит скрижаль закона,
Что Ромул нам преподает;
Устав небритого Катона
И древних праотцев завет:
При них граждане скудно жили,
Все золото в общий клад копили.
Стыдяся земляных домов,
Никто на север, для прохлады,
С навесом не взводил столбов:
Богатством — украшали грады
И мрамором — лишь храм богов.

1814

4-стопный ямб, 11-стишия AbAbCCdEdEd.

Дериват одической строфы, образованный за счет «утроения» мужской рифмы (d) второй «субстрофы» (6-стишия), превращенной таким образом в 7-стишие.

На разврат нравов
(Гораций, кн. II, ода VI)
〈Фрагмент〉

Delicta maiorum...

Квирит! за предков злодеянья,
Безвинный, ощутишь ты месть,
Пока священны храмы, зданья
Из пепела коснишь вознесть;
Пока кумиров обожженных
И пылью, дымом очерненных
Не восстановишь в прежню честь.

Бессмертных власть верховну чтущий,
Воздел всемирный ты венец:
Начало счастья им, — грядущий
Лишь им, — приписывай конец.
Гесперии всех бед, злосчастий
Причиной буйство — вышней власти
Не покорившихся сердец.

Пророчески жрецов прещенья
Отвергшу, нашу рать в боях
Двукрат, толпами ополченья,
Менез, Пакор разбили в прах;
Двукрат добычею беструдной
Украся ожерелье скудно,
Смеется нам наш гордый враг.

〈...〉

1814

4-стопный ямб, 7-стишия AbAbCCь.

Обратите внимание, что мужская рифма в III строфе (боях — в прах — враг) — точная, поскольку конечное «Г» в слове «враг» оглушается не в [к], а в [х].

М. В. Ломоносов

* * *

Я знак бессмертия себе воздвигнул
Превыше пирамид и крепче меди,
Что бурный аквилон сотреть не может,
Ни множество веков, ни едка древность.
Не вовсе я умру, но смерть оставит
Велику часть мою, как жизнь скончаю.
Я буду возрастать повсюду славой,
Пока великий Рим владеет светом.
Где быстрыми шумит струями Авфид,
Где Давнус царствовал в простом народе,
Отечество мое молчать не будет,
Что мне беззнатной род препятством не был,
Чтоб вносить в Италию стихи эольски
И первому звенеть Алцейской лирой.
Взгордися праведной заслугой, муза,
И увенчай главу Дельфийским лавром.

(1747)

5-стопный ямб с цезурой на 3-й стопе, астрофический белый стих со сплошными женскими окончаниями.

Первый пример 5-стопного ямба в русской поэзии. Цезура в основном мужская; в стихах 1, 10, 13, 15 — дактилическая.

М. Н. Муравьев

Ода

Carmi<num> iv lib<er> i из Горация
к Люцию Сексту консулярному

Зимы упругость уступает,
Весна приятна настает,
Зефир прохладный оживляет
Покрытый мразным снегом свет.
Пловец, готовясь к дальну бегу,
Влечет ладью сухую с брегу,
Стада выходят на поля,
На нивы ратай поспешает

И огонь свой зимний погашает, —
Открылась мерзлая земля.

Сама цитерская богиня
Ведет толпы нимф за собой,
Разносит клики их пустыня,
И граций пляшет тамо строй.
Меж тем Вулкан уже трудится,
И дым издалека курится,
Исшед из преисподних стран,
Циклопы мощными руками
Биют тяжелыми млатами
Поверх сваянный истукан.

Главы цветами увенчайте
Иль паче миртовым листом,
Овцу иль козля предлагайте
Вы Фавну днесь в лесу густом.
А смерть и в хижины убоги,
Мой Секст! и в царские чертоги
Идет единою ногой.
Дни нашей жизни скоротечны
Велят желанья бесконечны
Оставить и приять покой.

Уже и над твоей главою
Развьется скоро мрак ночной,
И скоро, скоро пред тобою
Предстанет баснословный строй;
Когда же к мертвым преселишься
И в преисподнюю вместишься,
Ты к нам не возвратишься вспять;
Не будешь боле забавляться,
Царем беседы¹ нарицаться,
В пирах не будешь заседать.

⟨1773⟩

4-стопный ямб, 10-стишия AbAbCCdEEEd.
Одическая строфа.

¹ В римских пиршествах был сей обряд избирать царя беседы (bibendi magister), которого установлениям должны были повиноваться все собеседствующие. (Примеч. авт.)

Ода carmi⟨num⟩ IX lib⟨er⟩ III Горация

Г о р а ц и й

Доколь приятен был тебе
И нравиться тебе лишь тщился,
Завидовать я не учился
Там перского царя судьбе.

Л и д и я

Доколь другой ты не горел,
По Хлое Лидия не чтилась,
Тогда моя лишь слава мчилась,
Мой лучше Илии рок цвел.

Г о р а ц и й

Мне Хлоя лютнею своей
Одна угодна днесь фракийска,
Искусна знанья мусикийска, —
Я б принял смерть, чтоб жизнь дать ей.

Л и д и я

Младый Калай меня пленил
Взаимною любовью ныне, —
Дала б жизнь дважды, коль судьбине
Льзя было сделать, чтоб он жил.

Г о р а ц и й

Что, если придет прежня страсть
И помирит меня с тобою,
Из сердца коль извергну Хлою
И Лидье снова вдамся в власть?

Л и д и я

Прекрасен тот, но как презреть?
Неверный! я тебя любила
И счастливой себя б почтила
С тобою жить и умереть!

⟨1773⟩

4-стопный ямб, 4-стишия аВВа.

Ода carmi(num) XVIII lib(er) из Горация

К фавну

О Фавн! любитель нимф бегущих,
Среди моих полей цветущих
Пройди медлительной ногой;
Тебе прольется кровь козлиная;
И Бакху в жертву будут вина,
Дым жертвенник покроет твой.

Овечки по полю играют,
Как ноны декабря бывают,
И вол ликует в праздник твой;
Между овцами волк гуляет,
Лес в честь тебе лист опускает,
Крестьянин землю бьет ногой.

⟨1773⟩

4-стопный ямб, 6-стишия AAbCCb.

В. К. Тредиаковский

Строфы похвальные поселянскому житию

⟨Фрагмент⟩

Счастлив! в мире без сует живущий,
Как в златый век, да и без врагов;
Плугом отчески поля орющий,
А к тому ж без всяких и долгов.

Не торопится сей в строй по барабану;
Флот и море не страшат его;
Ябед он не знает, ни обману;
Свой палат дом лучше для него.

В нем всегда или он виноградны
Вяжет лозы к тычкам и шестам;
В дни гуляет, те когда изрядны,
По долинам, либо по стадам.

Он в иной серпом день очищает
Ветви все негодные с дерев,
Добрый к оним черен прививает;
Смотрит, в хлебе нет ли вредных плев.

Либо мед и сот кладет сам в кади,
В ночь или бывает рыб ловец;
Сам же иногда, волны в дом ради,
Всех обросших он стрижет овец.

Осень как плодом обогатится,
Много яблок, груш и много слив;
О! как полным сердцем веселится,
Их величину, их зря налив.

<...>

<1752>

5-стопный хорей, 4-стишия AbAb.

Переходная метрическая форма к вольному хорю 5—6: 5-й стих —
6-стопный.

Анакреонтическая ода

Н. А. Львов

**Ода II
К женщинам
Греческим метром**

Зевес быкам дал роги,
Коням он дал копыты,
А зайцам бег дал скорый,
Льву зев зубами полный,
Проворство плавать — рыбам,
Летать способность — птицам,
Мужчинам ратоборство;
Немного что для женщин
Оставил он в замену
Щитов, шоломов, копий
Зевес им красоту дал.
Щиты и меч и пламень
Красавица сражает.

3-стопный ямб, астрофический белый стих со сплошными женскими окончаниями.

При переводе этой греческой анакреонтической оды Львов использует также некоторые находки ее немецкого переводчика (см.: *Львов Н. А. Избранные сочинения*. Кёльн; Веймар; Вена: Бёлау-Ферлаг; СПб., 1994. С. 125).

А. А. Ржевский

* * *

О, властитель нежна сердца,
Ты целуй меня стократно,
И еще целуй ты столько,
Столько и еще немного.

Поднеси вина мне рюмку,
Поднеси, опять целуйся,
В жизни пить и целоваться —
Настоящая утеха.
Что мы будем впредь — не знаю;
Как я пью, когда целую —
То бываю очень весел.

⟨1763⟩

4-стопный хорей, астрофический белый стих со сплошными женскими окончаниями.

И. Ф. Богданович

Ода из Анакреонта XIV

Уже сие непреборимо:
Люблю, что должно быть любимо.
Давно ли мне вещал Эрот,
Давно ль советовал о этом,
Когда я был совсем не тот
И был не тронут сим советом?
Упрямца видя пред собой
И зря мои поступки смелы,
Он взял тогда свой лук и стрелы,
И вызывал меня на бой.

Я так же был напротив злобен
И Ахиллесу был подобен.
С копьем и в латах со щитом,
Казалось мне: чтобы сражаться,
Со оным маленьким божком,
Ненужно боле воружаться.
Он стрелу первую пустил,
Но я от оной уклонился;
Стреляя, тщетно стрел лишился,
И сердца мне не прострелил.

Он яростью кипел презлою,
И, бросясь сам ко мне стрелою,

Грудь слабую мою пронзил.
Мое, ах! сердце ощущает,
Что нет к сопротивленью сил;
Копье меня не защищает,
И всеу щит имею сей, —
Эроту оный не препона.
К чему снаружи оборона,
Когда уже внутри злодей?

(1761)

4-стопный ямб, 10-стишия ААвСвСdЕЕd.

Г. Р. Державин

Пчелка

Пчелка золотая!
Что ты жужжишь?
Всё вокруг летая,
Прочь не летишь?
Или ты любишь
Лизу мою?

Соты ль душисты
В желтых власах,
Розы ль огнисты
В алых устах,
Сахар ли белый
Грудь у нее?

Пчелка золотая!
Что ты жужжишь?
Слышу, вздыхая,
Мне говоришь:
К меду прилипнув,
С ним и умру.

1796

2-стопный дактиль, полурифмованные 6-стишия АbАbXx.

И. И. Дмитриев

Голубок (Подражание Анакреону)

Прекрасный голубчик! Скажи мне, отколе,
Куда и к кому ты столь быстро летишь?
Душист ты, как роза, цветущая в поле;
Кого ты, голубчик, кого веселишь?

Г о л у б о к

Я служу Анакреону,
А любезный сей певец
Получил меня в награду
От Венеры за стихи;
С той минуты, как ты видишь,
Письма я его ношу,
И теперь лечу к Батиллу,
Кто пленяет всех сердца.
Господин мой обещает
Скоро дать свободу мне,
Но, хотя бы то и сделал,
Я останусь всё при нем.
Что за радость мне летати
По полям и по горам,
Укрываться на деревьях
И питаться чем-нибудь,
Если я во всем доволен,
Хлеб клюю всегда из рук
Самого Анакреона
И вино с ним вместе пью?
Пью за ним из той же чаши,
А насытись им, вспрыгну
На его тотчас я темя
И тихохонько кружусь,
А потом его крылами
Я своими обойму
И, слегка спустясь на лиру,
Забываюся и сплю.

⟨1792⟩

Полиметрическая композиция.

I звено (4 стиха) — 4-стопный амфибрахий, одиночная строфа АbАb.

II звено (28 стихов) — 4-стопный хорей, астрофический белый стих с регулярным чередованием женских и мужских окончаний.

М. В. Ломоносов

* * *

Хвалить хочю Атрид,
Хочю о кадме петь,
А Гуслей тон моих
Звенит одну любовь.
Стянул на новой лад
Недавно струны все,
Запел Алцидов труд,
Но лиры звон моей
Поет одну любовь.
Прощайтеж нынь, вожди,
Понеже лиры тон
Звенит одну любовь.

1738

3-стопный ямб, астрофический белый стих со сплошными мужскими окончаниями.

Перевод оды Анакреонта «К лире». Первый пример 3-стопного ямба в русской поэзии.

М. Н. Муравьев

Ода из Анакреонта

На челе моем морщины
Изъявляют лет урон,
И конец моей судьбины
Мне мечтается как сон.
Вы прощайте, игры, смехи,
И забавы, и любовь;
Хладенеет в жилах кровь,

Удаляются утехи,
Скоро сниду к мертвым в сень,
И покроет очи тень;
Но об том как рассуждаю,
Обымает сердце хлад:
Мы всегда у смерти краю,
Запрещен оттоль возврат.

⟨1773⟩

4-стопный хорей, астрофический стих вольной рифмовки.

А. П. Сумароков

Ода анакреонтическая к Елисавете Васильевне Хераськовой

Прелетите ко Московским
Вы, сии стихи, селеньям,
В дом Хераськова войдите
И предстаньте вы пред очи
Стихотворице московской.
Не сердитесь вы, музы,
Что дерзну, стихи слагая,
Подражать Анакреонту,
Сладкому Анакреонту,
И писать его словами,
И его писати складом,
И его писати духом,
Грации его учили
Украшаться простотою,
О прекрасные богини,
Три прелестные девицы!
И меня вы научите
Простотою украшаться.
А московскому Парнасу
Вы Хераськовой устами
От меня скажите это:
Чисти, чисти сколько можно
Ты свое стопосложение,
И грамматики уставы

Наблюдай по крайней силе.
Чувствуй точно, мысли ясно,
Пой ты просто и согласно.
Я не критике касаюсь,
Не к тому мои слова,
Только то другим вещаю,
Что вещаю я себе.
Совершенство тщуся видеть
Древних греков и у нас
И, подобный их Парнасу,
В Петровой области Парнас.
А ты, Хераськова, сему внимая слову,
Увидети в себе дай россам Сафу нову.
Когда воспеть героев,
Когда гласить победы
Другому оставляешь,
Поди в луга зелены,
Поди к потокам водным,
Гуляй в приятных рощах
И слушай песни птичек,
Когда они аврору
Согласно воспевают.
Воспой весну прекрасну
И сладкую свободу,
Воспой любви заразы,
Которы ощущаешь,
Любезного имея
И верного супруга,
Которому вручила
Свое ты нежно сердце,
Свою цветущу младость.
С тобой игры и смехи,
С тобой веселье, радость,
Имей в любви успехи
И чувствуй в ней утехи.

⟨1762⟩

Полиметрическая композиция, состоящая из 3 звеньев.

I звено (35 стихов) — 4-стопный хорей, астрофический белый стих со сплошными женскими окончаниями. Переходная метрическая форма: структура последнего стиха в звене (35-го) соответствует схеме 4-стопного ямба. Стихи 26—27 и 33—35 связаны спорадическими риф-

мами («ясно — согласно», «у нас — Парнас»). К концу этого звена (стихи 29—35) Сумароков переходит к другому типу астрофизма — белому стиху с регулярным чередованием мужских и женских окончаний.

II звено (2 стиха) — 6-стопный ямб, одиночная строфа АА.

III звено (22 стиха) — 3-стопный ямб, астрофический белый стих со сплошными женскими окончаниями. Последние пять стихов зарифмованы по схеме АВАВВ.

С. А. Тучков

Ода анакреонтическая 〈Фрагмент〉

Престаньте, струны звучны,
Огромну песнь гласить,
Стихи геройски скучны,
Хочу их пременить!

Приятны росска трона
Великие дела;
Но слава Купидона
Не меньше мне мила.

Хочу я петь Венеры
Подвластный ток времен
И как своей без меры
Любезной я пленен.

〈...〉

〈1785〉

3-стопный ямб, 4-стишия АbАb.

Г. А. Хованский

Похищенный персик. Анакреонтические стишки 〈Фрагмент〉

Я персик посадил
И сам его взрастил;

Помина б им гордилась,
Венера б им прельстилась.
Для милой я своей
Берег подарок сей,
Награды ожидая
И ею дух питаю;
Но кто-то на беду
Ночной порой в саду,
Воришка очень смелый,
Спроворил персик спелый.
Однако ж я потом
Узнал о плуте том:
Украден он Лизетой;
С плутовкой милой этой
Эрот, сердечный вор,
Составил заговор.
<...>

1795

3-стопный ямб, астрофический стих парной рифмовки с регулярным чередованием мужских и женских окончаний.

Неизвестный автор

Ода по примеру Анакреонта к живописцу

Кто богиню ту представит,
Мысли что мои пленит?
И любовь, что сердцем правит,
Кто умно изобразит?

О Апеллес! всю науку
Здесь свою ты собирай,
Хитро чрез проворну руку
Тень и свет ты в ней смешай.

Напиши ее с стрелами,
Всю во пламе представляй,
И что быть должна с крылами,
Ты того не забывай.

Чтоб лицо ее смущенно
Не казалось, берегись,
Там приятство сопряженно
Со усмешкой было б, тщись.

Ты подобну ту певиче,
Ты ту пляшущей представь,
Но пристойно что девице
Скромнейшей, то ей прибавь.

В детских шутках чтоб забавы
Не имела никакой,
Пуще ж всех (твоей для славы)
Не представь мне ту слепой.

Дай сто глаз ей к украшенью,
Все что бодрствуют и бдят,
К своему дабы плененью
Всё привлек Клорисин взгляд.

<1755>

4-стопный ямб, 4-стишия АbАb.

Оды разные

А. П. Сумароков

Ода, сочиненная в первые лета
моего во стихотворении упражнения
〈Фрагмент〉

Вперяюся в премены мира
И разных лет и разных стран:
Взыграй сие, моя мне лира,
И счастья шаткого обман,
И несколько хотя исчисли
Людей тщеславных праздны мысли,
Тех смертных, коих праха нет,
Которы в ярости метались
И только в книгах лишь остались,
Поделав миллионы бед.

Царя прославити навеки,
Себе достойной ждущи мзды,
Идут в концы вселенной греки
В Семирамидины следы,
И где войск храбрых сила зрится,
Тут и победа с нею мчится.
Как воздух молния сечет
И пламень грома предвещает,
Так острый меч в полях сверкает,
И Азия попанья ждет.

Тя гордость, суеты любитель,
В страны Индийски позвала,
Тебя, покоя разоритель,
Тщета в край света завела.
Коль смерть бы мало опоздала
Скончатъ твой век, земля бы стала

Театром греческих темниц.
Ты б из последних стран сих вскоре
Пошел в пространнейшее море
Искать неведомых границ.

⟨...⟩

Между 1740—1743 (?)

4-стопный ямб, 10-стишие AbAbCCdEEEd.

Один из первых образцов канонической модели одической строфы в русской поэзии.

И. Ф. Богданович

Ода в честь красоте

Краса нас счастья на самый верх возносит,
И сами боги чтят в создание красоту.
О жизнь! когда ты сон, продли сию мечту,
Продлись, о сладкий сон, пока нас смерть не скосит,
И насладиться дай приятностью ее,
Пока не обратит их смерть в небытие.

Иль только понимать свои несчастья ясно
Всесильны небеса нас в свет произвели,
И утешенья нет для смертных на земли?
Престанем размышлять о том, что нам ужасно,
Изыщем способы ко облегченью бед,
Оставим по себе мы сладкой жизни след.

Когда мы целый век не можем наслаждаться,
Потщимся хоть продлить приятность сих минут,
Без возвращения которы протекут,
И чтоб раскаянем впоследствии не терзаться,
Пусть наших радостей кратчайшие часы
Составят сладку жизнь, пока цветут красы.

⟨1763⟩

6-стопный ямб, 6-стишия AbbAcc.

Другая ода, с теми же рифмами, против красоты

Тщетно свет всегда возносит,
Тщетно славит красоту:
В ней мы видим лишь мечту;
Смерть иль старость ону скосит,
Время прелести ее
Обратит в небытие.

Если мы рассмотрим ясно,
Что красы произвели,
Узрим брани на земли
И отмщение ужасно;
Узрим тысячи там бед,
Где мы их увидим след.

Тщетно чаем наслаждаться
Лестным ядом сих минут,
Кои скоро протекут
И принудят нас терзаться
В долгие потом часы
Исчезающей красы.

⟨1763⟩

4-стопный хорей, 6-стишия AbbAcc.

Г. Р. Державин

На возвращение графа Зубова из Персии

⟨Фрагмент⟩

Цель нашей жизни — цель к покою:
Проходим для того сей путь,
Чтобы от мразу иль от зною
Под кровом ночи отдохнуть.
Здесь нам встречаются стремнины,
Там терны, там ручьи в тени;
Там мягкие луга, равнины,
Там пасмурны, там ясны дни;
Сей с холма в пропасть упадает,
А тот взойти спешит на холм.

Кого же разум почитает
Из всех, идущих сим путем,
По самой истине счастливым?
Не тех ли, что, челом к звездам
Превознеся горделивым,
Мечтают быть равны богам;
Что в пурпуре и на престоле
Превыше смертных восседят?
Иль тех, что в хижине, в юдоле,
Смирненно на соломе спят?

Ах нет! не те и не другие
Любимцы прямо суть небес,
Которых мучат страхи злые,
Прельщают сны приятных грез;
Но тот блажен, кто не боится
Фортуны потерять своей,
За ней на высоту не мчится,
Идет среднею стезей
И след во всяком состояньи
Цветами усыпает свой.

Кто при конце своих ристаний
Вдали зреть может за собой
Аллею подвигов прекрасных;
Дав совести своей отчет
В минутах светлых и ненастных,
С улыбкою часы те чтет,
Как сам благими наслаждался,
Как спас других от бед, от нужд,
Как быть всем добрым торопился,
Раскаянья и вздохов чужд.

О юный вождь! сверша походы,
Прошел ты с воинством Кавказ,
Зрел ужасы, красы природы:
Как, с ребр там страшных гор лиясь,
Ревут в мрак бездн сердиты реки;
Как с чел их с грохотом снега
Падут, лежавши целы веки;
Как серны, вниз склонив рога,
Зрят в мгле спокойно под собою
Рожденье молний и громов.

Ты зрел, как ясною порою
Там солнечны лучи, средь льдов,
Средь вод, играя, отражаясь,
Великолепный кажут вид;
Как, в разноцветных рассеваясь
Там брызгах, тонкий дождь горит;
Как глыба там сизо-янтарна,
Навеса, смотрит в темный бор;
А там заря злато-багряна
Сквозь лес увеселяет взор.

<...>

1797

4-стопный ямб, 20-стишия (графически — сдвоенные 10-стишия, объединенные двумя парами рифм) AbAbCdCdEf + EfGhGhIjIj.

В русской поэзии XVIII в. подобные структуры восходят к немецкой традиции, где рифмованные строфы с безрифменной концовкой получили название «вайзе» (Waise — букв. «сирота»; см.: *Гаспаров М. Л.* Очерк истории русского стиха. Метрика. Ритмика. Рифма. Строфика. М., 2000. С. 101).

Одна из рифм, связывающих вторую пару 10-стиший, — редкая в русской поэзии XVIII в. неточная ассонансная (состоянья — ристаний).

И. И. Дмитриев

Ода П. П. Бекетову

Пускай тщеславный предается
Морским изменчивым волнам,
На полных парусах несется
К некому счастью иль к бедам.
Бекетов! малым кто доволен,
Тому век бедным не бывать!
Он больше счастлив, больше волен,
Чем толь завидуема знать,
Котора от косога взгляда,
В алмазах, в золоте кругом
И на диване парчевом,

Внутри сердца терпит муки ада.
Перуны чаще шлют удары
К вершинам неприступных гор
И с большей силой вихри яры
Колеблют дуб, страшачий взор.
Под низкой кровлей безопасней,
Спокойнее, мой милый, жить:
Чем выше башня, тем ужасней
Ее паденье должно быть.
Мудрец в бедах ждет лучшей части
И тем свой подкрепляет дух,
А в счастья сторожит свой слух,
Не крадутся ль к нему напасти?
Угрюмый север наш морозы,
Снег, иней, мглу низводит к нам,
Но и у нас прелестны розы
Цветут, алеют по лугам.
Теперь мы томными очами
С унынием на всё глядим,
А завтра, может быть, и сами
С весельем дружбу заключим.
Всегда ль бог Пинда¹ с грозным луком?
Нередко светлый Аполлон,
Прервав златягы лиры сон,
Пленяет оной сладким звуком.

1795

4-стопный ямб, 12-стишия AbAbCdCdEffE.

На границе строф не соблюдается правило альтернанса.

Я. Б. Княжнин

Вечер

Заря багряна потухает,
И сребренна луна свой зрак
Сквозь тихий и спокойный мрак
В прекрасной полноте являет.

¹ Гомер говорил, что Апполоновы стрелы производили смертоносную язву в греческом стане. (*Примеч. авт.*)

Се ночь, приятней нежели день,
Заняв от роз благоуханье
И от зефиров въздыханье,
Свою любви угодну тень
На мягку зелень расстилает
И негу в чувства проливает.

Спеши, Кларина, к сим местам,
Роскошным, тихим и блаженным,
Для нас любовью помраченным;
Спеши к приятным сим кустам,
Где томна вся природа дремлет,
Где сердце лишь мое не спит,
Во всем оно твой образ зрит,
Во всем твой глас любезный внемлет;
И листвий шум, и ропот вод —
Мне всё вещает твой приход.

Любви покорствуя закону,
Почто твоя трепещет грудь?
Иль стыд тебе творит препону?..
Иль путь любви — преступка путь?
Твои горящие ланиты
Румянцем нежных роз покрыты.
Как капля утренней росы
На белых лилиях блистает,
Когда в ней солнца луч играет,
Слеза кропит твои красы.

Уныньем око отягченно
Едва дерзаешь возводить.
Иль сердце, для любви рожденно,
Любовь возможет устыдить?
Всеобщему покорствуй року,
Уж долг платить пришел твой срок.
Оставь грызение пороку,
Любовь есть должность, не порок;
Бесчувственность не добродетель,
Верь мне, — весь мир мне в том свидетель.

Любви вселенна ставит пир,
Любовь вселенну оживляет.

Увидь, как легкий здесь зефир
Прекрасну розу лобызает.
Едва успел ее тронуть,
Ее цветущей стала грудь.
Услыши сладостно журчанье
Меж горлиц, тающих в огне;
Зри нежно крылий трепетанье;
Вся тварь тебе пример и мне.

Или, любовь считая пленом,
Гнушаешься ты уз ея?
Иль, гордости смущенна тленом,
Тревожится душа твоя,
Влекума в нежное покорство?
Счастливой быть оставь упорство;
И если рабство нежна страсть —
В толь сладком рабстве вся природа.
Какая ей равна свобода?
Пред нею грусть и трона власть.

Что я, ты чувствуешь ли то же? —
Не видя, алчу зреть тебя;
Узрев, забвение себя,
Стократно памяти дороже,
Объемлет душу, чувства, ум.
В тревоге нежной сладких дум
Душой твои красы лобзаю.
И кровь то мерзнет, то кипит,
И свет от глаз моих бежит,
И сам себя тогда не знаю.

Любви сердечной на вопрос
Улыбкой милой отвечаешь,
И радостных источник слез
Из глаз моих ты извлекаешь.
Коль счастлив я, коль мог тронуть
Твою колеблющую грудь.
Почто ж минуты счастья тратить?
Мы сердцем лишь тогда живем,
Как сердце чувствуем в другом.
Что нам минуты те заплатит?

Иль в пышностях, или в серебре
Мы наше счастье обретаем?
Стенящих на златом ковре,
Веселых в хижинах сретаем.
Я знаю, стоишь ты венца;
Но стоит ли тебя порфира?
Созданье лучшее творца,
Родясь для украшения мира
И взором смертных утешать,
Тебя что может украшать?

Я не могу тебе представить,
Что гордости возможет льстить,
Ни знатностью тебя прославить, —
Могу лишь вечно я любить.
Не колесницы, не чертоги,
Где смертны кажутся нам боги,
Где низки так суть боги те, —
Даю лишь сердце благородно,
Тиранов чуждо и свободно,
Твоей подвластно красоте.

⟨1787⟩

4-стопный ямб, нетождественные 10-стишия **AbbAcDDcEE** + **aBBaCddCee** + **AbAbCCdEEd** + **AbAbCdCdEE** + **aBaBccDeDe** + **AbAbCCdEEd** + **AbbAccDeeD** + **aBaBccDeeD** + **aBaBcDcDee** + **AbAbCCdEEd**.

III, VI, X строфы соответствуют схеме канонического одического 10-стишия (выделены жирным), все остальные — его дериваты, причем во всех семи строфах рифмы располагаются по-разному.

М. Н. Муравьев

Ода

⟨Фрагмент⟩

Осьмнадцатый ныне раз
Для счастья россов и покою
Настал желанный день меж нас,
В который ты нам дан судьбою,
Чтобы державой предков править

И с нами вдруг себя прославить.
Ликует росска днесь страна
И с ней большая часть полсвета,
Что ей столь сладка часть дана
В залог господнего обета,
Петрова к сохраненью племя
На позднее потомков время.

Се зрю: отверзлись небеса
И раздралась веков запона.
Предвечны там стоят веса
Всевышней воли и закона.
Там книга предлежит судьбины,
Где разных смертных суть години.

Там Павла славные дела,
Рука господня всемогуща,
От века в век произвела
Твоя всех славы слава пуща.
В край земные разнесется
И в все страны твой звук прольется.

Там новый ряд веков встает,
Подступит Ахиллес под Трою,
Там новый «Арго» преплывет
За кожей агнца золотою,
Кавказ на холмах воскурится,
Евфрат в России воскружится.

⟨...⟩

1772

4-стопный ямб, 6-стишия AbAbCC.

Ода

Бежит, друзья, бежит невозвратно время;
Давно ль зефиры здесь смягчали лютый мраз?
Успело уж взойти в земле зарыто семя,
Настал и жатвы час.

Отсюда солнышко недавно закатилось,
И кажется оно сзад этого бугру,
А завтра посмотри: когда не очутилось
 Не там, где ввечеру?

Проходит скоро год, — да скоро возвратится,
Увядший цвет теперь раскинется весной;
А смертный человек уж младостью не льстится,
 Бел ставши сединой.

Вотще заржавит меч и возвратится в ножны,
Вотще от яростных укроемся валов,
Вотще от непогод мы будем осторожны:
 Все снидем в мрачный ров.

Ах! правда то, друзья, и боле чем желаем.
Оставим землю, дом и милую жену,
Погаснут страсти в нас, которыми пылаем,
 И склонимся ко сну.

Сон будет ли тогда иль вечно разбужденье?
Ах! пусть то будет сон, коль страшно нам восстать!
Но нет: похощет ли творец свое рожденье
 В сон срамный отметить?

Не дайте вашего, судьбы, мне видеть гнева,
Коль дней своих еще не скучил я длиной,
И пусть еще того слаб будет корень древа,
 Что в ров сойдет со мной.

Блажен я, коль главу власы покроют седы,
Коль доведется мне жезлом стопы блюсти
И вам, уж старикам, средь тихия беседы,
 Друзья! сказать: «Прости».

Теперь нам мило то, чтоб буйным вихрем мчиться,
И псами, и коньми, и полем прельщены,
А после будет нам противно отлучиться
 На час от тишины.

Однако ж, о судьбы! коль буду я порочен,
О милосердии к вам дланей не простру,

Да рок мой ни на миг не будет мне отсрочен,
Пускай я млад умру.

1776

Разностопный ямб 6663, 4-стишия AbAb.

А. Н. Радищев

Древность 〈Фрагмент〉

Древность, ты, которой мирна мышца
Усыпила ранни племена,
Зрящая в скрижали летописца,
Пишущая славных имена!
Ты, что связку венчиков имея,
В думе ждешь царей у мавзолея,
Успокоив персть отцев моих,
Повели моей дрожащей трости
Прежде чем мои почуют кости,
Свиток положить у ног твоих.

Соглядая веки обмертвелы,
Над которыми туман повис,
И юдоли древних заустелы,
По которым вырос кипарис,
Мнится, вижу вдоль сея трещобы
Праотцев расписанные гробы,
Мнится, что на всех гробах резец
Начертал девиз их просвещенья,
Врезал истины и заблужденья
Поздному потомству в образец.

Но почто против сего уроку
Памятников истины бежим?
По какому горестному року
Подле памятников лжи стоим?
Как бы мним, что гении усопши
Пустьят луч сквозь гробы мхом заросши,
Между тем как зрим пиры одни.

Тщетно — тщетно ждем небесной силы,
Тщетно ждем лучей вокруг могилы,
Где блудящи лишь горят огни.

⟨...⟩

1798 (?), приписывается Радищеву.

5-стопный хорей, 10-стишия AbAbCCdEEEd.

Дериват одической строфы.

Стихи 1-й и 3-й, 25-й и 26-й связаны неточными ассонансными рифмами (мышца — летописца, усопши — заросши).

Осьмнадцатое столетие

⟨Фрагмент⟩

Урна времен часы изливает каплям подобно:
Капли в ручьи собрались; в реки ручьи возрасли,
И на дальнейшем берегу изливают пенистые волны
Вечности в море; а там нет ни предел, ни берегов;
Не возвышался там остров, ни дна там лот не находит;
Веки в него протекли, в нем исчезает их след.
Но знаменито во веки своею кровавой струею
С звуками грома течет наше столетье туда;
И сокрушил наконец корабль, надежды несущей,
Пристани близок уже, в водоворот поглощен,
Счастье и добродетель, и вольность пожрал омут ярой,
Зри, всплывают еще страшны обломки в струе.
Нет, ты не будешь забвенно, столетье безумно и мудро.
Будешь проклято во век, в век удивлением всех.

⟨...⟩

1801

Строчный логоэд на основе 6-иктного дольника: —○○—○(○)—
(○○)—○(○)—○○—○//—○○—○○—/—○○—○○—, астро-
фический белый стих с регулярным чередованием женских и мужских
окончаний ХхХхХх...

В XVIII в. такие стихи считались состоящими из разнородных
стоп — дактиля и хорей, а потому именовались «дактило-хорейче-
скими».

Имитация элегического дистиха.

А. А. Ржевский

Ода 〈Фрагмент〉

Доколе гордиться
Тебе человек?
Престань возноситься,
Наш краток здесь век.

Ты все позабудешь,
Ссечет смерть когда,
И больше не будешь
Богатым тогда.

Ты не вспоминаешь,
Что всем умирать;
Но долго ль, не знаешь,
Того ожидать!

〈...〉

1760

2-стопный амфибрахий, 4-стишия АbАb.

Ода 2, собранный из односложных слов

Как я стал знать взор твой,
С тех пор мой дух рвет страсть:
С тех пор весь сгиб сон мой;
Стал знать с тех пор я власть.

Хоть сплю, твой взор зрю в сне,
И в сне он дух мой рвет:
О коль, ах, мил он мне!
Но что мне в том, мой свет?

Он мил, но я лишь рвусь;
Как рвусь я, ты то знай.
Всяк час я мил быть тщусь;
Ты ж мне хоть вздох в мзду дай.

⟨1761⟩

3-стопный ямб, 4-стишия abab.

Обилие спондеев с этом стихотворении, как отмечает Н. Д. Кочеткова, «подтверждает установленное Сумароковым правило о том, что ритм стиха связан с логическим и смысловым значением данного слова в стиховой строке. Говоря о спондее, Сумароков в статье „О стопосложении“ замечал: „Который слог к выражению автора важнее, тот и длиннее, то есть тот силу у другого слога и возьмет“. О значении служебных слов для ритма стиха Сумароков писал: „Предлоги и союзы суть частицы, а не слова и не речения, и корня не имеют. Они никогда при словах и речениях односложных силы ударения не имеют“» (Поэты XVIII века: В 2 т. Л., 1972. С. 584).

Эпическая поэма

М. М. Херасков

Чесмесский бой

Песнь первая

〈Фрагмент〉

Пою морскую брань, потомки! ради вас,
Да будет слышен вам усердной музыки глас.
Не нужны мне цветы, восторги там напрасны,
Где славные дела собою сами ясны.
Отвсюду мечет гром Россия на врагов!
Уже Архипелаг зрит северных орлов.
Не басни воспевать моя стремится лира,
Чесмесский бой в очах всего свершался мира.
А ежели в стихах цветы какие есть,
Так их рассыпало усердие, не лезть.
Люблю отечество, люблю и славу нашу;
Не ей придам красы, но ею песнь украшу.
На крыльях истины к Парнасу прилечу;
Внимайте, музы, мне, россиян петь хочу!
Ко ободрению имея мысль едину,
Что может всё воспеть, кто пел Екатерину.
〈...〉

6-стопный ямб, астрофический стих парной рифмовки с регулярным чередованием мужских и женских окончаний.

И. Ф. Богданович

Добромысл

Старинная повесть в стихах

〈Фрагмент〉

Божественная Хлоя!
В часы твоих отрад и твоего покоя

Ты любишь иногда,
Во отдых от труда,
Читать в стихах страницы
Досужной небылицы.
На разум кротких муз
Не налагаешь уз.

Твоей улыбкой благотворной
Приятных душ питаешь жар,
И из забавы стихотворной
Счастливым производишь дар.
Не ставишь никому в обиду,
Когда по некакому виду
Найдутся в глубине веков

Давно известные гремушки дураков.
Желаешь, наконец, чтоб «Душеньки» писатель,
Старинных вымыслов простой повествователь,
Вступил в широкий путь забавнейших творцов.
Хоть прежних лет моих я жара не имею,
Желание твое преслушать не умею;
Скажу, что люди встарь слыхали от отцов:
В пустой Аравии живали прежде люди,
Не знаю, были то иль скифы, или чуди,
Или другой народ;

Но по преданиям, от рода в дальний род,
Известно каждому из многих сказок чудных,
Что тамо в областях безводных и безлюдных,
Где кроются в песках признаки городов,
Бывало много царств, овец и пастухов,

В каком ли тамо царстве,
В каком ли государстве,

В селе, иль городе, иль в поле под шатром,
Был царь, и был любим народом и двором,

И у царя была царица —
Добра, румяна, белолица;
Любовь, и дружба, и совет,
Чрез множество прошедших лет,
Повсюду их сопровождали,

В обоих процветали,
Как алый розов цвет,

Краса, приятство, младость,
И потому царя без титулов звали Свет,
Царицу просто звали Радость.

На вечну память их, поднесь,
Везде в народе, как и здесь,
Когда кого ласкают,
Подобно Радостью и Светом называют;
И чаить надобно, такие имена
Не выйдут из речей в грядущи времена.
У Света у царя, у Радости царицы
Являлися поля, обильные плодом,
Верблюды и ослы, кони и колесницы
И в царских роскошах богатством полный дом.
<...>

Конец 1780-х

Вольный ямб 3—6, астрофический стих вольной рифмовки.

М. В. Ломоносов

* * *

Иные на горы катают тяжки камни,
Иные к колесу привязаны висят.
Тезей сидит, к горе прикован раскаленной,
И будет век сидеть. Флегей в Геенском мраке
Ревет и жалостно других увещевает:
«Вы, сильны на земли, на казнь мою взирайте,
Судите праведно и бога почитайте».

1744—1747

6-стопный ямб, одиночная строфа ХхXXXXАА.
Перевод фрагмента из «Энеиды» Вергилия.

* * *

Старается во сне свой голод утолить,
Но движет лишь уста и зуб на зубе трет,
Он думает, что ест, но токмо льстится тем,
И вместо пици ветр глотает лишь пустой.
Но как уже алчба отгнала сон его,
Почувствовал огонь на тощем животе
И тотчас просит всё, что воздух и земля
И что родят моря; но голоден при всем.

Уж полные столы неполны перед ним;
Чем град доволен весь, он тем один не сыт.

1744—1747

6-стопный ямб, астрофический белый стих со сплошными мужскими окончаниями.

Перевод из поэмы Овидия «Метаморфозы».

М. Н. Муравьев

* * *

Ужасно возгремел отец богов и смертных
С превыспренных; Нептун неизмериму землю
И гор высокие верхи восколебал;
Во основаниях вострепетала Ида
И с нею град троян и гречески суда!
И царь теней, Плутон, ужася в преисподней
И с трона воспрянул и возопил, страшася,
Чтобы Нептун земли заклепов не расторг
И взору не открыл и смертных и бессмертных
Его владычества печальна, безотрадн
И ненавистного богам и человекам!

Вторая половина 1780-х годов.

6-стопный ямб, астрофический белый стих с вольным чередованием мужских и женских окончаний.

Перевод отрывка из 20-й песни «Илиады» Гомера.

А. Н. Радищев

Бова

O he caso! che sventura.

Вступление

〈Фрагмент〉

Из среды туманов серых
Времен бывших и протекших,

Из среды времен волшебных,
Где предметы все и лица,
Чародейной мглой прикрыты,
Окруженны нам казались
Блеском славы и сияньем;
Где являются все вещи
Исполинны и иройски,
Как то в камере обскуре;
Я из сих времен желал бы
Рассказать старинну повесть,
И представить бы картину
Мнений, нравов, обычаев
Лет тех рыцарских преславных
Где кулак тяжеловесный
Степень был ко громкой славе,
А нередко — ко престолу;
Где с венцом всегда лавровым
Венец миртовой сплетался,
Где сражались за славу
И любили постоянство...
<...>

4-стопный хорей, астрофический белый стих со сплошными женскими окончаниями.

В. К. Тредиаковский

Тилемахида <Фрагмент>

Горе! чему цари бывают подвержены часто?
Часто мудрейший в них уловляется в сети не-чая:
Люди пронырны корысть и любящи их окружают;
Добрые все отстают от них отлучаясь особно,
Тем что они не-умеют ласкать и-казаться услужны:
Добрые ждут, пока не взыщутся и призовутся,
А государи почти не-способны снискивать оных.
Злые ж, сему напротів, суть смелы, обманчивы, дерзки,
Скоры вкрасться, во-всем угождать, притворяться искусны,
Сделать готовы всё, что противно совести, чести,

Только б страсти им удовлетворить в самодержавном.
О! злополучен царь, что толь открыт злых-коварствам:
Он погиб, когда ласкательств не отрывает,
И не любит всех вещающих истину смело.

1766

6-иктный дольник, астрофический белый стих со сплошными женскими окончаниями XXX...

В XVIII в. такие стихи считались состоящими из разнородных стоп — дактиля и хорей, а потому именовались «гексаметром дактилорорейческим».

Знаки дефиса в этом тексте поставлены на месте знаков, изобретенных Третьяковским для обозначения слабоударных или безударных односложных слов. Подробнее об этих знаках («единичных палочках») см.: *Строчков Я. М.* Примечания // Третьяковский В. К. Избранные произведения. М.; Л., 1963. С. 523—524.

Баллада

Г. Р. Державин

Луч

Князь-Гром имел Умилу,
Прекрасну, нежну дочь.
Очей прелестных силу
Кто зрел, тлел день и ночь.
У этого ж князь-Грома
Был щитоносец Луч.
С геройством грудь знакома
Не ужасалась туч;
Ко князю он услужен,
В опасностях с ним был,
И князь ему тож дружен,
Его за сына чтит.

Сосед тогда княжною
Пленился Ветер-хан,
С влюбленною душою
Простер ко браку длань.
Нужна была князь-Грому
Соседа Ветра мочь,
Любовнику такому
И обещал он дочь.
Нельзя было тут силе
Противиться никак:
Пришло сказать Умиле,
Хоть не по сердцу, — так!

Души волненья страстной
Не мог тут Луч сносить,
За сердце он прекрасной
Умилы хочет мстить.
Но в рыцари как небом

Он не был посвящен.
Сражаться Ветра с ревом
Природой не рожден.
То чтоб отцу любезной
Ничем не согрубить,
Решился огонь свой нежный
В туманах, в мраках скрыть.

Май 1807

3-стопный ямб, 12-стишия AbAbCdCdEfEf.

И. И. Дмитриев

Карикатура 〈Фрагмент〉

Сними с себя завесу,
Седая старина!
Да возведу я внукам
Что ты откроешь мне.

Я вижу чисто поле;
Вдали ж передо мной
Чернеет колокольня
И вьется дым из труб.

Но кто вдоль по дороге,
Под шляпой в колпаке,
Трях, трях, а инде рысью,
На старом рыжаке,

В изодранном колете,
С котомкой в тороках?
Палаш его тяжелый,
Тащась, чертит песок.

Кто это? — Бывший вахмистр
Шешминского полку,
Отставку получивший
Через двадцать службы лет.

Уж он в версте, не боле,
От родины своей;
Все жилки в нем взыграли
И сердце расцвело!

⟨...⟩

1791

3-стопный ямб, безрифменные 4-стишия ХхХх.

Спорадические рифмы (см. стихи 10 и 12).

Созвучие «поле — колокольня», связывающее 5-й и 7-й стихи, по представлениям XVIII в. рифмой не является — не столько из-за несовпадения состава согласных (русские поэты экспериментируют с ассонансными рифмами начиная с 1780-х гг.), сколько из-за различия заударных гласных: по данным Гаспарова, подобные рифмы (женские приблизительные) канонизируются только в середине XIX в. (см.: *Гаспаров М. Л. Эволюция русской рифмы // Гаспаров М. Л. Избранные труды: В 3 т. Т. 3: О стихе. М., 1997. С. 290—325.*

Старинная любовь

Баллада

⟨Фрагмент⟩

Как мило жили в старину!
Бывало, в теремах высоких
В кругу красавиц чернооких
Певцы поют любовь, войну,
Любви и храбрости победы!
Но мы не так живем, как деды!
И пенье смолкло в теремах.

Дай для красавиц я спою,
Как в старину певцы любили.
Бывало, и меня хвалили!
Напомним молодость свою.
Жил-был когда-то вождь великой
С своею дочкой Милоликой
Во белокаменной Москве.

Бояры, витязи, князья
Вкруг Милолики увивались;

Но тщетно счастием ласкались:
Никто не мог тронуть ея,
Никто, кроме певца младова!
Она таилась, он ни слова;
Но у любви есть свой язык.

Певец лишь только по ночам
Под старой липой, близ светлицы,
Пел прелести своей царицы,
Бряцая лиры по струнам;
Душа его из уст летела!
Он пел, а Милолика млела
И воздыхала у окна.

⟨...⟩

⟨1805⟩

4-стопный ямб, полурифмованные 7-стишия аВВаССх.
На границе строф нарушено правило альтернанса.

Г. П. Каменев

Громвал

⟨Фрагмент⟩

Мысленным взором я быстро стремлюсь,
Быстро проникнул сквозь мрачность времен.
Поднимаю завесу седой старины —
И Громвала я вижу на бодром коне.

Зыблются перья на шлеме его,
Стрелы стальные в колчане звучат;
Он по чистому полю несется как вихрь,
В вороненых доспехах с булатным копьём.

Солнце склонялось к кремнистым горам,
Вечер спускался с воздушных высот.
Богатырь приезжает в глухие леса,
Сквозь вершины их видит лишь небо одно.

Буря, облекшись в угрюмую ночь,
Мчится с заката на черных крылах;
Заревела пурина, дуброва шумит,
И столетние дубы скрипят и трещат.

Негде укрыться от бури, дождя,
Нет ни пещеры, не видно жилья,
Лишь во мраке сгущенном сквозь ветви дерев
То блеснет, то померкнет вдали огонек.

В сердце с надеждой, с отвагой в душе,
Ехавши тихо сквозь лес на огонь,
Богатырь приезжает на берег ручья,
Древний замок он видит вблизи пред собой.

⟨...⟩

Май 1803

Строчный логаяд на основе 4-стопного 3-сложника с переменный анакрузой, безрифменные 4-стишия xxxx.

Структура первых двух строк каждой строфы соответствует схеме 4-стопного дактиля, а последних двух строк — схеме 4-стопного анапеста.

Н. М. Карамзин

Граф Гваринос

Древняя гишпанская историческая песня

⟨Фрагмент⟩

Худо, худо, ах, французы,
В Ронцевале было вам!
Карл Великий там лишился
Лучших рыцарей своих.

И Гваринос был поиман
Многим множеством врагов;
Адмирала вдруг пленили
Семь арабских королей.

Семь раз жеребей бросают
О Гвариносе цари;
Семь раз сряду достается
Марлотесу он на часть.

Марлотесу он дороже
Всей Аравии большой.
«Ты послушай, что я молвлю,
О Гваринос! — он сказал. —

Ради Аллы, храбрый воин,
Нашу веру прими!
Все возьми, чего захочешь,
Что приглянется тебе.

Дочерей моих обеих
Я Гвариносу отдам;
На любой из них женися,
А другую так возьми,

Чтоб Гвариносу служила,
Мыла, шила на него.
Всю Аравию приданым
Я за дочерью отдам».

Тут Гваринос слово молвил;
Марлотесу он сказал:
«Сохрани господь небесный
И Мария, мать его,

Чтоб Гваринос, христианин,
Магомету послужил!
Ах! во Франции невеста
Дорогая ждет меня!»

Марлотес, пришедши в ярость,
Грозным голосом сказал:
«Вмиг Гвариноса окуйте,
Нечестивого раба;

И в темницу преисподню
Засадите вы его.

Пусть гниет там понемногу
И умрет, как бедный червь!

Цепи тяжки, в семь сот фунтов,
Возложите на него,
От плеча до самой шпоры —
Страшен в гневе Марлотес!

А когда настанет праздник —
Пасха, святки, духов день, —
В кровь его тогда секите
Пред глазами всех людей».

〈...〉

1789

4-стопный хорей, безрифменные 4-стишия ХхХх.

Раиса **Древняя баллада**

Во тьме ночной ярилась буря;
Сверкал на небе грозный луч;
Гремели громы в черных тучах,
И сильный дождь в лесу шумел.

Нигде не видно было жизни;
Сокрылось всё под верный кров.
Раиса, бедная Раиса,
Скиталась в темноте одна.

Нося отчаяние в сердце,
Она не чувствует грозы,
И бури страшный вой не может
Ее стенаний заглушить.

Она бледна, как лист увядший,
Как мертвый цвет, уста ее;
Глаза покрыты томным мраком,
Но сильно бьется сердце в ней.

С ее открытой белой груди,
Язвимою ветвями дерев,
Текут ручьи кипящей крови
На зелень влажных земли.

Над морем гордо возвышался
Хребет гранитных горы;
Между стремнин, по камням острым
Раиса всходит на него.

(Тут бездна яростно кипела
При блеске огненных лучей;
Громады волн неслись с ревом,
Грозя всю землю потопить.)

Она взирает, умолкает;
Но скоро жалкий стон ея
Смешался вновь с шумящей бурей:
«Увы! увы! погибла я!

Кронид, Кронид, жестокий, милый!
Куда ушел ты от меня?
Почто Раису оставляешь
Одну среди ужасной тьмы?

Кронид! поди ко мне! Забуду,
Забуду всё, прощу тебя!
Но ты нейдешь к Раисе бедной!..
Почто тебя узнала я?

Отец и мать меня любили,
И я любила нежно их;
В невинных радостях, в забавах
Часы и дни мои текли.

Когда ж явился ты, как ангел,
И с нежным вздохом мне сказал:
«Люблю, люблю тебя, Раиса!» —
Забыла я отца и мать.

В восторге, с трепетом сердечным
И с пламенной слезой любви

В твои объятия упала
И сердце отдала тебе.

Душа моя в твою вселилась,
В тебе жила, дышала я;
В твоих глазах свет солнца зрела;
Ты был мне образ божества.

Почто я жизни не лишилась
В объятиях твоей любви?
Не зрела б я твоей измены,
И счастлив был бы мой конец.

Но рок судил, чтоб ты другую
Раисе верной предпочел;
Чтоб ты меня навек оставил,
Когда сном крепким я спала,

Когда мечтала о Крониде
И мнила обнимать его!
Увы! я воздух обнимала...
Уже далеко был Кронид!

Мечта исчезла, я проснулась;
Звала тебя, но ты молчал;
Искала взором, но не зрела
Тебя нигде перед собой.

На холм высокий я спешила...
Несчастливая!.. Кронид вдали
Бежал от глаз моих с Людмилой!
Без чувств тогда упала я.

С сея ужасныя минуты
Крушусь, тоскую день и ночь;
Ищу везде, зову Кронида, —
Но ты не хочешь мне внимать.

Теперь злосчастливая Раиса
Звала тебя в последний раз...
Душа моя покоя жаждет...
Прости!.. Будь счастлив без меня!»

Сказав сии слова, Раиса
Низверглась в море. Грянул гром:
Сим небо возвестило гибель
Тому, кто погубил ее.

1791

4-стопный ямб, безрифменные 4-стишия ХхХх.

М. Н. Муравьев

Романс, с каледонского языка переложенный

Лес священный помавает
Со крутых своих вершин.
Кажется, что он взывает:
«Оссиан, Фингалов сын!

Встань, возьми шелом пернатый
И златую булаву.
Здесь стоя, твой конь крылатый
Ронит слезы на траву».

Ты взываешь — сын Фингала
Зву не внемлет твоего;
Смерти хладно покрывало
Не сорвет рука его.

Ах, несчастная Мальвина,
Здесь в полночные часы
Ищешь друга, но судьбина
Не снисходит для красы.

Сник, как утренней росой
Оживленный только цвет
Пожинается косою,
Так упал он в цвете лет.

Здесь невидима ограда
Держит друга твоего.

Слезы — вот твоя отрада, —
Слезы дойдут до него.

Или лучше взор слезящий
Возведи на горный круг:
Зри со облаком парящий,
Зри его блестящий дух —

Так, как некогда с полночных
Устремляясь берегов,
На горах гремел восточных
Посреди своих врагов,

Как советы витязь юный
Старцам мудрым подавал
Или арфы стройны струны
Гласом сладким провождал.

Он окончил дней течение —
Нас волнует жизни ток.
Бейтесь, струны, в небрежье;
Всё уносит лютый рок.

(1804)

4-стопный хорей, 4-стишия АbАb.

У текста есть также другое название: «Каледонский баллад в стихах» — под этим заглавием он был прочитан автором в 1804 г. на заседании в Российской Академии (см.: *Кулакова Л. И.* Комментарии // *Муравьев М. Н.* Стихотворения. Л., 1967. (Библиотека поэта; Большая серия) С. 352).

А. П. Сумароков

Баллад

Смертельного наполнен яда,
В бедах молодой мой век течет.
Рвет сердце всякий день досада
И скорбь за скорбью в грудь влечет,
Подвержен я несчастья власти,
Едва креплюся, чтоб не пасти.

Ты в жизни мне одна отрада,
Одна утеха ты, мой свет!
За горести мне ты награда,
Котору счастье мне дает,
Мне в жизни нет иныя сласти.
Тобой сношу свирепство части.

В крови твоей, драгая, хлада
Ко мне ни на минуту нет.
Бодрюсь одним приятством взгляда,
Как рок все силы прочь берет.
Пускай сберутся все напасти,
Лишь ты тверда пребуди в страсти.

⟨1755⟩

4-стопный ямб, 6-стишия АbАbСС.

Рифмы во всех трех строфах повторяются.

Строфическая структура этого стихотворения представляет собой дериват твердой формы романского происхождения — так называемой «французской баллады», которая пишется 8-сложным размером, состоит из трех 8-стиший на три рифмы ababbcbс с рефреном и имеет в конце «посылку» — полустрофу, содержащую обращение к адресату. Таким образом, в данном случае «баллад» — не жанровое обозначение, а определение стихотворной структуры текста.

Сохраняя свойственные этой канонической форме трехstroфную композицию, 8-сложность строк и три длинных рифменных цепи, Сумароков редуцирует строфу до 6-стишия, отказывается от рефренов, а обращение распространяет на две последние строфы.

Трагедия, комедия, мелодрама

А. П. Сумароков

Хорев
Трагедия
〈Фрагмент〉

ДЕЙСТВИЕ I
ЯВЛЕНИЕ 1

Оснельда и Астрада

Астрада

Княжна! Сей день тебе свободу обещает,
Впоследние тебя здесь солнце освещает.
Завлох родитель твой, пришел ко граду днесь,
И вооружаются ко обороне здесь.
Уж носится молва по здешнему народу,
Что Кий, страшая бедств, дает тебе свободу.

Оснельда

О день, когда то так, день радости и слез!
Щедрота поздняя разгневаных небес,
Смешенна с казнию и лютою напастью!
Через пущую беду отверзся путь ко счастью!
Астрада! Мне уже свободы не видать,
Я здесь осуждена под стражею страдать.
Хотя я некую часть вольности имею
И от привычки злой претерпевать умею,
А там... увы!..

Астрада

А там остаточный предел,
Где множество еще во власти вашей сел,
Наследие твое, и ты воздвигнешь племя
Бесчадному отцу. Уже приходит время
Тебе достойного супруга получить

И падший род опять от низких отличить.
Ты будешь мать...

О с н е л ь д а

Молчи, не представляй мне браков,
Несчастной мне к тому ни малых нет признаков.
Довольно! Я хочу из сих противных мест.
О жалостна страна! О горестный отъезд!
Толкуй мои слова, толкуй мои напасти
И сожалеи о мне в такой суровой части.

А с т р а д а

Поняти не могу сей тайны твоя.

О с н е л ь д а

Теперь откроется тебе душа моя,
Но, ах! Объемлет стыд, все мысли днесь мятутся,
И речи во устах безгласны остаются.

А с т р а д а

Никак постигла я? Любовь...

О с н е л ь д а

Прилично ль мне

Ея заразы знать в печальной сей стране?
О том ли помышлять Оснельде надлежало?
Но, ах! Вошло во грудь сие змеино жало.
Ты сказывала мне отцево житие
И многажды притом плачевно бытие,
Как смерть голодная народы пожирала
И слава многих лет в одну минуту пала.
Благополучный Кий победу одержал,
Родитель мой тогда в пустыни убежал,
В отчаяньи своем тревожась, унывая,
Озеры на коне и реки преплывая,
С оставшим воинством лес, горы преходя,
Разбит и побежден из степи в степь блудя.
Моя стенаща мать, сынов своих лишася,
Впоследствии с своим супругом разлучася,
Услыша злую весть, что Кий, как ветер прах,
Народы разметав, во градских уж вратах,

Лице горчайшими слезали омывала
И кровь свою своей рукою проливала
И, лобызаючи впоследние меня,
Скончала бедну жизнь, в сон вечный пременя.
А я, в пленение сие низвергшись году,
Не помню ни отца, ни матери, ни роду;
Однако кровь во мне во все шестнадцать лет,
Как помнить я могу, отмщенье вопиет.
Я сказанное мне плачевно время вижу
И рода моего убийцу ненавижу;
Но, ах! Хорев в те дни хотя младенец был,
Он Кию брат, увы!.. а мне, Астрада, мил.

Астрада

Искоренный сей яд, отец тебя желает.

Оснельда

Мне памятен мой долг; пускай сей огонь пылает;
Какие б надобно суровости иметь,
Когда б отца могла и не хотела зреть?
Оснельда только сим единым ныне льстится;
Но дух, мой слабый дух и рвется и мутится.

Астрада

Давно ль, с которых дней ты знаешь эту страсть,
И непорочный дух познал любви власть?

Оснельда

Шесть месяцев уже, Астрада, унываю
И слез в одре моем потоки проливаю.
Достоинства его и искренняя любовь
Против желания зажгли незапно кровь.
Я стала на него охотнее смотрети,
Не смысля, что иду в неисходимы сети.
Искала, чтобы мне с ним чаще купно быть
И время горести скоряе проводить.
И стало без него везде впоследок скучно,
Желала, чтоб была с Хоревом неразлучно.
И в то-то время я узнала страсть мою,
Которую еще поныне я таю.
Я злилась на себя за сей преступок грозно
И каялась, но что! Уже то было поздно.

А с т р а д а

А если Кий отдаст отцу тебя назад
И будешь ты должна покинути сей град,
Возрадуешься ли, родителя увидя?

О с н е л ь д а

Возрадуюсь, но жизнь мою возненавидя!
И только весел сей единый будет час,
Он веселу меня один увидит раз.
Но как то уж ни есть, мне льстит сия минута.
Поди и известись, ужель судьбина люта
Назначила сей день Завлоха облегчить,
И верь, хотя она стремится приключить
Жестокую мне тоску и жалкую разлуку,
Я бодро шествую на эту злую муку.

⟨1747, 1768⟩

6-стопный ямб, астрофический стих парной рифмовки с регулярным чередованием женских и мужских окончаний.

И. И. Дмитриев

План трагедии с хорами

СОДЕРЖАНИЕ

Лапландский князь, жених гренландския княжны,
В день свадьбы, простудясь, горячкой умирает.
Тревога, брачные свечи погашены,
Стон, слезы; наконец любовник оживает.

ПРОЛОГ

Музыкант

(Приближаясь к кулисам, дает актерам знак к выходу.)

Внемли и выступи, народ,
Попарно свой устроя ход!
(К актерам.)

Вы помните роль свою старайтесь!
(К фигурантам.)

А вы? — вы с такты не сбивайтесь!

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Князь и княжна

Княжна

О князь! итак, ты мой!

Князь

А ты моя, княжна!

Акт кончится, и ты со мной сопряжена!

О боги! о судьба! о счастье! о сладость!

Народ! пляши и пой! дели со мною радость!

Хор

Воспляшем, воспоем, докажем нашу радость!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Княжна

Ты болен, милый князь?

Князь

Озноб во мне и жар!

Княжна

Увы!

Князь

Прости!.. прости!

(Умирает.)

Княжна

Несноснейший удар!

Завистливая смерть! о рок бесчеловечной!

Народ! пляши и пой в знак горести сердечной!

Хор

Воспляшем, воспоем в знак горести сердечной!

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Гений спускается с облаков посреди грома и молнии.

Г е н и й

Супруг твой оживет: прерви, царевна, стон!
Невинною трех парк ошибкой умер он.
О царь! будь паки жив!

К н я з ь
(*Встает.*)

Мои ли это ноги?
Княжну ль еще я зрю?.. О милосерды боги!

К н я ж н а

Дражайший князь! пойдем, пойдем скорее в храм!
Народ! пляши и пой похвальну песнь богам!

Х о р

Воспляшем, воспоем похвальну песнь богам!

⟨1810⟩

Полиметрическая композиция.

I звено — 4 стиха: 6-стопный ямб, одиночная строфа аВаВ; II звено — 4 стиха: 4-стопный ямб, одиночная строфа ааВВ; III — 17 стихов: 6-стопный ямб, астрофический стих парной рифмовки с регулярным чередованием мужских и женских окончаний.

Я. Б. Княжнин

Орфей Мелодрама

Театр представляет преддверие ада.

ЯВЛЕНИЕ 1 ⟨ФРАГМЕНТ⟩

О р ф е й

Лишенному дражайшей Евридики
Противен весь Орфею свет.
Мне ада страшные места не дики
Душа души моей в сих областях живет...

Ты, рок! змии грызеньем
Лишил меня супруги моей.
Супруга!.. дух мой полн донднесь твоим мученьем.
Лишась давно тебя, всяк час лишаясь я.
Стенанием живу, питаюсь огорченьем,
Всечасно горькую разлуки чашу пью.
Еще, еще я зрю ужасную змию!
Крутится и шипит — о, страх! — зияет жало.
Беги, спаси в себе ты жизнь мою.
Но поздно... слышу вопль... супруга! всё пропало.
Бледнеешь ты!.. трепещешь!.. быстрый яд
Уж в жилах у тебя!.. во мне весь ад!
И сердце трепетать в груди твоей престало.
Все прелести твои сдает смертный хлад.
Вотще в стенаниях я дух мой извергаю
И в грудь дражайшую мой дух вместить желаю.
О, боги!.. ах, скончалась жизнь моя!
Дерзая вслед тебе, супруга, я
Кю Стиксовым брегам идти не усомнился.
Одной любовью и лирой провожден,
Я в бездны Тартара спустился.
Любовь! где путь тебе быть может загражден?
Не тщетно ль, боги, я надеждой обольщен?

Г о л о с

Имей надежду несомненно:
Богов судьбой уже определено
Тебе твою супругу возвратить;
Но лирой должен непременно
Ты лютость ада укротить.

О р ф е й

О, глас отрадный!
В мучениях моих, подобно зноя в дни
Росе прохладной,
Ты чувства возобновил мои.
(Принимается за лиру.)

⟨...⟩

⟨1763⟩

Вольный ямб 2—6, астрофический стих вольной рифмовки.

М. В. Ломоносов

* * *

Расторгни смертны узы, Гектор,
Раздвинь земное недро,
Карай Уликса,
Одна твоя к тому довольна тень.
Оружием гремит
И на Ахейский флот бросает хищный пламень!

1747

Вольный ямб 2—6, безрифменная одиночная строфа XXXxxX.
Первый пример вольного ямба в русской поэзии.
Перевод фрагмента из трагедии Сенеки «Троянки».

В. К. Тредиаковский

Из комедии «Евнух»

ДЕЙСТВИЕ 1

Явление 1

〈Фрагмент〉

Федрий. Парменон.

Ф е д р и й

Что ж бы делать мне! Не пойду и званный!
Иль тех лучше женских не терпеть обид!
Не пустила; ждет: возвращусь отгнанный?
Нет, нет! Коль ни просит, не уговорит.

П а р м е н о н

Если можно так сделать, как хотите,
То не будет лучше этого ничто.
Буде ж и начав, да не совершите,
И, по ней тоскую, а просить никто

Уж не станет к ней, сам, не изъяснившись,
Просто там явитесь, и дадите знать,
Что вся ваша страсть в сердце вкоренившись,
Без нее не может в жизни пребывать, —
То вам доношу, что уж вы пропали.

Будет та стараться, чтоб вас обмануть,
Как увидит впрямь, что без ней в пень стали,
И что вам уж нельзя не по ней вздохнуть.
Для того теперь, есть пока вам время,
Не однажды, сотью думайте, сударь.
Этих больше дел тяжело тем бремя,
Как что под лад, под меру не идут, лоб хоть спарь.
Всё то есть в любви; именно ж обиды,
Злобы, ревность, ссоры, подозрений сбор,
Перемирье там, и умильны виды,
Там опять брань, паки ж мирный договор.
Так что буде б вы все те непорядки
Разумом исправить пожелали тут,
То б вы согласить тщались, без оглядки,
С разумом безумство, с добрым — кто век плут.

⟨...⟩

1752

Строчный логаяд на основе 6-стопного хоря с цезурным усечением и без него: —○—○— / —○—○—○ // —○—○—○ / —○—○— // —○—○— / —○—○—○ // —○—○—○ / —○—○—, неразделенные 4-стишия AbAb.

Арии, хоры и дуэты

Я. Б. Княжнин

Скупой
Комическая опера

Явление 6
〈Фрагмент〉

АРИЯ МАРФЫ

Как будешь мне ты госпожа,
Тогда, сидя у туалета,
Над прелестями ворожа,
В окне коль будет мало света,
Коль тень в лице покажет черноту, —
Служанке отвечать за красоту
И за огар в середине лета;
 В мороз
 За красный нос.
Не так приколата манжета,
Не так мантилия надета, —
То всё мне будет стоить слез.

1782 (?)

Вольный ямб 1—5, астрофический стих вольной рифмовки.

Сбитенщик
Комическая опера

Действие I, явление 3
〈Фрагмент〉

АРИЯ СТЕПАНА

Кажется, неложно,
Всё на свете можно

Покупать,
Продавать;
Только должно
Осторожно
Поступать.

Люди всем торгуют,
Да и в ус не дуют.
И Степан
Не болван;
Только должно
Осторожно
Класть в карман.

Правда, честен буди,
Только как все люди:
От ума
Не до дна —
Вчетвертину,
Вполовину,
Не сполна.

Чтя корысть едину,
Всяк свою скотину
То сосет,
То стрижет:
Кто умеет,
Тот и бреет
Весь завод...

Чтобы выйти в люди,
Что плывет, всё уди.

1783 (?)

Разностопный хорей 3322222, нетождественные строфы: 7-стишия
и 2-стишие 3AAbbAAb + AA.

Н. А. Львов

Дуэты на музыку Жирдини, в Лондоне печатанную

1

Весна

Цветами уж покрылись
И луг, и поле вновь,
С весною воротились
И радость, и любовь.
Счастливый веселится,
Он видит рай земной;
А мой лишь дух томится,
Жестокая, тобой.

3-стопный ямб, одиночная строфа AbAbCdCd.

2

Лето

Красно лето воротилось,
Зреет счастье на полях,
И с надеждой вкоренилось
И на нивах, и в сердцах.

Приди, о мой любезной!
Спокой тревожну грудь
Под тению древесной,
Приди со мной вздохнуть.

Полиметрическая композиция, 4-стишия AbAb.

I звено — 4 стиха, 4-стопный хорей; II звено — 4 стиха, 3-стопный ямб.

3

Осень

Куколка, куколка,
Ты мала, я мала,
Где ты тогда была?
Как я, глупенька,
Встала раненько,
Встала раненько,
В поле ушла.
Там между розами
Мальчик стал с крыльями,
Я приглубила
Мальчика сонного,
Он лишь проснулся —
Взглядом сразил.
Я приуныла,
Куклу забыла,
Мальчик мне мил.

2-стопный дактиль, астрофический белый стих.

В тексте встречаются спорадические рифмы; наряду с мужскими и женскими окончаниями используются также дактилические, в русской поэзии XVIII в. практически неупотребительные.

4

Зима

Пойдем на улицу,
Красны девицы,
Уж молодцы мороз
Бьют в рукавицы.
Мы только к ним придем,
Лихой мороз уьем
Из-под ресницы.

Микрополиметрия, одиночная строфа X'AxAbbA.

Структура строк 1, 3, 5—6 соответствует схеме 2-стопного и 3-стопного ямба, а строк 2, 4, 7 — 2-стопного дактиля. Строки 1 и 3 — холостые.

5

Утро

Хоть уж утро благовонно
Освежило все места,
На руке моей покойно
Спит любовь и красота.

Ах, во поле не блистает
Взор красавицы моей,
Солнце мир не освещает,
Петь не смеет соловей.

4-стопный хорей, 4-стишия АbАb.

А. П. Сумароков

Хор сатир

В сырны дни мы примечали
Три дни и три ночи на рынке.
Никого мы не встречали,
Кто б не коснулся хмеля крынке.
В сырны дни мы примечали:
Шум блистает,
Шаль мотаает,
Дурь летает,
Разум тает,
Зло хватает,
Наглы враки,
Сплетни, драки,
И грызутся, как собаки.
Примиритесь!
Рыла жалейте и груди!
Пьяные, пьяные люди,
Пьяные люди,
Не деритесь!

Конец 1762—январь 1763

Вольный хорей 2—4, астрофический стих вольной рифмовки со сплошными женскими рифмами.

Переходная форма к микрополиметрии: структура 2-го стиха соответствует схеме 3-стопного амфибрахия, структура 4-го стиха — 4-стопного ямба, 15-го и 16-го стихов — 3-стопного дактиля, 17-го стиха — 2-стопного дактиля.

Хор ко превратному свету

Приплыла к нам на берег собака
Из-за полночного моря,
Из-за холодна океяна.
Прилетел оттоль и соловейка.
Спрашивали гостью приезжу,
За морем какие обряды.
Гостью приезжа отвечала:
«Многое хулы там достойно.
Я бы рассказать то умела,
Если бы сатиры петь я смела,
А теперь я пети не желаю,
Только на пороки я полагаю».
Соловей, давай и ты оброки,
Просвищи заморские пороки.
За морем, хам, хам, хам, хам, хам, хам.
Хам, хам, хам, хам, за морем, хам, хам, хам.
За морем, хам, хам, хам, хам, хам, хам.
Хам, хам, хам, хам, за морем, хам, хам, хам.
За морем, хам, хам, хам, хам, хам, хам.

Конец 1762—январь 1763

Микрополиметрия, астрофический белый стих со сплошными женскими окончаниями.

Стихи 1, 4, 9—16 — 5-стопный хорей; стихи 2—3, 5—8 — 3-иктный тактовик.

Басня и притча

А. П. Сумароков

Гора в родах

Ужасная гора на сносях уж была:
Не басней басня та, историей слыла.
Неправильным дела народ аршином мерит:
 Что хочешь, то скажи,
 Ничем не докажи —
 Всею народ поверит.
 Не всяк
 Дурак,
Однако многие не видят ясно врак.
 Обманщик — вякай,
 Безумец — такай,
 Что хочешь, то набрякай.
 В поход
 Весь ломится народ;
Уставились все смотреть туда, откуда
Из матери идти лежит дорога чуда.
Всё бредит, мучится, кричит, ревет гора:
 Родить пора.
Ребята говорят, страшней того не ведя:
 «Слона
 Или медведя
 Родит она».
А люди в возрасте, наполнены обманом,
Поздравить чаяли родильницу с Титаном.
 Но что родилось бишь?
 Мышь.

Вольный ямб 1—6, астрофический стих вольной рифмовки.
Последний стих — 1-сложный, выделяет «пуанту».

Любовь

Прохожий некий в поле,
Пришел на брег реки,
Ийти не может боле;
В ней воды глубоки:
Прейду, мнит, только прежде
Пускай река пройдет,
И стоя в сей надежде,
Конца желанью ждет.

Изображает ясно,
То, пламень во крови,
Тово кто ждет напрасно,
Взаимныя любви:
Прохожева обманет
Текущая вода,
Тово любить не станет
Ириса никогда.

3-стопный ямб, 8-стишия AbAbCdCd.

Лягушка

Герой от кореня преславна,
Надутый спесью паче мер,
От витязей влек род издавна,
Которых воспевал Гомер:
Герой узрел вола к досаде
Велика жирна толста в стаде:
И тако рыцарь говорил:
О жители, во грязном море!
Как лапы я в воле багрил,
Сие увидите вы вскоре.

Но прежде буду раздуваться,
И буду так велик как он:
Повсюду станет раздаваться,
Сей глас: лягушка стала слон.

Вздувается; но тело мало,
Ни чужь еще быком не стало;
Говядины нет вида тут:
Все силы собирает душка;
Но множа сей претяжкий труд,
О боги! треснула лягушка.

4-стопный ямб, 10-стишия AbAbCCdEdE.

Дериват одической строфы: по сравнению с классической схемой изменен порядок расположения двух последних рифм. В результате на границе строф не соблюдено правило альтернанса.

Прохожий и змея

Среди зимы, в мороз, прохожему в пути,
Случилось змею замерзлую найти,
Спасать несчастну тварь суть действия героически;
Не ведаю за что мы хвалим оны войски,
Которья людей гоняют как овец.
Прохожий не таков, изрядной молодец;
Змею щедротою великой снабдевает,
И в пазухе своей как руки согревает.
Согрелася она у друга своево,
А в воздаяние ужалила ево.

6-стопный ямб, астрофический стих парной рифмовки с регулярным чередованием мужских и женских окончаний.

Тщетная предосторожность

Страшился я всегда любовных оку встреч
И тщился я свою свободу уберечь,
Чтоб сердце суетно любовью не зажечь.
Однако я не мог себя предостеречь:
Сложил Венерин сын колчан с крылатых плеч,
И стрелу он вонзил в меня, как острый меч,
Чтоб сим вонзеньем мог меня в беду вовлечь,
Приятные глаза, уста, приятна речь
Могли навек мое спокойствие пресечь,

Велели дням моим в лютейшей грусти течь
И прежде срока мне, горя, во гробе лечь.

⟨1781⟩

6-стопный ямб, монорим со сплошными мужскими окончаниями.

М. В. Ломоносов

* * *

Лиш только дневной шум замолк,
Надел пастушье платье волк
И взял пастушей посох в лапу,
Привесил к поясу рожок,
На уши вздел широку шляпу
И крался тихо сквозь лесок
На ужин для добычи к стаду.
Увидев там, что Жучко спит,
Обняв пастушку, Фирс храпит,
И овцы все лежали сряду,
Он мог из них любую взять,
Но, не довольствуясь убором,
Хотел прикрасить разговором
И именем овец назвать.
Однако чуть лишь пасть разинул,
Раздался в роще волчей вой.
Пастух свой сладкой сон покинул,
И Жучко с ним бросился в бой;
Один дубиной гостя встретил,
Другой за горло ухватил;
Тут поздно бедной волк приметил,
Что через чур перемудрил,
В полах и в руках связался
И волчьим голосом сказался.
Но Фирс недолго размышлял,
Убор с него и кожу снял.
Я притчу всю коротким толком
Могу вам, господа, сказать:

Кто в свете сем родился волком,
Тому лисицей не бывать.

1744—1747

4-стопный ямб, астрофический стих вольной рифмовки.
Вольный перевод из Лафонтена.

Н. А. Львов

Старик и смерть

Прискучил мужику свой век;
Коль несчастен человек!
О! Несчастливая судьбина!
Злое счастье он бранил.
«Я в работе, как скотина, —
Он себе так говорил, —
Как был молод, без роптанья
Целый день в поле пашу;
Теперь детям в послушанья,
Я дрова с гумна ношу».

И ничем в сем состояньи он себя не утешал,
Только к небу он усердную молитву воссылал:
«Смерть, несчастливым отрада!
В бедну жизнь мою войди,
Будь мученьям ты награда
И меня не пощади».
Смерть свой страшный вид явила,
И его так спросила:
«Ты зачем меня призвал?
Я то сделаю неложно».
Он на то ей отвечал:
«Снеси дров, если возможно».

4-стопный хорей, астрофический стих вольной рифмовки.

Переходная метрическая форма к вольному 2-сложнику с переменной анакрузой (11-й и 12-й стихи — 8-стопные, а ритмическая структура 1-го стиха соответствует схеме 4-стопного ямба). В стихах 8, 9, 22 — синкопы.

Перевод басни Ж. Лафонтена «Смерть и дровосек» («La mort et le bûcheron»).

А. А. Ржевский

Муж и жена

Муж некогда жену за то свою бранил,
Что дома не сидит и всякий день гуляет.
Поступок женин был весьма ему не мил,
И для того вот так жену свою щуняет:

«Нет,
Мой свет,
Неложно
То, что с тобой
И жить не можно,
Как с доброю женой.
С двора всегда ты ходишь;
Тебя по вся дни дома нет.

Не знаю, с кем приязнь ты водишь;
Нельзя ужиться нам с тобой, мой свет.
Гуляй, да только меру знать в том должно;
Похвально ль приходить на утренней заре?
По всякий день гулять тебе жена, не можно,
Лишь то лъзя похвалять, что есть в своей поре.

Ты худо делаешь, жена, неложно,
А ходишь только, чтоб тебе гулять,

И дом пустой ты оставляешь.

Хожу и я, да торговать;

А ты всегда лытаешь».

«Как мне бы не ходить,

Где ж хлеб достати?

Тебе так жить

Некстати:

Не всяк

Так

Живет, как мы с тобою;
Иной не ссорится по смерть с своей женою».
Сем мужу своему, жена мнит, угожу;
Что слушаюсь его, ему то докажу,
И буду поступать всегда по мужней воле,
С двора уж никуда ходить не стану боле.
На завтрея домой как с торгу муж пришел,
И дома он свою хозяйшку нашел.

Жена, увидевши вдали его, встречает;
Муж очень рад: жена приказы наблюдает.
Пришел, ей говорит: «Хозяюшка, мой свет,
Пора обедать нам». — «У нас обеда нет, —
Жена отвечает, — я есть ведь не варила».
— «Да для чего?» — спросил. «С двора я не ходила».
— «Да для чего?» — «Ты сам мне не велел ходить;
Сидела дома я, кому же есть купить?»
Нельзя, чтоб тот когда наукой пременился,
Несмыслен кто родился.

(1761)

Вольный ямб 1—6, астрофический стих вольной рифмовки.
Стихи 5-й и 29-й — 1-сложные.
«Фигурные стихи» («ромб»).

О элегии

С любовью сопрягшись, душа моя пылала
И Музу петь стихи печальны наставляла, —
Родилось дитя Элегия от них.
Во обстоятельствах узря меня худых,
Веселостей лишена,
Печальна, возмущенна,
Пошла просить утех она душе моей
И тщилась умягчить печалию своей
Ту, кто мной обладает
И кто мой дух терзает.
Красавица ее с приятностью прочла
И похвалой ее довольно почла.
Но гордости своей она не пременила;
А после и совсем просителя забыла.
О бедное дитя! конечно не тобой
Удобно мне сыскать душе моей покой.

1761

6-стопный ямб, астрофический стих парной рифмовки с регулярным чередованием женских и мужских окончаний.

Переходная метрическая форма к вольному ямбу 3—6: стихи 5-й, 6-й, 9-й, 10-й — 3-стопные.

В. К. Тредиаковский

Басенка VIII Ворон и Лисица

Негде Вóрону унести сыра часть случилось;
На́ дерево с тем взлетел, кое полюбилось.
Оного Лисице захотелось вот поесть;
Для того, домочья б, вздумала такую лесть:
Воронову красоту, перья цвет почтивши,
И его вещьбу еще также похваливши,
«Прямо, — говорила, — птицею почту тебя
Зевсовою впрядки, буде глас твой для себя
И услышу песнь, доброт всех твоих достойну».
Ворон похвалой надмен, мня себе пристойну,
Начал, сколько можно громче, кракать и кричать,
Чтоб похвал последню получить себе печать;
Но тем самым из его носа растворенна
Выпал на́ землю тот сыр. Лиска, ободренна
Оною корыстью, говорит тому на смех:
«Все́м ты добр, мой Вóрон; только ты без сердца мех».

⟨1752⟩

Строчный логаяд на основе 7-стопного хоря с цезурным усечением:
— 0 — 0 — 0 — / — 0 — 0 — 0 // — 0 — 0 — 0 — / — 0 — 0 — 0 //
— 0 — 0 — 0 / — 0 — 0 — 0 — // — 0 — 0 — 0 — / — 0 — 0 — 0 —,
астрофический стих парной рифмовки с регулярным чередованием женских и мужских окончаний.

Для того чтобы уравнивать строки с женскими и мужскими окончаниями по слоговому объему, Тредиаковский добавляет к ним дополнительные ударные («долгие») слоги: в стихах с женским окончанием — перед цезурой, с мужским окончанием — на конце стиха, в рифменной позиции. Поэтому свои «хореические гексаметры» он называет «гиперкаталектиками» (см.: Сочинения и переводы как стихами так и прозой Василия Тредиаковского. СПб., 1752. Т. 1. С. 106—107).

М. М. Херасков

Сорока в чужих перьях

Сорока в перья птиц прекрасных убралась,
Как будто вновь она в то время родилась.

Но можно ли одной убором любоваться?
Сестрицам надобно в порядке показаться.
 Отменной выступью пошла,
 И стадо птиц нашла;
 Взгордяся перьями чужими,
 Ворочалась пред ними;
То подымает нос, то выставляет грудь,
 Чтоб лучше тем птиц прочих обмануть.
Но величалась тем Сорока очень мало:
Природной простоты убранство то не скрало,
Могли тотчас обман все птицы угадать.
 За то, чтоб наказать,
По перышку из ней все начали щипать.
 Вся тайна оказалась,
Сорока бедная сорокою осталась.

1756

Вольный ямб 3—6, астрофический стих парной рифмовки с регулярным чередованием мужских и женских окончаний.

Исключение — единственная тройная рифма в стихах 13—15.

Сатира

И. И. Хемницер

Сатира на прибыткожаждущих стихотворцев

«Опять ты за стихи», — мне некто говорил,
Как в руку я перо с бумагой ухватил.
«Так, за стихи, мой друг». — «Не оду ли какую
Похвальну написать ты думаешь такую,
Чтоб громки нынешни победы описать
И победителей в них славу воспевать,
С другими наряду о их делах гласити?»
— «Ты вздумал надо мной, я вижу, подшутити.
Нет, ошибаешься. Я оды чтоб писал
И славу сих мужей великих воспевал,
Которые пример людей великих стали,
Тех, коих в древности великими считали,
Которы славою весь удивили свет
И будут удивлять до самых поздних лет!
Нет, нет, я не хочу никак прослыть скотиной,
Вороне карканьем не петь свист соловьиный,
Орловых, Паниных, Румянцевых чтоб петь,
Великих сих мужей и должно дух иметь.
Вещать, как тот врагов был флота истребитель,
Как победитель тот врагов и примиритель.
Как Панин вечно флаг российский тем прославил,
Что на стенах взвевать Бендер его заставил.
Нет, нет, на труд такой моих не станет сил,
А льстить и нагло лгать я вечно не любил
И соплетать хвалу, достоин кто презренья.
Кричати, например, без всякого зазренья:
«Се воин истинный и се прямой герой!
Им, им-то низложен врагов был сильный строй!»
Кто неприятеля и имени боялся,
Не только чтобы с ним он как герой сражался;
Коль, например, скажу, что город штурмом взял,
С погонщиками кто в пустой в него вбежал
И «вѣват!» на валу кричал на всем просторе, —

Что скажет свет тогда о сем подобном вздоре?
Иль если орден кто за лошадь получил,
Котору к месту он, по счастью, подарил,
А я скажу, что тот за храбрость орден носит,
Кто трусостью своей военный чин поносит, —
Ведь осрамят меня и скажут, что мой стих
Из гнусных сочинен прибытков лишь одних.
Так, как и в истину почасту то бывает,
Что жадный стихоткач героем называет
Кто низким был таким буяном иль борцом,
Каким он сделался из прибыли творцом.
И по заказу он стихи свои слагает
И только рифмы лишь без смысла прибирает,
Как чеботарь или так точно, как портной:
Тот шилом строчку шьет, а этот шьет иглой,
Когда к дню праздничну обновку кто сшивает,
А без обновки век, как праздник, не бывает,
А праздник без обнов и в праздник что считать.
Не слава слава та, стихов где не видать,
Хоть слава важностью и разная бывает:
Иная целый свет собою удивляет
И так громом чрез всю вселенную гремит;
Другая из угла лишь в уголок шипит,
Но должно и сию стихами увенчати,
А благо, есть ткачи, кому стихи соткати.
Стихам чтобы поспеть, потребен лишь заказ
И запечатанный монетами приказ.
Так, чтоб не осквернить мне глас чистейшей лиры,
Не могши похвалить, хочу писать сатиры.
Не в силах будучи достоинства хвалить,
Хочу беспутства я и дурости бранить.

1774—1779

6-стопный ямб, астрофический стих парной рифмовки с регулярным чередованием мужских и женских окончаний.

М. В. Ломоносов

Сатира господина Ломоносова на Тредиаковского

Что за дым
По глухим

Деревням курится?
Там раскол,
Дно крамол,
В грубости крутится.
Среди того гнезда
Поднятая борода,
Глупых капитонов флаг
Дал к соборищам их знак.

Все спешат,
Все кричат:
«Борода святая!
Мы с тобой,
С дорогой,
В рай идем, пылая.
Ты нам мера и закон,
Ты обедня и трезвон.
О! апостольская сеть,
Ради мы с тобой сгореть».

Кто зажог?
Лжепророк.
Из какого лесу?
Он один,
Тресотин,
Сердцем сроден бесу.
Он безбожной лицемер,
Побродяга, суевер.
Он предрезостью своей
Ободрил бородачей.

Оным в лесть,
Добрым в честь,
Понося, терзает,
И святош
Глупу ложь
Правдой объявляет.
Только ж, угождая им,
Мерзок бредом стал своим,
И, хотя чтить праотцов,
Он почтил отца бесов.

Оглянись,
Веселись,

Адская утроба!
Твой комплот,
Скверной род,
Восстает из гроба.
Образ твой Герострад,
Храм зажечь парнасский рад;
Ад готов тебе помочь,
День затмить так, как ночь.

Братец твой,
Керженской,
Адским углем пышет,
Как пес зол,
За раскол
На святыню дышет,
На российского Христа
Отпер срамные уста;
К защищению бород
Злой к тебе валится сброд.

Ах, как рад
Пустосвят
Для того разпопа,
Что в тебе,
Как в себе,
Видит злу холопа.
И Аввакум-протопоп
Поднял лысину и лоб.
Улыбаясь, на тебя
Смотрит, злость твою любя.

Что за гам?
Волаам,
Июда, Каиафа,
Чу! кричат:
«Эй! наш брат,
Ты не бойся штрафа».
И от тартарского дна
Сам поднялся сатана;
Он поджог тебя назло,
За свое мстит помело.

Ну ж, хватай!
Поскоряй,
Не теряй минуты;
Тешься так,
Как и сам,
В пляску, в валку, в жгуты!
Как Петрил тебя катал
И Балакирев гонял.
Все ревут тебе: «Кураж,
Тресотин, угодник наш!»

Лжесвятой
Керженской!
Как тебя прославить?
Как почтить,
Чем кадить,
Что тебе поставить?
Вместо ладану и свеч,
К бородам тебя сожечь,
Чтобы их поганой смрад
Был горяче, как сам ад.

1757 (?)

Разностопный хорей 2232234444, 10-стишия aaVccVddee.

Правило альтернанса нарушено как внутри строф, так и на их границе.

А. П. Сумароков

Наставление сыну

Вещал так некто, зря свою кончину слезну,
К едиnorodному наследнику любезну:
«Мой сын, любезный сын! Уже я ныне стар;
Тупеет разум мой, и исчезает жар.
Готовлюся к суду, отыду скоро в вечность
И во предписанну нам, смертным, бесконечность,
Так я тебе теперь, как жить тебе, скажу,
Блаженства твоего дорогу покажу.
Конец мой близок,

А ты пойдешь путем, который очень склизок.
Хотя и всё на свете суета,
Но лъзя ли презирать блаженство живота?
Так должны мы о нем всей мыслью простираться
И, что потребно нам, о том всегда стараться.
Забудь химеру ту, слывет котора честь;
На что она, когда мне нечего поесть?
Нельзя в купечестве пробыти без продажи,
Подобно в бедности без плутни и без кражи.
Довольно я тебе именья наплутал,
И если б без меня ты это промотал,
На что ж бы для тебя свою губил я душу?
Когда представлю то, я всё спокойство рушу.
Доходы умножай, гони от сердца лень
И белу денежку бреги на черный день.
Коль можно что украсть, — украдь, да только скрытно,
И умножай доход
Ты всеми образы себе на всякий год!
Вить око зрением вовеки ненасытно.
Коль можешь обмануть,
Обманывай искусно;
Изобличенным быти гнусно,
И часто наш обман — на виселицу путь.
Не знайся ты ни с кем беспечно, по-пустому,
И с ложкой к киселю мечися ты густому.
Богатых почитай, чтоб с них имети дань,
Случайных похвалять, их выся, не устань,
Великим господам ты, ползая, покорствуй!
Со всеми ты людьми будь скромн и притворствуй!
Коль сильный господин бранит кого,
И ты с боярином брани его!
Хвали ты тех, кого бояре похваляют,
И умаляй, они которых умаляют!
Глаза свои протри
И поясняй смотри,
Большие на кого бояре негодуют!
Прямым путем идти —
Так счастья не найти.
Плыви, куда тебе способны ветры дуют!
Против таких господ,
Которых чтит народ,
Не говори ни слова,

И чтоб душа твоя была всегда готова,
Не получив от них добра, благодарить!
Стремися, как они, подобно говорить!
Вельможа что сказал, — знай, слово это свято,

И что он рек,

Против того не спорь: ты малый человек!
О черном он сказал — красно; боярин рек, —
Скажи и ты, что то гораздо красновато!
Пред низкими людьми свирепствуй ты, как черт,
А без того они, кто ты таков, забудут

И почитать тебя не будут;

Простой народ того и чтит, который горд.
А пред высокими ты прыгай, как лягушка,
И помни, что мала перед рублем полушка!
Душища в них, а в нас, любезный сын мой, душка.
Благодари, когда надеешься еще
От благодетеля себе имети милость!
А ежели не так, признание — унылость,
И благодарный дух имеешь ты вотще.

Не делай сам себе обиды!

Ты честный человек пребуди для себя,
Себя единого ты искренно любя!
Не делай ты себе единому обиды;
А для других имей едины только виды,

И помни, свет каков:

В нем мало мудрости и много дураков.
Довольствуй их всегда пустыми ты мечтами:
Чти сердцем ты себя, других ты чти устами!
Вить пошрины не дашь, лаская им, за то.
Показывай, что ты других гораздо ниже
И будто ты себя не ставишь ни за что;
Но помни, епанчи рубашка к телу ближе!
Позволю я тебе и в карты поиграть,
Когда ты в те игры умеешь подбирать:
И видь игру свою без хитрости ты мертву,
Не принеси другим себя, играя, в жертву!

А этого, мой сын, не забудь:

Играя, честен ты в игре вовек не будь!
Пренебрегай крестьян, их видя под ногами,
Устами чти господ великих ты богами

И им не согруби;

Однако никого из них и не люби,

Хотя б они достоинство имели,
Хотя бы их дела в подсолнечной гремели!
Давай и взятки сам и сам опять бери!
Коль нет свидетелей, — воруй, плутуй, сколь можно,
А при свидетелях бездельствуй осторожно!
Добро других людей во худо претвори
И ни о ком добра другом не говори:
Какой хвалою им тебе иметь нажиток?
Явленное добро другим — тебе убыток.
Не тщися никому беспрочно ты служить;
Чужой мошной себе находки не нажить!
Ученых ненавидь и презирай невежу,
Имея мысль одну себе на пользу свежу!

Лишь тем не повредись:

В сатиру дерзостным писцам не попадись!
Смучай и рви родства ты узы, дружбы, браков:
Во мутной вить воде ловить удобней раков.
Любви, родства, свойства и дружбы ты не знай
И только о себе едином вспоминай!
Для пользы своя тьяни друзей в обманы,
Пускай почувствуют тобой и скорбь и раны!

Везде собирай плоды.

Для пользы своя вводи друзей в беды!
Бесчестно, бредят, то, а этого не видно,

Себя мне только долг велит любить.

Мне это не обидно,

Коль нужда мне велит другого погубить;
Противно естеству себя не возлюбить.
Пускай в отечество мое беда вселится,
Пускай оно хотя сквозь землю провалится,
Чужое гибни всё, лишь был бы мне покой.

Не забывай моих ты правил!

Имение тебе и разум я оставил.
Живи, мой сын, живи, как жил родитель твой!»
Как это он изрек, ударен он был громом
И разлучился он с дитятею и с домом,
И сеявша душа толико долго яд
Из тела вышла вон и сверглася во ад.

Между 1771—1774

6-стопный ямб, астрофический стих парной рифмовки с фрагментами вольной рифмовки.

Элегия

М. М. Херасков

Элегия

Еще мой жар к тебе, драгая, не потух,
Изображает то мой стих тебе и дух,
Изображается он стоном и тоскою,
Когда увижуся, прекрасная, с тобою,
Чрез торопливые я знать даю слова,
Что страсть, как и была, сильна, — всё такова.
Но ежели бы ты то ведала подробно,
Как и в разлуке я тобой мятусь подобно,
Нигде твоих, мой свет, не забываю глаз,
А их не видючи, вздыхаю по сту раз,
В минуту по сту раз тебя в мысль представляю,
Тобой стесненну грудь тобою оживляю.
Тобой лишаюся веселий и забав,
Ты мне к веселостям даешь одна устав.
Всем сердцем мучусь я, когда с тобой в разлуке;
Увидяся с тобой, бываю в пущей муке;
Не насыщаюся смотреньем на тебя
И в новую напасть ввергаю я себя.
Позабываюся, что я ни начинаю,
О чем хочу сказать, я сам того не знаю.
Как непорядочен и искренен мой стих,
Таков и я во всех намереньях моих.
И если ты когда сии читая строки,
Почувствуешь мои мучения жестоки,
Почувствуешь и им соделаешь конец,
Пресчастливей, тогда слыть буду я творец.

1761

6-стопный ямб, астрофический стих парной рифмовки с регулярным чередованием мужских и женских окончаний.

И. И. Дмитриев

Элегия

Коль надежду истребила
В страстном сердце ты моем,
Хоть вздохни, тиранка мила,
Ты из жалости по нем!
Дай хоть эту мне отраду,
Чтоб я жизнь мою влачил,
Быв уверен, что в награду
Я тобой жалею был!

Если б в нашей было воле
И любить и не любить,
Стал ли б я в злосчастной доле
Потаенно слезы лить?
Нет! на ту, которая к гробу,
Веселясь, мне кажет путь,
За ее жестокость, злобу,
Не хотел бы и взглянуть.

Но, любовь непостижима,
Будь злодейкою моей —
Будешь всё боготворима,
Будешь сердцу всех милей.
О жестокая! любезна!
Смейся, смейся, что терплю!
Я достоин... участь слезна!
Презрен, стражду и... люблю!

⟨1794⟩

4-стопный хорей, 4-стишия АbАb.

А. А. Ржевский

Элегия

⟨Фрагмент⟩

От той, которая души милея,
Досаду мне сносить — что может бытьи злея?

Досада такова мучительней всего,
И нет ее горчай на свете ничего.
Жестокая! пусть ты меня не любишь,
Пусть к бедствию тебя смертельно я люблю
И пусть, любя тебя, утечи лишь гублю,
Но ты еще мое мученье и сугубишь!
Несчастлив я судьбой,
Что для ради тебя на свет я жить родился,
Но, ах, еще несчастнее тобой,
Что я тебе не мил, а я в тебя влюбился!
Судьба меня с тобой навеки разлучает,
Твоя несклонность мне мученья приключает.
Я не виню тебя,
Что я не мил, любя:
Судьба моей то бедной части,
Чтобы мне мучиться во тщетной страсти.
Но виновен ли и я,
Что вся тобой душа распалена моя?
<...>

1763

Вольный ямб 3—6, астрофический стих вольной рифмовки.

Элегия

Престрогою судьбою
Я стражду огорчен,
И ею я с тобою
Навеки разлучен.
Чем боле я прельщаюсь,
Тем боле я грущу
И боле тем лишаюсь
Того, чего ищу;
Но боле чем лишаюсь
Надежды я судьбой,
Тем боле я прельщаюсь,
Любезная, тобой.
Тебе моей не быти,
Я знаю, никогда,

Тебя мне не забыть,
Я знаю, навсегда.
Лице твое прекрасно
Из мысли вон нейдет,
Мечтаясь всечасно,
Покою не дает.
Когда тебя не вижу,
Смущаюсь и грущу,
Я всё возненавижу,
Везде тебя ищу,
Но ежели с тобою
Когда увижусь я,
Представлю, что судьбою
Плачевна жизнь моя:
Весь ум мой возмутится,
И сердце обомрет,
Всё чувство затмится,
В глазах померкнет свет.
Я от тебя скрываюсь,
Но, скрывшись, грущу,
И мыслей порываюсь,
Опять тебя ищу.
Опять тебя увижу,
Опять грущу, узря,
Опять возненавижу
Я жизнь, тобой горя.
Нигде мне нет покою,
Я всем его гублю,
Но, мучая тоскою,
Еще сильней люблю.
Я знаю, что не буду
Утешен я, любя;
Но вечно не забуду,
Любезная, тебя.
Мне то суждено частью,
Чтобы, любя, страдать
И чтоб, терзаясь страстью,
Отрады не видать.

1763

3-стопный ямб, неразделенные 4-стишия АbАb.

А. П. Сумароков

Элегия

В болезни страждешь ты... В моем нет сердце мочи
Без крайней горести воззрети на тебя.
Восплачьте вы, мои, восплачьте, смутны очи,
Пустите токи слез горчайших из себя!
Рок лютый, умягчись, ты паче мер ужасен,
Погибни от моих отягощенных дум
И сделай, чтобы страх и трепет был напрасен!
Пронзенна грудь моя, и расточен весь ум.
О яростны часы! Жестокой время муки!
Я всем терзаюся, что в мысли ни беру.
Стерплю ли я удар должайших разлуки,
Когда зла смерть... И я, и я тогда умру.
Такою же сражусь, такою же судьбою,
В несносной жалости страдая и стена.
Умру, любезная, умру и я с тобою,
Когда сокроешься ты вечно от меня.

1760

6-стопный ямб, неразделенные 4-стишия АbАb.

В. К. Тредиаковский

Элегия II

〈Фрагмент〉

Кто толь бедному подаст помощи мне руку?
Кто и может облегчить, ах! сердечну муку?
Мягкосердыя на мя сын богини злится,
Жесточайшим отчасу́ тот мне становится:
Неисцельно поразив в сердце мя стрелою,
Непрестанною любви мучит, ах! бедою.
Сердце равныя ничье не имело страсти,
Не впадало тем ничье в равные напасти:
Без надежды б чье когда лютый жар страдало?
Ах! невинное мое в лютость ту попало.

Прежестокая болезнь всяк час то съедает,
Несравненная печаль как зверь лют терзает;
Мысли, зря смущенный ум, сами все мнутся,
Не велишь хотя слезам, самовольно льются;
Вдруг безмолвствую, и вдруг с стоном воздыхаю,
Сам не вем, чего желать и чего желаю.
Безнадежде, мятеж, горесть и печали,
И несносная тоска ввек на мя напали.
В сем смятении моем что чинить имею?
Сердце рвется, а целить чем то не умею.
Мысль тотчас одну с ума гонит прочь другая,
Разум от меня бежит, страсть же мучит злая.
Внутренний покой никак мне сыскать не можно,
Что б я в помощь ни взывал, всё в удаче ложно.
Никому принести нельзя жалобу сердечну:
Купидин мя осудил к молчанию вечну.
Нерассудный и слепой, Купидин пресильный,
И который толь ко мне ныне не умильный!
Я какую тебе мог дать к сему причину,
Что ты вечну напустил на меня кручину?
<...>

<1735>

Стопный логоэд на основе 7-стопного хорей с цезурным усечением
— ∪ — ∪ — ∪ — / — ∪ — ∪ — ∪, астрофический стих парной рифмовки
со сплошными женскими окончаниями.

В терминологии Третьяковского — «эксаметр хорейский» с «гиперкаталектическим» слогом перед цезурой.

Идиллия и эклога

М. Н. Муравьев

Эклога

**к его превосходительству
Алексею Васильевичу Олешеву
〈Фрагмент〉**

Пастушьи прения впервые воспеваю
И сельски божества со страхом призываю.
Помедли, Вологда, останови на час
Поток поспешных волн, чтобы свирельный глас
Раздался, по твоим носясь струям прозрачным,
И чтоб живущие по рощам нимфы злачным,
Собравшись толпой ко берегу твоему,
Умолкли с кротостью, когда свирель возьму.
Вы юному певцу, о фавны, не мешайте
И прочь с сатирами отсюда поспешайте.
А ты, любитель рощ, владелец сих лугов,
Начальник и краса окрестных пастухов,
Будь юности моей советником и другом.
Ты музам жертвуешь и мудрости досугом.
〈...〉

1771, начало 1780-х годов

6-стопный ямб, астрофический стих парной рифмовки с регулярным чередованием женских и мужских окончаний.

Г. А. Хованский

**Идиллия
Милонова птичка**

Аврора солнцу путь цветами устилала
И утренней росой природу оживляла,

Зефиры легкие, резвяся меж кустов,
Бросали аромат на воздух из цветов;
Приятно ручейки струистые журчали,
И птички, пробудясь, по веточкам порхали.
Внимая песням их, встречал зарю Милон,
И вздумал дар принести прелестной Клое он,
Невинный дар любви. — К одной подкравшись птичке,
Не знаю, к соловью, к чижу или к синичке,
Но знаю только то, что он ее поймал.
От радости тогда в нем дух вострепетал:
«Какие перушки прекрасные имеешь!
А петь еще сто раз прекраснее умеешь!
Ах, как ты счастлива! — Ты станешь веселить,
Которая меня навек могла пленить.
А чтоб подарок мой был более любезен,
Я думаю, мой труд не будет бесполезен,
Когда тотчас домой за клеткою схожу
И птичку милую я в клетку посажу.
А если выпущу ее неосторожно?..
Нет, нет, ее мне взять с собою невозможно.
Докуда ворочусь, пожалуй, подожди
И под моей меж тем ты шляпой посиди».
Так сделал, как сказал, и вмиг домой пустился.
Дорогою Милон вот так надеждой льстился:
«Я птички даром ведь, о Клоя! не отдам,
Лукава Клоюшка, не промах я и сам,
От поцелуя ты со мной не отвертишься,
А ежели не то, так птички ты лишишься.
Откажет ли она? — Не верю я тому.
Как сердцу будет то приятно моему,
Нельзя, чтобы на то не согласилась Клоя,
Я стану приставать и ей не дам покоя;
Когда же поцелуй один захочет дать,
Спроворю я у ней четыре или пять».
Меж тем он, клетку взяв, туда уж воротился,
Где с птичкой поцелуй его под шляпой крылся;
Но что ж? — Погибло все. — Несчастливый Милон!
Надежду опроверг со шляпой Аквилон,
И птичка милая, котора там сидела,
И с поцелуями на волю улетела!

6-стопный ямб, астрофический стих парной рифмовки.

И. Ф. Богданович

Идиллия (Белыми стихами) 〈Фрагмент〉

На что в полях ни взглянешь
Со мною ты в разлуке,
Ты всем меня вспомнешь,
Любезная пастушка.
Тебе покажет утро
Тоски моей начало;
И днем, когда светило
Луч огненный ниспустит,
Ты, чувствуя жар в полдни,
Представь, что жар подобный
Я чувствую, влюбся.
Не солнцем я сгораю,
Любовь рождает пламень
В моем плененном сердце;
Любовью я сгораю,
Любя Кларису страстно.
〈...〉

1763

3-стопный ямб, астрофический белый стих со сплошными женскими окончаниями XXX...

Спорадическая рифма (см. стихи 1-й и 3-й).

И. И. Дмитриев

Идиллия

Умолкни, ветерок, забудьте, птички, петь,
Престань, поток, журчать, а ты, о лес, шуметь!
Усни, природа вся, и дай на час мне время
Оплакать жизнь мою, которую чту за бремя!

О вы, прекрасные, зеленые места!
Куда девалася днесь ваша красота,
Которой мы всегда с Ирисой восхищались,
Когда здесь воздухом прохладным наслаждались?

Но ах, Ирисы нет! Прошли уж те часы,
В которые я мог все зреть ее красы...
Ирисы больше нет!.. Воспоминанье слезно!
Но что мне здесь стоять и плакать бесполезно?

Пойду хоть к тем местам, где с нею я бывал
И где я истинно блаженство ощущал,
Пойду и током слез тропинки все омою,
По коим бегала любезная со мною!

Вот место, где ее я в первый раз узрел,
Стал вечно пленником и страстью воскипел!..
На этой мураве Ириса отдыхала
И, сонная моя, лобзанья принимала.

Вот здесь, на бережку, я с нею говорил
И, в первый раз еще, любовь мою открыл!
А струйки оных вод свидетелями были,
Как мы взаимную присягу учинили.

Возможно ль мне, увы, сдержати слезный ток,
Когда я ни взгляну на милый сей лесок,
Где вскоре увенчать любовь свою мы льстились,
Но строгостью судьбы друг с другом разлучились!

О рок, почто ты к нам толико ныне строг?
Скажи мне, чем тебя озлобити я мог?
За что столь жестоко невинного караешь
И вечно от меня Ирису отнимаешь?

Но суетен мой вопль! Никем не внемлем он!
Не слышит и сама любезная мой стон:
Уже в других странах Ириса обитает,
А бедный Полидор... с печали умирает!

⟨1782⟩

6-стопный ямб, 4-стишия ааВВ.

П. М. Карabanов

Искренность пастушки 〈Фрагмент〉

Под тению густою
Близ тихого ручья
Сидела долго я,
Терзаема тоскою.
Вдруг миленький дружок,
Любезный пастушок,
О ком я воздыхала
И страсть открыть желала,
Но не могла открыть,
Пришел поговорить.

Печален, скучен, томен,
Вздыхнувши, мне сказал:
«Я долго страсть скрывал,
Не буду больше скромн;
Давно тебя любя,
Соскучил без тебя;
А ты того не знаешь
И здесь себя скрываешь
От взора моего,
Не знаю, для чего».

Ах! как же я смутилась,
Когда он то сказал;
Как он мне жалок стал!
Я тут же б согласилась
Ему за это дать
Себя поцеловать.
Пришел конец мученьям;
Любовным восхищеньям
Наступит скоро час:
Любовь, спрягай ты нас!

〈...〉

1786

3-стопный ямб, 10-стишия AbbAccDDee.

Н. А. Львов

Идиллия Вечер 1780 года ноября 8 〈Фрагмент〉

Под тенью миртовых кустов
В прохладе тихого зефира,
Промежду розовых цветов
В траве покоилась Елмира...
Покоилась, и быстрый ток,
И шумный ветер в лесу замолк,
Листочки неподвижны стали,
Свирель утихла на лугах,
Не смели птички петь в кустах
И сон Елмиры почитали.
Приятные мечты любовь
Во сне Елмире представляла,
Волнуя ими жарку кровь,
Румянцем щеки украшала;
Улыбкой розы на устах
Пастушкиных изображала.
Лилеи прятались в кустах.
Любовной зыблема мечтою,
Прекрасна грудь пастушки сей,
Казалось, будто белизною
Старалась их стыдить своей;
Из-под косынки вырываясь
И с скучным полотном сражаясь,
Стремилась выйтить из пелен;
Но сил еще не доставало,
И полотно торжествовало.
〈...〉

1780

4-стопный ямб, астрофический стих вольной рифмовки.

В. И. Майков

Аркас 〈Фрагмент〉

Только явилась на небо заря,
Только простерла свой взор на моря,
Горы приходом ее озлатились,
Мраки ночные с небес возвратились;
Полны долины прохладной росой
Стали одеты дневною красой;
Влагою все напоенны цветочки
Бисеровидны имели листочки;
Роза алеет, пестреет тюльпан;
Пляску заводит со нимфами Пан,
Страстны кидая свои на них взоры;
Нимфы, краснеясь, уходят на горы;
Знать, с ним не хочет шутить ни одна.
Бледная с неба нисходит луна,
Быв пастухом во всю ночь упражненна,
С светом оставить его принужденна;
Став недовольна судьбою своей,
Гнев обращает на робких зверей,
Ловлею их веселится с дриады.
Мыться на речки приходят наяды,
Чешут зеленые гребнем волосы;
Солнцу коней запрягают часы;
Звери в пещерах убежища ищут;
Птички по рощам о вольности свищут;
Песнь скончивает со днем соловей;
Труд начинают пчела, муравей;
Овцы на пажить пастися приходят;
Песни и игры пастушки заводят,
С ними в свирелки и в зычны рожки
Складно играют, пристав, пастушки,
Тирсис с Клименой любовь прославляет,
Дафнис Кларису любить наставляет,
Ниса с Дамоном о страсти поет,
Атис Дельфире цветки подает;
Та, их принявши, себя украшает,
Атис стократ ей «прекрасна!» вещает.
Всяк, веселяся, овец своих пас,

Только невесел один был Аркас:
Стадо Аркасу казалось немило,
Ходит в печали по рощам уныло;
Птиц не стреляет, овец не пасет,
Рыбы не удит, цветочков не рвет;
Смоклка свирелка его громогласна,
Только видна в нем лишь грусть преужасна.
〈...〉

〈1773〉

4-стопный дактиль, астрофический стих парной рифмовки с чередованием женских и мужских окончаний.

А. А. Нартов

Идиллия. Нисса

〈Фрагмент〉

На травке Тирс один в лачужке

Тогда лежал,
Как рассуждал

О Ниссе там пастушке:

«Ее в селе
У нас красняе
И на земле
Нет, чай, умняе», —
В себе сказал.

«Ей в славу буду на гудочке

Затем играть
И прибирать

В двойной слова хвал строчке:

Чтоб ею здесь
Мне отдавался
Лесочек весь;
Чрез то б казался
Ее ж взывать.

Поставлю имя по обету

В разных цветах
На всех древах,

Которых краше нету:

Пускай на них
То все читают
В гульбищах сих
И ту желают
Иметь в глазах.

⟨...⟩

1757

Разностопный ямб 422322222, 9-стишия AbbAcDcDb.

Пример использования редкой в русской поэзии нечетностишной строфы. Нарушено правило скрещения рифмических цепей: строки на одну рифму (b) оказываются разделены строками на три различных рифмы (A, c, D).

А. Н. Радищев

Идиллия ⟨Фрагмент⟩

Краснопевая овсянка
На смородинном кусточке
Сидя громко распевала
И не видит пропасть адску,
Поглотить ее разверсту.
Она скачет и порхает, —
Прыг на ветку — и попала
Не в бездонну она пропасть,
Но в силок. А для овсянки
Силок, петля — зла неволя;
Силок дело не велико, —
Но лишение свободы!..
Все равно силок, оковы,
Тьма кромешна, плен иль стража, —
Коль не можешь того делать,
Чего хочешь, то выходит,
Что железные оковы
И силок из конской гривы
Всё равно, равно и тяжки:
Одно нам, другое птичке.
Но ея свободы хищник
Не наездник был Алжирской,

Но Милон, красивой парень,
Душа нежна, любовь в сердце.
— Не тужи, моя овсянка! —
Говорит ей молодой пастырь,
— Не злодею ты досталась,
И хоть будешь ты в неволе,
Но я с участью твоею
С радостью готов меняться. —
Говоря, он птичку вынул
Из силка и, сделав клетку
Из своих он двух ладоней,
Бежит в радости великой
К тому месту, где от зноя,
В роще темной и сенистой
Лежа стадо отдыхало.
Тут своей широкой шляпой,
Посадив в траву легонько,
Накрывает краснопеvu
Пленницу; бежит поспешно
К кустам гибким он таловым.
— Не тужи, мила овсянка,
Я из прутиков таловых
Соплету красивой домик
И тебя, моя певица,
Отнесу в подарок Хлое.
За тебя, любезна птичка,
За твои кудрявы песни
Себе мзду у милой Хлои,
Поцелуй просить я буду;
Поцелуйи ее сладки!
<...>

4-стопный хорей, астрофический белый стих со сплошными женскими окончаниями XXX...

Переложение идиллии С. Гесснера «Милон».

А. А. Ржевский

Идиллия

Как при сих струях
Клорису я узнал,

С тех пор вольность дорогую потерял,
С тех пор плачу я всечасно и грущу,
Без нее нигде утехи не сыщу.
Ах, прельщаяся, вовеки мне грустить!
Како солнцу век лучей не затмевать,
Как струям к вершине сим не протекать,
Так не можно ей вовек меня любить.

⟨1761⟩

6-стопный хорей, одиночная строфа aabbccddc.

Первые две строки представляют собой один стих, графически разделенный на подстроchia.

Правило альтернанса не соблюдается.

Идиллия

На берегах текущих рек
Пастушок мне тако рек:
«Не видал прелестнее твоего я стану,
Глаз твоих, лица и век.
Знай, доколь продлится век,
Верно я, мой свет, тебя, верь, люби́ти стану».

Вздохи взор его мой зрел.
Разум был еще не зрел.
Согласилась мысль моя с лестной мыслью с тою.
Я сказала: «Буде́шь мой,
Ты лица́ в слезах не мой,
Только будь лишь верен мне, коль того я сто́ю».

Страсть на лесть днесь променя,
И не мыслит про меня.
О неверный! ныне стал пленен ты иною.
Мне сказал: «По́ди ты прочь
И себе друго́го прочь».
Как несносно стражду днесь, рвуся я и ною.

⟨1762⟩

Разностопный хорей 447, 6-стишия aaBaaB.

Длинные строки имеют ту же структуру, что и «хореические гексаметры» Третьяковского, который считал последний сильный слог перед цезурой «гиперкаталектическим» и в счет стоп не включал.

7-стопные стихи имеют цезурное усечение.

А. П. Сумароков

Идиллия

Без Филисы очи сиры,
Сиры все сии места;
Отлетайте вы, зефиры,
Без нея страна пуста;
Наступайте вы, морозы,
Увядайте, нежны розы!

Пожелтей, зелено поле,
Не журчите вы, струи,
Не вспевайте ныне боле
Сладких песней, соловьи;
Стань со мною, эхо, ныне
Всеминутно в сей пустыне.

С горестью ль часы ты числишь
В отдаленной стороне?
Часто ль ты, ах! часто ль мыслишь,
Дорогая, обо мне?
Тужишь ли, вспоминая,
Как расстались мы, стоная?

В час тот, как ты мыться станешь,
Хоть немного потоскуй,
И когда в потоки взглянешь,
Молви ты у ясных струй:
«Зрима я перед собою,
Но не зрима я тобою».

(1759)

4-стопный хорей, 6-стишия АbАbСС.

На границе строф не соблюдается правило альтернанса.

Эпистола

Ф. И. Дмитриев-Мамонов

Эпистола к красавицам

Кому я припишу, красавицы, мой труд?
Кому здесь яблоко вручит Парисов суд?
О вам! которые красую столь прелестны;
Которы в нежности имеют дар небесный.
К дурному завсегда то зло кладут на счет,
Кто нравом есть тяжел и страшный есть урод:
Урод есть свету страх, что всех он ужасает;
Но нежный нрав сердца как хочет обращает.
Нрав ангельский есть всем приличен красотам,
В утеху здесь писал я нежным лишь сердцам.
Законы в свете в сем тому суть все свидетель,
Что истинна любовь есть точно добродетель.
Жестокости в любви нельзя быть никакой,
Кровь нежная душе прилична лишь одной.
Пылает кто к кому любви всей душою,
Там будет верность жить и с честью со всею.
Всем должно то желать, чтоб всякий был любим,
Любови есть всегда нрав зверский нетерпим:
Коль бросаюсь лютой зверь кого в куски терзает,
Нельзя сказать тогда: он нежность ощущает;
Но слёзы где текут, узря любви предмет,
Возможно всем сказать, что варварства тут нет.
Любовь ведет всех нас к тишайшему всех чувству,
То чувство враг всегда суровости и буйству.
Почтение и тьма усерднейших услуг,
Любови должность есть; не враг Купидо — друг.
В нем есть ли кое зло? Пусть будет свет судьейю!
Пленяйте, красоты, любовью нас своею!
Вы наши суть звезды, блистайте так собой
И зверский нрав людей смягчите красотой.
Красавица моя красавица есть станом;
Красавица лицом,

Красавица умом;
А более всего, красавица и нравом.

⟨1771⟩

6-стопный ямб, астрофический стих парной рифмовки с регулярным чередованием мужских и женских окончаний.

Переходная метрическая форма к вольному ямбу 3—6: стихи 32-й и 33-й — 3-стопный.

А. П. Сумароков

Письмо ко приятелю в Москву

Знать хочешь ты, где я в Петрополе живу —
О улице я сей еще не известился
И разное для того поднесь ее зову,
А точно то узнать не много я и льстился.
Но должно знать тебе, писать ко мне куда:
Туда.

По окончании его незлобна века,
Сего живу я в доме человека,
Которого мне смерть
Слез токи извлекала,
И, вспомя коего, нельзя мне их отерть.
Ты знаешь то, чья смерть
В Москве сразить меня ударом сим алкала.
Владеет домом сим его любезный брат,
Толико ж, как и он, не зол и добронравен.
То знает весь сей град,
Что честностью сей муж печется быти славен.
Однако у него не этот только дом,
Так я скажу тебе потом
Сему двору приметы,
И после от тебя,
Приятеля любя,
Я буду получать и спросы и ответы.
В ворота из ворот, а улица межа,
Живет почтенна госпожа,
Два коей прадеда, храня нелицемерность
И ко империи свою Российской верность,

За истину окончили живот,
Которых честность и усердии явленны,
Для коей мужи те Мазепой умерщвленны,
Спасая и Петра, и нас, и свой народ,
Чтоб были искры злы, не вспыхнув, утоленны.
К забору этого двора к Фонтанке двор,
С забором о забор,
В котором жительство имеет сенатор,
Науки коему, художества любезны;
Он ведает, они для общества полезны.
В сем доме у него всегда пермесский глас,
Он сделал у себя в Петрополе Парнас.
Его сын скрипкою успешно подражает
Той лире, коею играет Аполлон.
Искусство он свое вседневно умножает,
И стал уже его прямым любимцем он.
Его сестра играет на тинпане.
Другая тут поет при струнах и органе,
И для того
На сем дворе его
Все слышат восклицанье хора.
Певица же еще притом и Терпсихора.

⟨1774⟩

Вольный ямб 2—6, астрофический стих вольной рифмовки.

Г. Р. Державин

Атаману и Войску Донскому

⟨Фрагмент⟩

Платов! Европе уж известно,
Что сил Донских ты страшный вождь.
Врасплох, как бы колдун, всеместно
Падешь, как снег ты с туч иль дождь.
По черных воронов полету,
По дыму, гулу, мхам, звездам,
По рыску волчью видя мету,
Подходишь к вражьим вдруг носам;
И, зря на туск, на блеск червонца,

По солнцу иль противу солнца
Свой учреждаешь ертаул
И тайный ставишь караул.

В траве идешь — с травкою равен;
В лесу— и равен лес с главой;
На конь вскокнешь — конь тих, не нравен,
Но вихрем мчится под тобой. —
По камню ль черну змеем черным
Ползешь ты в ночь — и следу нет. —
По влаге ль белой гусем белым
Плывешь ты в день — лишь струйка след. —
Орлом ли в мгле паришь сгущенной,
Стрелу сечешь ей вслед пущенной
И, броса петли округ шей,
Фазанов удишь, как ершей.

Разил ты Льва, Луне гнул роги,
Ходил противу Солнца в бой;
Медведей, тигров средь берлоги
Могучей задушал рукой:
Почто ж вепря щетиночерна,
Залегшего в лесах средь блат,
С клыков которого кровь, пена
Течет — зловоние и яд, —
От рыла взрыты вокруг могилы,
От взоров пламенны светилы
Край заревом покрыли весь, —
Арканом не схватил поднесь?

<...>

1807

4-стопный ямб, 12-стишия AbAbCdCdEEff.

И. И. Дмитриев

Послание к Аркадию Ивановичу Толбугину

Друг изящного в природе
И судья а ла козак,

Поперек идущий моде,
Неприятель всяких врак;
Муз и музыки любитель,
Голубков, дроздов гонитель,
Грубый скиф по бороде,
Нежный Орозман душою,
Не по светскому покрою,
Одинаковый везде;
Не ханжа и не ласкатель,
О любезный созерцатель
В банях бабьей красоты!
Плюнь на светски суеты,
О поклонниче Заиры!
И склонись на голос лиры,
Почитающий тебя.
Дай увидеть мне себя
На свободе, в чистом поле;
Сделай честь ты хлебу-соле
Нового в лесу жильца.
Покажись — и хоры птичек,
Соловьев, дроздов, синичек,
Все, увидя мудреца,
Встрепенувшись крылами,
Громко-звонко запоют
И мне весточку дадут,
Что Аркадий милый с нами!

Вторая половина 1790-х годов

4-стопный хорей, астрофический стих вольной рифмовки.

К Г. Р. Державину¹

Бард безымянный! тебя ль не узнаю?
Орлий издавна знаком мне полет.
Я не в отчизне, в Москве обитаю,
В жилище сует.

¹ Это был ответ на стихи, присланные в «Вестник Европы». Почтенный автор их, не подписавший своего имени, думал, что я в деревне, и пенял мне за мою лень. (*Примеч. авт.*)

Тщетно поэту искать вдохновений
Тамо, где враны глушат соловьев;
Тщетно в дубравах здесь бродит мой гений
Близ светлых ручьев.

Тамо встречает на каждом он шаге
Рдяных сатиров и вакховых жриц¹,
Скачущих с воплем и плеском в отваге
Вкруг древних гробниц.

Гул их *эвое*² несется вдоль рощи,
Гонит пернатых скрываться в кустах;
Даже далече наводит средь ночи
На путника страх.

О песнопевец! один ты способен
Петь и под шумом сердитых валов,
Как и при ниве, — себе лишь подобен —
Языком богов!

1805

Строчный логаяд на основе разностопного 3-сложника с переменной анакрузой 4442: —○○—○○—○○—○//—○○—○○—○○—//
—○○—○○—○○—○//○—○○—, 4-стишия AbAb.

Размер эпистолы представляет собой вариацию логаядической структуры стихотворения Г. Р. Державина «Снигирь».

В. В. Капнист

Старому другу моему Алексею Николаевичу Оленину

Русский, друг мой! уроженец ты, хоть немного экзаметрствуешь.
Русскими тебя я виршами поздравляю с днем рождения.
В коловрате шумной жизни сей, пожелав тебе несчетно лет,
В мире доброго житья-бытья, счастлих всех с семьей любезною,

¹ Здесь описаны цыгане и цыганки, которые во всё лето промышляют в Марьиной роще песнями и пляскою. (*Примеч. авт.*)

² Эвое, или эван, был употребительный припев вакханок при отправлении их оргий. Это примечание для детей, не знающих еще мифологии. (*Примеч. авт.*)

Пожелаю, чтоб остался ты, русски навыки старинны чтя,
Добрим другом друга старого, друга юных, молодецких лет.
Старое вино, твердят нам все, нового вина задачей:
Дай же руку; будь, как прежде был; а я друг тебе по смерть мою.

21 ноября 1814 года

Стопный логаяд на основе 9-стопного хорей с цезурным усечением: — ◡ — ◡ — ◡ — ◡ — / — ◡ — ◡ — ◡ — ◡ ◡, одиночная строфа со сплошными безрифменными дактилическими окончаниями X'X'X'X'X'X'X'X'.

В стихах 3, 5, 6 — сверхсхемные ударения на клаузулах.

Я. Б. Княжнин

Письмо к гг. Д. и А. 〈Фрагмент〉

Вы мыслите напрасно,
Любезные друзья,
Что, роскоши глася
Прельщение опасно,
Ввожу соблазны я.
Собрание прекрасно
Утех мирских, забав
Для нас творец создал,
Нам счастье проливает;
Но человек на смех,
Всё претворяя в грех,
Рай в ад преобращает.

Виновно ли вино,
Которо к утешенью
От неба нам дано,
Что им себя к забвенью
Приводит человек
И в скорби тратит век?
Царица смертных рода,
Вселенная душа,
Которою дыша,
Живет, цветет природа,

Любовь! виновна ль в том,
Что ею Клит влеком,
Подобно мотылечку,
Садясь на всякий цвет
И сев потом на свечку,
Он сам себя сожжет?

Приятель наслаждений,
И чистых, и честных,
Я друг ли заблуждений?
Ах, нет! Когда мой стих,
Хваля сей жизни сладость,
Казал вам счастья радость,
Которой под луной
Вы в роскоши со мной
Увидеть не хотели, —
Советовал я вам,
Чтоб счастливы быть смели,
Не следуя духам,
Которые не любят,
Что толь прелестно нам,
И добродетель трубят
Ужасную ушам.
Они-то, страшной харей
Вселяя трепет в грудь,
Марают к небу путь,
Гнева творца всех тварей.
Советовал я вам
Утех не опасаться,
Но столько наслаждаться,
Колико должно нам.
<...>
<1786>

3-стопный ямб, астрофический стих вольной рифмовки.

Послание трем грациям <Фрагмент>

О нежные сестрицы неразлучны!
Сопутницы прекрасного всего!

Сама краса не стоит ничего,
Черты ее бездушны, вялы, скучны,
Коль, вашего знакомства лишена,
Жеманится без прелестей она.
О грации! позвольте пленну вами
Пред жертвенник священный ваш предстать,
Тесняя где за вашими цветами,
Искусники, со грубыми руками,
Собираются, чтобы цветы измять.
Принудить вас возможет ли искусство?
Без правила пленяете вы чувство.
〈...〉

〈1790〉

5-стопный ямб с цезурой на 2-й стопе, астрофический стих вольной рифмовки.

Е. И. Костров

Письмо к творцу оды, сочиненной в похвалу Фелицы, царевне Киргизкайсацкой 〈Фрагмент〉

Певец! которому с улыбкой нежной Муза
Недавно принесла с парнасских гор венок,
Желаю твоего я дружества, союза.
Москва жилище мне, ты Невский пьешь поток,
 Но самые пути далеки
 И горы, холмы, лес и реки
Усердья моего к тебе не воспятят;
 Оно в Петрополь пренесется
 И в грудь твою и в слух влиется:
Нетрудно музам всё, что музы восхотят.

Скажи, пожалуй, как без лиры, без скрипицы,
И не седлав притом парнаска бегунца,
Воспел ты сладостно деяния Фелицы
И животворные лучи ее венца?
 Ты, видно, Пинда на вершине
 И в злачной чистых муз долине

Дорожки все насквозь и улицы прошел;
И чтоб царевну столь прославить,
Утешить, веселить, забавить,
Путь непротоптаный и новый ты обрел.

Обрел, и в бег по нем пускаешься удачно,
Ни пень, ни камень ног твоих не повредил,
Тебе являлось всё, как будто поле злачно,
Нигде кафтаном ты за терн не зацепил.
Царевне похвалы вещая,
Пашей затеи исчисляя,
Ты на гудке гудил и равно важно пел;
Презрев завистных совесть злую,
Пустился ты на удалую;
Парнас, отвагу зря, венец тебе соплел.

⟨...⟩

⟨1783⟩

Разностопный ямб 6666446446, 10-стишия AbAbCCdEEe.
Дериват одической строфы.

Н. А. Львов

Доброму человеку ⟨Фрагмент⟩

Блажен, кто средь частей блестящих
Не принимает их цепей;
Кто в царском тереме богатом,
Не изменяясь в лице,
Идет по золотым помостам
Затем лишь, чтоб творить добро!
Того не злато награждает:
Он в сердце ощущает рай!

Подобен он ручью в долине,
Который чист самим собой —
От псов ушед, олень усталый

В нем прохлаждает кровь свою,
И солнце в нем, как огонь, сияет.

Таков и ты, о добрый муж!
Прияв в себя и стон вдовицы,
И слезы молодых сирот,
Ты сам несешь их ко престолу,
От коего склоня стезю,
Златую к ним ты льешь струю.
Когда же, должности исполня,
В своем тулупе голубом
Ты сядешь на диван зеленый
И дух свой, благом восхищенный,
Пленяешь гласом лирных струн:
Склоняешь ты с небес перун!
А иногда ты сладко дремлешь
В кругу приятелей твоих,
Как в тихий вечер дуб зеленый,
В водах любуясь голубых!..
<...>

(1792)

4-стопный ямб, астрофический белый стих с регулярным чередованием женских и мужских окончаний ХхХхХх...

Спорадические рифмы (см. стихи 22 и 23, 24 и 25, 27 и 29).

**Ивану Матвеевичу Муравьеву,
едущему в Етин министром, в ответ на письмо его
из Москвы от 15 генваря 1797**

Пусть крутят в крючки темно-русые
И с просединой волоса мои,
А слова мои, слуги быстрые
Духа жаркого, сердца русского,
Пусть запишет нам парень грамотной.

Каково же мне титулярному¹,
Что нет времени и к друзьям своим

¹ «Ангел мой титулярный» вместо обыкновенного титула в письме было написано. (Примеч. авт.)

Самому писнуть: «Не прогневайтесь,
Что спасибо вам опоздал сказать
За жадобную ладу грамотку».
Любо было мне получить ее,
Прочитав ее, я задумался,
А задумавшись, слово вымолвил:
«Рано, рано ты, млад ясен сокол,
Со тепла гнезда поднимаешься,
Оставляешь ты дом отеческой
И родимую нашу сторону.
Покидаешь ты верных слуг твоих,
С другом пламенным разлучаешься.
Ах! не с ним ли ты тайну речь держал?
Чтобы вместе жить неразлучно век,
Чтобы пищу есть с одного стола,
А платие носить с одного плеча,
А теперь, сокол, птичка острая,
Не простяся с ним, возвиваешься...»

Залетел сокол уж за облако...
Что за облако лучезарное,
Лучезарное, иноземное,
Любо там тебе? В молодых летах
На заморский край мы в раек глядим,
Блеском радужным я прельщался сам;
Но из-за моря все домой глядел,
Нет утех прямых, мне казалось, там,
Где нельзя ими поделиться с кем!
Где пролить нельзя животворный дух
Счастья русского в недры русские,
С кем поддержишь там богатырску речь?
С кем отважную грянешь песенку?
Исполинский дух наших отчичей
Во чужих землях людям кажется
Сверхъестественным исступлением!
Да и как ему не казаться так?
Во чужих землях все по ниточке,
На безмен слова, на аршин шаги.
Там сидят, сидят да подумают,
А подумавши, отдохнуть пойдут,
Отдохнувши уж, трубку выкурят
И, задумавшись, работать начнут,

Нет ни песенки, нет ни шуточки,
А у нашего, православного,
Дело всякое между рук горит,
Разговор его — громовой удар,
От речей его искры сыплются,
По следам за ним коромыслом пыль!
Уже в горести мне мечтается,
Что смотря на твой восхищенный взгляд,
Слыша быструю речь российскую,
Иноземец мой бельмы вытрапил
И веревками запасается...
Горько стало мне, удаленному,
Представлять тебя в пеленах таких,
Поднялась было грудь... Я вздох сдержал,
Но живой слезы капля теплая
Из-под вежд моих вырывается,
Оживленная чистой радостью,
Скоро катится вдоль по грамотке,
Ищет местечка успокоиться
И на том самом стала трепетно,
Где написано было: «Счастлив я».

Растворенное счастье радостью
Сообщением умножается!
Не смывается слово милое
Каплей теплою слез приятельских,
Но черты его увеличились,
Распростерся их цвет торжественный¹.
Вдруг прозрачная и блестящая,
Прибежавшая к слову капелька,
Встрепенувшись, облачилась
В ризу счастья, в пурпур дружества
И с торжественным шумом неким
За собой влечет свой безмерный шлейф...

Тут меня уж как пронял смех такой!
Пошла... Ишь, барыня, поди, ну Бог с тобой.
И что за шлейф! Что за покрой!
Ведь мне пора

¹ А просто сказать, расплылись чернила орешковые. (*Примеч. авт.*)

С двора
Долой:
В Кремле поставить трон златой,
На нем несгладивой чертой
Везде я напишу «Л...»,
Которой будет к нам весной,
Так я обязан головой
С моей отеческой страной
Исправным в срок явиться,
Чтоб счастьем русскому чин чином о Святой
Где было воцариться.

Полиметрическая композиция.

I звено — 81 стих: 2-стопный пентон III — «кольцовский пяти-
сложник», астрофический белый стих со сплошными женскими оконча-
ниями XXX... В XVIII в. этот стихотворный размер называли «сугубый
амфиврахий».

II звено — 15 стихов: вольный хорей 1—6, астрофический стих
вольной рифмовки. Переходная форма к микрополиметрии (1-й стих
в этом звене поддерживает ритмическую инерцию, заданную в I зве-
не — 2-стопного пентона III).

В 23-м стихе в слове «платие» [и], по-видимому, следует считать
неслоговым.

М. Н. Муравьев

Богине Невы

Протекай спокойно, плавно,
Горделивая Нева,
Государей зданье славно
И тенисты острова!

Ты с морями сочетаешь
Бурны росски озера
И с почтеньем обтекаешь
Прах Великого Петра.

В недрах моря Средиземна
Нимфы славятся твои:

До Пароса и до Лемна
Их промчались струи.

Реки гречески стыдятся,
Вспоминая жребий свой,
Что теперь в их ток глядятся
Бостанжи с кизляр-агой;

Между тем как резвых граций
Повторяешь образ ты,
Повергая дани наций
Пред стопами Красоты.

От Тамизы и от Тага
Стая мчится кораблей,
И твоя им сродна влага
Расстиляется под ней.

Я люблю твои купальни,
Где на Хлоиных красах
Одеянье скромной спальни
И амуры на часах.

Полон вечер твой прохлады —
Берег движется толпой,
Как волшебной серенады
Глас приносится волной.

Ты велишь сойти туманам —
Зыби кроет тонка тьма,
И любовничьим обманам
Благосклонствуешь сама.

В час, как смертных препроводишь,
Утомленных счастьем их,
Тонким паром ты восходишь
На поверхность вод своих.

Быстрой бегом колесницы
Ты не давишь гладких вод,
И сирены вокруг царицы
Поспешают в хоровод.

Въявь богиню благосклонну
Зрит восторженный пиит,
Что проводит ночь бессонну,
Опершися на гранит.

1794

4-стопный хорей, 4-стишия АbАb.

Ю. А. Нелединский-Мелецкий

Отрывок письма к Ал. Вас. Нарышкину, из Петербурга в Москву 1782 года

Покоя мать, ночь темная проходит,
И шествует пролить свой благотворный дар
На часть другую мира.
Вокруг меня вся тварь еще во власти сна;
Но вскоре нежный свет предшественницы солнца
Проникнет до зениц сомкнутых сном очей,
В сей мирный час к тебе, Нарышкин, я пишу!
Кю пробуждению готовятся природы,
Я на тебя склонил мою бродящу мысль.
Тебе, от суеты мирския отчужденну,
Малейши действия приятны естества:
В сей час тебя с собой сидяща воображаю,
И в общей тишине вещей порядку внемля,
Я мню, что мой восторг со мною ты делишь.
Но истинного нет средь градов наслажденья!
Повсюду в них душе и зрению предел.
Взор алчущий вотще нагой природы ищет,
Во всех местах ее насильствуему зрит,
И утомляется, не ощутив отрады.
Такие ль чувства имеет житель сел?
Не тот, которого судьбина угнетая,
И кроме сил всего безжалостно лиша,
Кю услужению подобных осудила...
Но смертный счастливый, в довольстве живший век,
Душой чувствительной, рассудком одаренный,
Сей цену познает естественных красот.
Но нет — вверяся стремлению сердечну,

Картиной счастья, нам чуждого с тобой,
Не стану отравлять твоих я наслаждений.

1782

6-стопный ямб, астрофический белый стих с регулярным чередованием мужских и женских окончаний ХхХхХх...

6-й стих нарушает порядок чередования каталектик.

Н. П. Николев

Послание

к князю Николаю Михайловичу Козловскому

〈Фрагмент〉

Ты хочешь знать, Козловский милый,
Участник сердца моего,
Как мир, еще мне не постылый,
(Винюсь, винюсь, держусь его)
Я всякий год весной и летом
Могу оставя не скучать?
Как расстанусь с большим я светом?
На это стану отвечать.
В пустыне той, где, устранися
От шумных городских сует,
Красами естества пленяся,
Я забываю гордый свет,—
Там, слава божии щедроты,
Среди веселыя заботы
Весну и лето я живу;
То в луг иду смотреть траву,
Каков подсед, густа ль засела,
Бояся, чтоб не подопрела,
Велю в саду ее косить,
Для сушки по холмам сносить,
И тем дав корню прохладенье,
Предупреждаю поврежденье,
Могущее случиться ей
От лишней густоты своей;
А следуя сему уставу,
Сбираю добрую отаву
С поречных я моих лужков.

То на поля пустясь с берегов,
Не четвернею и не цуком,
Их новым угобжаю туком,
Вранами разбиваю ком
Или дроблю его катком...
Тебе, Голицын! подражая
И на минуту вображая,
Что трудность всю превозмогу,
Что будто бы и я могу
С моей хозяйкой, слепотою,
Идти с тобой одной чертою!
<...>

<1797>

4-стопный ямб, астрофический стих вольной рифмовки.

М. М. Херасков

К Евтерпе <Фрагмент>

В невежестве душа донине погруженна
Из мрачности парит,
Как будто бы свеща передо мной возженна,
Святая истина горит.

Познал я суету и лживу прелесть счастья,
И преходящую высоких титлов тень.
Они подобие осеннего ненастья,
Пременного сто раз в единый день.

О! разнovidная мечта непросвещенных,
Слепое счастье, скажи мне, что ты есть?
Ты кажешь умными людей, ума лишенных;
В бесчестных кажешь честь.

Отрава лютая и язва смертных рода,
Превратность естества,
Тобой взволнована приятная природа,
Ты ужас божества.

А ты, участница невинных рассуждений,
О! собеседница в учении моем,
Не знаешь сердца ты всеобщих повреждений
И рассуждаешь ты разумно обо всем.

Скажи, Евтерпа, мне, не тако ли ты мыслишь,
Что все обмануты мы счастья мечтой?
Я ведаю, что ты не в титлах счастье числишь
И не в казне златой.

⟨...⟩

⟨1763⟩

Вольный ямб 3—6, 4-стишия АbАb.

Песня

М. И. Попов

* * *

Я люблю тебя и стражду,
И отрады не сыщу;
Зреть тебя всегда я жажду,
И очей не насыщу;
Быть хочу всегда с тобою,
И с тобой всегда вещать,
И твоею красотою
Мой тревожный дух прельщать.

Жизнь с тобою провождати,
Нет утехи мне иной;
И тебе противным стати —
Нет мне горести другой;
Ты едина составляешь
Радость и печаль мою;
Ты едина заставляешь
Речь сказать меня сию.

Всё с тобою мне приятно;
Мне и мука не тяжка;
Без тебя же всё превратно,
И утеха не сладка.
Ты мне радость усугубишь,
Коль приязнию почтишь,
И совсем меня погубишь,
Если пламень мой презришь.

⟨1765⟩

4-стопный хорей, 8-стишия AbAbCdCd.

М. М. Херасков

Песенка

Что я прельщен тобой,
Чему тому дивиться, —
Тебе красой родиться
Назначено судьбой.
Прекрасное любить —
Нам сей закон природен,
И так я не свободен
К тебе несклонным быть.
Ты сделана прельщать,
А я рожден прельщаться,
На что же нам стараться
Природу превращать?
Я жертвую красе,
Ты жертвуй жаркой страсти,
Естественныя власти
Свершим уставы все.

⟨1763⟩

3-стопный ямб, неразделенные 4-стишия аВВа.
На границе строф нарушено правило альтернанса.

И. Ф. Богданович

Стихи

(Подражание италиянским)

⟨Фрагмент⟩

О грозная минута!
Прости, драгая Ниса!
Я буду жить в разлуке,
Но как я буду жить!
Всегда в тоске я буду:
Прошли мои забавы,

Прошли... И кто уверит,
Что помнишь ты меня?

С тобою разлучившись,
Я мысли устремляю
Вослед тебе, драгая,
И тем питаю дух.
Везде умом с тобою,
Везде тебя я вижу,
Везде... Но кто уверит,
Что помнишь ты меня?

В полях, в лугах и в рощах
Кричу, зову я Нису;
Но лес не отвечает,
Где скрылась Ниса, где?
С зари до темной ночи
Зову тебя повсюду,
Зову... Но кто уверит,
Что помнишь ты меня?

⟨...⟩

⟨1773⟩

3-стопный ямб, 8-стишия XXXhXXXh.

Последние два стиха каждой строфы составляют неполный рефрен: первое слово 7-го стиха варьируется.

Это стихотворение представляет собой вольный перевод канцонетты итальянского поэта и драматурга Пьетро Метастазियो «La Partenza» (см.: *Серман И. З.* Примечания // *Богданович И. Ф.* Стихотворения и поэмы. Л., 1957). Оригинал написан 7-сложным размером, который в итальянской традиции имеет отчетливую ямбическую инерцию (см.: *Гаспаров М. Л.* Очерк истории европейского стиха. М., 2003. С. 105, 216); в строках с мужским окончанием объем стиха усекается до 6-сложника. Таким образом, избранный Богдановичем стихотворный размер, при котором строка состоит из 6 или 7 слогов, в зависимости от характера каталектики, в рамках силлабо-тонического стихосложения является наиболее близким структурным аналогом силлабического размера, использованного Метастазियो.

Строфа, представленная в итальянском оригинале, также состоит из 8 стихов, однако является полурифмованной (ХААAbCCxb, последние две строки — рефрен), поэтому можно считать, что с точки зрения строфической организации к оригиналу ближе другой перевод этого же стихотворения, выполненный Крюловым.

Г. Р. Державин

* * *

Я лишась судьбой любезного,
С ним утех, веселья, радости,
Среди века бесполезного
Я не рада моей младости.
Пролетай ты время быстрое
Быстротой стократ скорейшею;
Помрачись ты небо чистое
Темнотой в глазах густейшею.

Мне равно жить без любезного
Что во свете, что в пустынной тьме,
Мне минута века слезного
Дней скучные тысячи в уме.
Ты отрада дней мучительных
В тоске, в грусти облегченье мне,
Вид, о! мыслей восхитительных!
Где ты, во которой стороне?

Посреди ли ветра шумного;
Посреди ли степи знойной ты?
Посреди ли моря буйного;
Где твои сокрылись красоты?
Пролетая всю вселенную,
Мыслями тебя везде ищу,
Тебя в душу распаленную,
Возвратись, любезный, заключу.

4-стопный хорей, 8-стишия А'В'А'В'С'D'С'D'.

В популярный размер имитаций русского народного стиха — 4-стопный хорей с дактилическими окончаниями — Державин одним из первых вводит рифму. Во II и III строфах окончания четных стихов несут сверхсхемные ударения.

Можно квалифицировать метрико-строфическую структуру этих строф и иначе: как разностопный хорей 45 со схемой рифмовки А'ЬА'ЬС'dC'd — что, однако, противоречит отчетливой ритмической инерции, заданной в I строфе.

И. И. Дмитриев

* * *

Всех цветочков боле
Розу я любил;
Ею только в поле
Взор мой веселил.

С каждым днем милее
Мне она была;
С каждым днем алее,
Всё как вновь цвела.

Но на счастье прочно
Всяк надежду кинь:
К розе, как нарочно,
Привилась полынь.

Роза не увяла —
Тот же самый цвет;
Но не та уж стала:
Аромата нет!..

Хлоя! как ужасен
Этот нам урок!
Сколь, увы! опасен
Для красоты порок!

⟨1795⟩

3-стопный хорей, 4-стишия АbАb.

Н. М. Карамзин

Военная песнь

В чьих жилах льется кровь героев,
Кто сердцем муж, кто духом росс —
Тот презри негу, роскошь, праздность,
Забавы, радость слабых душ!

Туда, где знамя брани веет,
Туда, где гром войны гремит,
Где воздух стонет, солнце меркнет,
Земля дымится и дрожит;

Где жизнь бледнеет и трепещет;
Где злобы, клятвы, ада дочь,
Где смерть с улыбкой пожирает
Тьмы жертв и кровь их жадно пьет, —

Туда спеши, о сын России!
Разить бесчисленных врагов!
Как столп огня, палящий нивы,
Теки, стремись по их рядам!

Перуном будь, и стрелы грома
Бросай на них и всех губи!
Да в буре гнева глас промчится:
Умри, умри, России враг!

Губи! — Когда же враг погибнет,
Сраженный храбростью твоей,
Смой кровь с себя слезами сердца:
Ты ближних, братий поразил!

1788

4-стопный ямб, 4-стишия ХхХх.

И. А. Крылов

Мой отъезд (Песня) 〈Фрагмент〉

Уже близка минута
Разлуки моя;
Прости, прости, Анюта,
Уж скоро еду я.
Расставшись с тобою,
Расстанусь я с душою;
А ты, мой друг, кто знает,
Ты вспомнишь ли меня.

Позволь мне в утешенье
Хоть песенкою сей
Открыть мое мученье
И скорбь души моей.

Пусть за меня в разлуке
Она наполнит муки, —
А ты, мой друг, кто знает,
Ты вспомнишь ли меня.

Моря переплывая,
Меж камней, между гор,
Тебя лишь, дорогая,
Искать мой станет взор.

С кем встречу, лишь одною
Займу его тобою;
А ты, мой друг, кто знает,
Ты вспомнишь ли меня.

⟨...⟩

⟨1793⟩

3-стопный ямб, 8-стишия АbАbССRг.

Последние две строки каждой строфы представляют собой рефрен и могут быть квалифицированы как сквозные тавтологические рифмы, объединяющие все строфы стихотворения. В I строфе 2-я строка рефрена зарифмована — как в оригинале: АbАbССХb.

Перевод канцонетты итальянского поэта и драматурга Пьетро Метастазіо «La Partenza». Ср. перевод того же стихотворения, выполненный И. Ф. Богдановичем.

Н. А. Львов

**Песнь норвежского витязя Гаральда Храброго,
из древней исландской летописи Книтлинга сага,
господином Маллетом выписанная
и в «Датской истории» помещенная,
переложена на русский язык
образом древнего стихотворения
с примеру «Не звезда блесит далече во чистом поле...»
⟨Фрагмент⟩**

Корабли мои объехали Сицилию,
И тогда-то были славны, были громки мы.

Нагруженный мой черный корабль дружиною
Быстро плавал по синю морю, как я хотел.
Так, любя войну, я плавать помышлял всегда;
А меня ни во что ставит девка русская.

Я во младости с дронтейцами в сраженьи был,
Превосходнее числом их было воинство.
О! куда как был ужасен наш кровавый бой!
Тут рукой моею сильной, молодецкою
Положен на ратном поле молодой их царь;
А меня ни во что ставит девка русская.

Нас шестнадцать только было в корабле одном.
Поднялась тогда на море буря сильная,
Нагруженный наш корабль водой наполнился,
Но мы дружно и поспешно воду вылили,
И я с той поры удачи стал надеяться;
А меня ни во что ставит девка русская.

⟨...⟩

1793

6-стопный хорей, безрифменные 6-стишия со сплошными дактилическими окончаниями X'X'X'X'X'R'.

Последний стих строфы — рефрен.

Частые пропуски метрических ударений на 1-й, 3-й и 5-й стопах создают отчетливую пеоническую инерцию и позволяют квалифицировать стихотворный размер этого текста как 3-стопный пеон III (UU—UUU—UUU—UU). Из 18 стихов, составивших этот фрагмент, 4 имеют сверхсхемные ударения на клаузулах.

Ночь в чухонской избе на пустыре

⟨Фрагмент⟩

Волки воют... ночь осенняя,
Окружая мглою темною
Ветхой хижины моей покров,
Посреди пустыни мертвые
Множит ужасы — и я один!
Проводя в трудах ненастный день,
И в постели одиноческой

Я надеялся покой найти;
Но покой бежит от хижины,
Где унынье прерывается
Только свистом ветра бурного!
Отворю, взгляну еще в окно —
Не мерещится ль заря вдали?
Не слышать ли птицы бодрственной,
Возбуждающей людей на труд?
Не поет ли вестник утренний?
Воют волки... ночь ненастная
Обложила все лице земли
Хладом-ужасом — и я один!
<...>

1797

4-стопный хорей, астрофический белый стих со сплошными дактилическими окончаниями.

Поскольку на 2-й стопе метрические ударения не пропускаются ни разу, 4-я стопа — ударная константа, а 1-я и 3-я стопы часто оказываются безударны, ритм этого текста приобретает отчетливую пеоническую инерцию (⊖ ⊖ — ⊖ ⊖ ⊖ — ⊖), и его стихотворный размер может быть квалифицирован как 2-стопный пеон III.

Из 19 строк, составивших этот фрагмент, 8 имеют сверхсхемные ударения на клаузуле.

Имитация народного стиха.

Песня

Как, бывало, ты в темной осени,
Красно солнышко, побежишь от нас,
По тебе мы все сокрушаемся,
Тужим, плачем мы по лучам твоим.

А теперь беги, солнце красное,
На четыре ты на все стороны;
Мы без скуки все рады ждать тебя
До самой весны до зеленя.

Ведь другое к нам солнце катится,
Солнце красное, наше родное,
Неизменный наш тих светел месяц
На крылах любви поспешает к нам.

Ты спеши, спеши к нам, наш милый друг,
Наше рѳдное солнце красное,
Неизменный наш тих светел месяц,
Опускайся к нам, своим детушкам.

По тебе мы все стосковались,
Насмотреться дай на лицо твое,
Дай послушаться нам речей твоих
Всем от старого и до малого.

1790-е годы

2-стопный пентон III («кольцовский 5-сложник»), безрифменные 4-стишия со сплошными дактилическими окончаниями X'X'X'X'.

В XVIII в. этот стихотворный размер называли «сугубый амбиврахий».

В 11-м и 15-м стихах за синкопами на 4-й стопе следуют сверхсхемные ударения на клаузулах. Переакцентуация нехарактерна для русского литературного стиха, зато часто встречается в фольклорных текстах. В сочетании с данным стихотворным размером является одним из приемов передачи ритмических особенностей народного стиха.

А. П. Сумароков

* * *

〈Фрагмент〉

Благополучны дни
Нашими временами;
Веселы мы одни,
Хоть нет и женщин с нами:
Честности здесь уставы,
Злобе, вражде конец,
Ищем единой славы
От чистоты сердец.

Гордость, источник бед,
Распрей к нам не приводит,
Споров меж нами нет,
Брань нам и в ум не входит;
Дружба, твои успехи

Увеселяют нас;
Вот наши все утехи,
Благословен сей час.

Мы о делах чужих
Дерзко не рассуждаем
И во словах своих
Света не повреждаем;
Все тако человеки
Должны себя явить,
Мы золотые веки
Тщимся возобновить.

⟨...⟩

1730-е годы

Стопный логоэд на основе 3-иктного дольника: — ∪ ∪ — ∪ — (∪),
8-стишия аВаBCdCd.

В XVIII в. такие стихи считались состоящими из разнородных стоп — дактиля и хорей, а потому именовались «дактило-хорейческими».

И внутри, и на границе строф нарушено правило альтернанса.

* * *

О места, места драгие!
Вы уже немилы мне.
Я любезного не вижу
В сей прекрасной стороне.
Он от глаз моих сокрылся,
Я осталася страдать
И, стенья, не о любезном —
О неверном вздыхать.

Он игры мои и смехи
Превратил мне в злу напасть,
И, отнявши все утехи,
Лишь одну оставил страсть.
Из очей моих лиется
Завсегда слез горьких ток,
Что лишил меня свободы
И забав любовных рок.

По долине сей текущи
Воды слышали твой глас,
Как ты клялся быть мне верен,
И зефир летал в тот час.
Быстры воды пробежали,
Легкий ветер пролетел,
Ах! и клятвы те умчали,
Как ты верен быть хотел.

Чаю, взор тот, взор приятный,
Что был прежде мной прельщен,
В разлучении со мною
На иную обращен;
И она те ж нежны речи
Слышит, что слыхала я,
Удержися, дух мой слабый,
И крепись, душа моя.

Мне забыть его не можно
Так, как он меня забыл;
Хоть любить его не должно,
Он, однако, всё мне мил.
Уж покою томну сердцу
Не имею никогда;
Мне прошедшее веселье
Вображается всегда.

Весь мой ум тобой наполнен,
Я твоей привыкла слыть,
Хоть надежды я лишилась,
Мне нельзя престать любить.
Для чего вы миновались,
О минуты сладких дней!
А минув, на что остались
Вы на памяти моей.

О свидетели в любви
Тайных радостей моих!
Вы то знаете, о птички,
Жители пустыней сих!
Ипускайте глас плачевный,
Пойте днесь мою печаль,

Что, лишась его, я стражду,
А ему меня не жаль!

Повторяй слова печальны,
Эхо, как мой страждет дух;
Отлетай в жилища дальны
И трони его тем слух.

1740-е годы

4-стопный хорей, нетождественные строфы: 8-стишия (7 строф) и 4-стишие (1 строфа АbАb).

8-стишия полурифмованные трех различных схем, которые регулярно сменяют друг друга: ХаХаХbХb (строфы I, IV, VII), АbАbХсХс (строфы II, V), ХаХаВсВс (строфы III, VI).

* * *

Прости, моя любезная, мой свет, прости,
Мне сказано назавтрее в поход ийти;
Не ведомо мне то, увижусь ли с тобой,
И ты хотя в последний раз побудь со мной.

Покинь тоску, иль смертный рок меня унес?
Не плачь о мне, прекрасная, не трать ты слез.
Имей на мысли то к отраде ты себе,
Что я оттоль с победою приду к тебе.

Когда умру, умру я там с ружьем в руках,
Разя и защищаяся, не зная, что страх;
Услышишь ты, что я не робок в поле был,
Дрался с такой горячностью, с какой любил.

Вот трубка, пусть достанется тебе она!
Вот мой стакан, наполненный еще вина;
Для всех своих красот ты выпей из него,
И будь ко мне наследницей лишь ты его.

А если алебарду заслужу я там,
С какой явлюся радостью к твоим глазам!
В подарок принесу я шиты башмаки,
Манжеты, опахало, щегольски чулки.

1770

6-стопный ямб, 4-стишия aabb.

Редкий для русской поэзии случай бесцезурного 6-стопного ямба.
Правило альтернанса не соблюдается.

* * *

Не гордитесь, красны девки,
Ваши взоры нам издевки.
 Не беда.
Коль одна из вас гордится,
Можно сто сыскать влюбиться
 Завсегда.
Сколько на небе звезд ясных,
Столько девок есть прекрасных.
Вить не впрямь об вас вздыхают,
 Всё один обман.

⟨1781⟩

Вольный хорей 2—4, астрофический стих вольной рифмовки.
Последние два стиха безрифменные.

Песня XVI

Когда безстрастна ты, мой свет, в очах друга,
Он смотрит на тебя с почтением одним.
Пусть тот из уст твоих не слышит жарка слова,
И мучит то ево, не властвуешь ты им.
Но ах моей душою,
Не твой ли взор владел,
Как звать тебя своею,
Я щастие имел?

Владеешь и теперь равно ты мной как прежде,
Равна в моих глазах и страсть моя нова,
Где вы протекши дни в утехах и надежде?
Куда девались вы и нежные слова?
Без чувства внимаешь,
И речь мою и стон,
Все хладно принимаешь,
Прошел мой сладкий сон.

Вспомни те часы, в которы сердцем тая,
Желала проводить весь век свой ты со мной,
В которы средь забав минуты пролетая,
Казались коротки когда я был с тобой.
И очи то казали,
Как я тобой любим,
Ни разу не сказали,
Что мил не буду им.

Возмог ли б о тебе заочно я поверить,
Что ты против меня так стала холодна,
Но мне мои глаза не могут лицемерить;
Моя лишь только кровь горит теперь одна.
Не только разговоров
Лишился я твоих,
Лишен твоих я взоров,
Не вижу страсти в них.

До ныне думал я, что мне твой нрав известен,
Ан нет известно то, что суетно люблю.
Колико мне твой взор, дражайшая прелестен,
Толико я теперь мучения терплю.
Но слово хоть и ложно,
И жар твой ныне лжив,
Забуть тебя не можно,
Доколе буду жив.

Разностопный ямб 66663333, 8-стишия AbAbCdCd.

Песня XXIII

Прошли те дни как был я волен;
Но я их не могу жалеть.
Неволей я своей доволен,
И сердцу не пречу гореть,
Твой взор со мной мой дух питаю,
Хоть где твоих не вижу глаз.
Люблю тебя, люблю драгая,
И мышлю о тебе всяк час.

Взаимным жаром ты пылаешь:
Мне в радостях препятствия нет:
Как страстен я тобой, ты знаешь,
Я знаю о тебе мой свет.
Играй о сердце, сердцем нежно,
И взором, что взор мой привлек!
Теки о время безмятежно,
В забавах через весь мой век!

Будь мне верна и не переменна:
Люби, как зачала любить!
А ты не будешь мной забвенна,
Доколе буду в свете жить.
Чтоб скучил я когда тобою,
Того ты ни когда не мни.
Пленен твоею красотою
В минуту: но на все я дни.

4-стопный ямб, 8-стишия AbAbCdCd.

Стансы

Я. Б. Княжнин

Стансы богу

Источник жизни! благ податель!
К тебе, о боже! вопию;
И пред тобою, мой создатель!
Мою всю душу пролию.

Премудрости наполни светом
Мою к тебе парящу мысль!
Имущего тебя предметом,
Меня к своим рабам причисль.

К рабам?.. Рабов ты не имеешь:
Отец тебя любящих чад,
Ты благостью одной владеешь,
И власть твоя полна отрад.

Вотще тебя себе подобным
Соделать смертные хотят,
Суровым, грозным, гордым, злобным,
С собою ставя бога в ряд.

Не верю я сердцам сим диким,
Которы, лютостью одной
Тебя являя нам великим,
Не твой нам кажут образ — свой.

Всяк час ты ложь их обличаешь
Пучиною твоих щедрот
И милостью опровергаешь
Угрюмых мудрецов довод.

Ты кротко солнцу рек: «Навеки,
Блистая, провещай творца;
Да зрят всечасно человеки
Меня в щедроте без конца».

Всяк день то солнце повторяет,
Сей благодати твоей залог,
И вся природа нам являет,
Что бог не может быть не бог.

Лишь только мы, неблагодарны,
Не чувствуя твоих щедрот,
То слабы, то высокопарны,
Крушим страстями свой живот.

Ты, смертным даровав свободу,
К блаженству тьму путей открыл;
Одним веселием природу
Своей ты власти покорил.

А если иногда печали
Дают вкушать нам горький яд,
Не виновен ты, что мы создали
Себе из рая страшный ад.

Не ты виновен, что мы, люди,
Желая все богами быть,
Вздывая гордо наши груди,
Себя дерзнули позабыть.

Тобой творенны наслаждаться,
Превыше мы себя летим
И мудростью с тобой равняться
В своем безумствии хотим.

Чувствительность! о дар божествен!
Ты нас прямой ведешь к концу,
И крыл твоих полет торжествен
Возносит сердце ко творцу.

Творец! тебя понять не тщуся,
Всею душою, как отца, любя;

Кто ты, о том я не крушуся,
С восторгом чувствуя тебя.

Ты был, ты есть, ты вечно будешь, —
То небо и земля твердят;
Я есмь, меня не позабудешь, —
Мои все чувства то гласят.

⟨1780⟩

4-стопный ямб, 4-стишия АbАb.

И. Ф. Богданович

* * *

(Дактилическими стихами)

Не стремись, добродетель, напрасно
Людей от неправды унять:
В них пороки плодятся всечасно,
Нельзя их ничем исправлять.

Справедливость не раз без заплаты
Являла несчастны следы, —
Времена, пролетая, крылаты
Влекут и встречают беды.

Упаси, о Всевышний Содетель,
Покрой в непорочных сердцах
Утесненную злом добродетель,
Всели в беззаконных Твой страх.

⟨1761⟩

Строчный логгад на основе 3-стопного трехсложника с переменной анакрузой: $\cup\cup-\cup\cup-\cup\cup-\cup/\cup-\cup\cup-\cup\cup-/\cup\cup-\cup\cup-\cup\cup-\cup/\cup-\cup\cup-\cup\cup-$, 4-стишия АbАb.

Нечетные стихи 3-стопного дактиля регулярно чередуются с четными стихами 3-стопного амфибрахия. Под «дактилическими стихами» поэт в данном случае подразумевает вообще стихи, написанные трехсложниками.

Г. Р. Державин

Стансы Кларисе

Зефиры нежны прилетели,
Пришла прекрасная весна;
С пригорков воды зашумели,
Повсюду зелень расстлана.
При восходе утренней зарницы
Поют по рощам звонко птицы,
И все мой дух в восторг ведет;
Но что в тебе, Клариса, зрится?
Румяна роза застыдится,
Лилеи побледнеет цвет.

Ты разумом пленяешь боле,
Чем прелестью весна своей;
Живешь ты в страстном сердце доле,
Чем луч скользящий сверх зыбей.
Твой взор лазурнее эфира,
Твой вздох приятнее зефира,
Ты слаще соловья поешь.
Шлет пурпуры тебе Аврора,
Цветы и ароматы Флора;
Ты царствуя средь их цветешь!

О! если б только тем сравнилась
С молодой и нежной ты весной,
Чтобы ко мне так преклонилась,
Как ветвь с блистающей росой!
Тогда б я, жар мой прохлаждая
В тени блаженств, любовь вкушая,
На лоне век твоим почил,
Или златым пчелам подобно
Летал во время лишь способно
И с роз твоих бы нектар пил!

(1800)

4-стопный ямб, 10-стишия AbAbCCdEEEd.
Одическая строфа.

С. С. Пестов

Станс

Чем отличаются начальники от подчиненных

Когда начальники в пиру где подопьют,
Не пьяными тогда — веселыми зовут.
Коль на кого они сердиты, злы, брюзгливы,
Тогда все говорят: они в том справедливы.
Когда природа их обидела умом,
Не смеет и тогда никто сказать о том.
Их добродушными зовут, не дураками,
Их прѳстыми все чтут, уж худо — простяками.
Хотя бы ничего не делали в суде,
За леность и тогда не обнесут нигде,
И подчиненных труд одним лишь им припишут,
Не зная, кончат кой тем, имя что подпишут.

⟨1789⟩

6-стопный ямб, астрофический стих парной рифмовки с регулярным чередованием мужских и женских окончаний.

А. А. Ржевский

* * *

Хоть нет надежды мне любить,
Хоть я вотще тобой прельщаюсь,
Но страсть не можно истребить,
Хоть истребляти я стараюсь.
Ах, нет на то довольно сил!
Твой взор мне больше жизни мил.

Чем больше мне любить тебя
Судьбина наша запрещает,
Тем более, твой взор любя,
Моя горячность возрастает,
Тем больше рушится покой,
Тем больше я прельщен тобой.

С судьбой я мысли соглашал,
Тебя я долго удалялся;
Но тем любовь лишь умножал
И, ей противясь, терзался.
Хоть нет надежды никакой,
Однако век пребуду твой.

Любезная! то знаю я,
Что век тобой любим не буду;
Но сколь продлится жизнь моя,
Тебя, драгая, не забуду.
Хоть тщетно взор тобой прельщен,
Я для тебя на свет рожден.

(1761)

4-стопный ямб, 6-стишия аВаВсс.
На границе строф нарушено правило альтернанса.

* * *

Я счастья сего на свете не желаю,
Чтоб чином был большим когда-нибудь почтен,
Я не стараюсь быть славой вознесен,
И всё то получить я случаи теряю.

Ни золото, ни серебро меня не обольщает,
Хоть буду беден я, не буду я тужить.
Не тем прельщаюсь я, не так хочу я жить,
Не эта часть меня на свете сем пленяет.

Ищу единого я в жизни сей покою,
А более ничто мой дух не веселит.
Покой мой только в том едином состоит,
Чтоб был драгой любим и вместе жил с драгою.

1762

6-стопный ямб, 4-стишия AbbA.
На границе строф нарушено правило альтернанса.

А. П. Сумароков

Станс

〈Фрагмент〉

Сам себя я ненавижу,
Не страшуся ничего;
Окончания не вижу
Я страданья моего.
Сердце стонет,
Взор мой тонет
Во слезах и день и ночь.
Дух томится,
Солнце тьмится,
В полдень убегая прочь.

Скройся, солнце, ты навеки,
Скройся, солнце, от меня!
Проливайтесь, слез реки,
Горький ток из глаз гоня!
Я несчастен,
Всем причастен
Мукам, кои в свете есть!
Все имею;
Не умею
Более терзанья несть.

Разрываются все члены, —
И теснится грудь моя.
Я не зрю бедам премены
И не жду уже ея.
И такую
Злой тоскою
Во отчаянье введен,
Что я люту
Ту минуту
Проклинаю, как рожден.

〈...〉

〈1768〉

Разностопный хорей 4444224224, 10-стишия AbAbCCdEEEd.
Дериват одической строфы.

И. И. Хемницер

Стансы на суету

Всё суета на свете сем,
Всё горести, всё беспокойство,
Всё пустота и неустройство,
Прямого блага нет ни в чем.
Рождаемся мы с суетою,
Не знаем и живя покою,
Мы в суете век проживаем
И с суетою умираем.
Мы с суетой на свет исходим,
Живем и с суетой отходим.

И сих велика тьма сует,
Которою наполнен свет,
И бездна их непостижима,
Во всех бывая действиях зрима.
Куда мы только поглядим —
Везде мы суету встречаем.
И что мы в свете ни творим,
Лишь суету мы исполняем.
Во градех суета, в селáх,
При жизни мирной и в войнах.

Такого состоянья нет,
Где б суета не пребывала
И власть свою не означала.
Всё за собой ее влечет,
Она в сем свете управляет,
Она рождает, созидает,
Она одна сей движет свет.

4-стопный ямб, нетождественные строфы: 10-стишия (2 строфы)
и 7-стишие (1 строфа) aBВаCCDDEE + ffGGhIhIjj + kLLkMMk.

Внутри 1-й строфы, а также на границе 2-й и 3-й строф нарушено
правило альтернанса.

М. М. Херасков

Станс г. Руссо

Смертный в жизни представляет
Зеркало тоски и бед;
Лишь родится, он рыдает,
Так как скорбь предузнает.

Слезы в юности всечасно
Без причины отрок льет;
Там учитель занапрасно
Бедного младенца бьет.

Пылка юность повергает
В пучие беды его;
Он любовниц избирает
И не мыслит ничего.

Как возрос, другая лишность
Кратка века часть займет;
Честь, богатство, слава, пышность
Дух колеблет и мятет.

Старика всяк презирает;
Крепость жизни потеряв,
Мучится он и страдает,
Дряхл, задумчив и не здрав.

Мысль мы к мысли прибираем,
Ищем счастья своего,
Наконец все умираем,
Вот родимся для чего.

1760

4-стопный хорей, 4-стишия AbAb со сквозными рифмами: AbAb +
CbCb + AdAd + EbEb + AfAf + GdGd.

Станс, сочиненный в Санкт-Петербурге в 1761 году

Увидя Невские прекрасные струи,
Которые гласят всегда труды Петровы,
Я чувства собирал и силы все мои,
Чтоб имени его сплести венцы лавровы.
Чем больше к пению охоты я вмещал,
Тем меньше сил к тому в себе я ощущал.

Великие дела велику мысль вперяют,
Но пуще вянет плод, чем жар сильней палит.
Взглянув на небеса, понятие теряют.
А Петр, во ум представ, на части ум делит;
Отчаян славные дела его исчислить,
Не петь, но, век дивясь, об них век стану мыслить.

1761

6-стопный ямб, 6-стишия аВаВсс + DeDeFF.

Для соблюдения правила альтернанса на границе строф во втором 6-стишии изменен порядок чередования каталектик.

Стансы 〈Фрагмент〉

Только явятся
Солнца красы,
Всем одеваться
Придут часы.
Боже мой, боже!
Всякий день то же.

К должности водит
Всякого честь;
Полдень приходит —
Надобно есть.
Боже мой, боже!
Всякий день то же.

Там разговоры
Нас веселят;

Вести и ссоры
Время делят.
Боже мой, боже!
Всякий день то же.

Ложь и обманы
Сеет злодей;
Рвут, как тираны,
Люди людей.
Боже мой, боже!
Всякий день то же.

⟨...⟩

1761

2-стопный дактиль, 6-стишия АbАbСС.

Последние два стиха I строфы повторяются в последующих как рефрен. На границе строф не соблюдено правило альтернанса.

Сонет¹

М. Н. Муравьев

Сонет к музам

Исчезните, меня пленявшие мечты!
Владычицы мои, а днесь мои врагини!
Мрачатся предо мной все ваши красоты, —
Оставьте ввек меня, пермесские богини!

Нельзя мне прославлять едиными усты
И бога браней гнев, и ваши благостыни,
И не довлеет мне едиными персты
Касатися меча и вашае святыни.

И како ныне мне зыграти на струнах?
Не обитает Феб в воинственных станах,
Здесь нет пермесских вод, ниже коня крылата.

Я к лире не коснусь дымящейся рукой,
Потребны для стихов и время и покой,
А мука мне моя — трудов одна заплата.

(1775)

6-стопный ямб, сонет аВаВ + аВаВ + ссD + ееD.

Расположение рифм и окончаний соответствует одному из двух канонических вариантов рифмовки классического сонета французского типа. Второй вариант представлен в следующем примере. Во Франции сонеты писались чаще всего 12-сложным стихом; 6-стопный ямб имеет тот же слоговой объем.

¹ См. также: Херасков «Сонет и эпитафия», Ржевский «Сонет и мадригал Либере Саке, актрисе италийского вольного театра».

С. В. Нарышкин

Сонет

Ты, боже, справедлив, на тя я уповаю,
Внемли глас страждущей к тебе души моей,
К тебе единому в стенаньи прибегаю,
Услыши, защити мя правдою своей!

Страдаю; но за что гоним я так? — не знаю,
Жду правосудия слезам и муке сей.
Но если за дела и в казнь то получаю
И правде мне помочь уже нельзя твоей —

Ты, боже, милосерд, оставь мне дело злобно,
Тебе ли отпустить рабу грех неудобно!
Подвигнись милостью и дай бедам конец.

Щедрота мне твоя едино утешенье,
Она против врагов мне будет укрепленье.
Избавь мя, окажи всем, что ты мне отец.

(1760)

6-стопный ямб, сонет AbAb + AbAb + CCd + EEe.

Расположение рифм и окончаний соответствует одному из двух канонических вариантов рифмовки классического сонета французского типа. Сравните с предыдущим примером.

И. А. Крылов

Сонет к Нине

Нет мира для меня, хотя и брани нет;
В надежде, в страхе я; в груди то хлад, то пламень;
То вьюсь я в небесах, то вниз лечу, как камень;
То в сердце пустота, то весь в нем замкнут свет.

Та, кем познал мой дух мучения суровы,
Ни быть рабом, ни быть свободным не велит;
Ни послабляет мне, ни тяготит оковы,
Ни смертью не грозит, ни жизни не сулит.

Гляжу не видя я — и молча призываю;
Ищу погибели — и помощи желаю;
Зову, гоню, клянущу, объемлю тень драгой.

Сквозь слезы я смеюсь; в печалях трачу силы;
И жизнь и смерть равно душе моей постылы —
Вот, Нина, до чего я доведен тобой!

1790-е

6-стопный ямб, сонет аВВа + CdCd + EEd + FFd.

От канонического итальянского сонета это стихотворение отличается тем, что катрены рифмуются по-разному, рифмы в них не повторяются, рифмы в терцетах расположены по схеме французского сонета.

Перевод 104-го сонета Петрарки «Rase non trovo e non ho da far guerra».

В. И. Майков

Графу Григорию Александровичу Потемкину 1775 года сентября 30 дня

Что в Риме Августу был другом Меценат
И что он музам был надежнейшим покровом,
То сами нам они великолепным словом
О славном муже сем поднесь еще гремят.

В тебе они его, Потемкин, ныне зрят,
Во северной стране, в своем жилище новом,
В пространнейшей Москве и в городе Петровом,
Где песнь победную монархине гласят.

Хоть Август был глашен вселенная владыкой,
С Екатериною сравнятся Великой
Не мог бы никогда, то леств была Сената.

Но сколько Августа она превозвышает,
То истина сама вселенной возглашает;
А музы возгласят: ты выше Мецената.

1775

6-стопный ямб, сонет аВВа + аВВа + CCD + EED.

В терцетах нарушено правило альтернанса.

А. В. Нарышкин

Сонет

Чтоб счастьем, живучи, возможным наслаждаться,
Желая всем добра, на свете всех любя,
Чтоб вредным, слабостью, порокам не поддастся,
Все склонности к добру врожденны погубя,

Чтоб век раскаянья в поступках не дожидаться,
С покоем правого пред всеми зреть себя
И просвещающим учением питаться,
А дружбы к обществу людей не истребя,

Любови, другу жизнь и книгам посвящаю:
От них приятных дней себе имети чаю,
От них жду вольных дум, покоя и утех.

Один меня в моих пороках исправляет;
Другие подают мне в знаниях успех;
А первая мои все мысли оживляет.

1761

6-стопный ямб, сонет AbAb + AbAb + CCd + EdE.

Схема рифмовки этого текста представляет собой контаминацию двух типов канонического французского сонета: при «открытой» (перекрестной) рифмовке в катренах предпочиталась «закрытая» рифмовка в терцетах (CCd + EEd), а «открытая» рифмовка в терцетах (как здесь) использовалась в сочетании с «закрытой» (охватной) рифмовкой в катренах.

М. И. Попов

Сонет

О небо! для чего родился человек?
Не для сего ль, чтоб весь он мучился свой век,
Болезни, нищете и злость претерпевая,
Гнушался живота, кончину призывая?

Ах, нет! конечно, нам всецело божество
Не для мучения послало существо,
И разум наш, его преславное творенье,
Не ко вреду нам дан, но в пользу и спасенье.

Сей мир, позорище премудрости небес,
Исполненный всех благ, исполненный чудес,
Устроен нам творцем эдемским райским садом;

Но наши глупости, пороки, суета
И умствований злых и гордых пустота
Преобратили нам его из рая адом.

⟨1769⟩

6-стопный ямб, сонет aaBB + ccDD + eeF + ggF.

В канонических типах сонета парная рифмовка в катренах не употребляется, а рифмы повторяются (по схеме AbAb + AbAb или AbbA + AbbA).

А. А. Ржевский

Сонет

**Три разные системы заключающий:
читай сперва весь по порядку,
потом первые полустишии,
а наконец последние полустишии**

Престанем рассуждать:
Не зрим худого здесь,
Худ, тягостен свет весь,
Нам должно заключать,

добра во многом нет.
в том должно согласиться.
возможно ль утвердиться?
что весь исправен свет.

Почтимся рассуждать;
Мы справедливо днесь
Бед, ссор, болезней смесь, —
«Худым то должно звать», —

здесь счастье растет,
возможем веселиться.
всё к доброму стремится,
безумец изречет.

Худого в свете нет,
Невежа изречет:
Не смысла, говорит,

здесь утешаться можно.
«И счастье есть ложно».
нельзя всего хвалить.

Всё должно презирать,
В незнании кричит:
Долг инак рассуждать,

хоть можно утешаться.
«Есть, есть что похулить»,
в том должно утверждаться.

⟨1762⟩

6-стопный ямб, сонет aBВа + aBВа + CCd + EdE.

Предцезурные окончания зарифмованы, так что текст может быть прочитан как два сонета, написанные 3-стопным ямбом, то есть образованные первыми и вторыми полустушиями 6-стопника. Тогда схема рифмовки первого сонета такова: abba + abba + ccd + ada. Подобные стихотворения-фокусы называются французским термином *vers brisés* (букв. «расколотые стихи»).

В. К. Третьяков

Сонет

Боже мой! твои судьбы правости суть полны!
Изволяешь ты всегда к нам щедротен быти;
Но я тако пред тобой человек зол дольны,
Что уж правде мя твоей трудно есть простити.
Ей, мой господи! грехи что мои довольны,
То не могут и тобой всяко мук избыти:
Ты в моем блаженстве сам будто бы не вольны,
Вся и милость мя твоя хочет погубити.

Буди же по-твоему, то когда ти славно,
Слезы на мои гневись, очи льют что явно;
Ин греми; рази, пора, противна противный.

Чту причину, что тебя так ожесточает;
Но по месту поразишь каковому, дивный?
Мя всего Христова кровь щедро покрывает.

⟨1735⟩

Стопный логоэд на основе 7-стопного хорей с цезурным усечением
— ∪ — ∪ — ∪ — / — ∪ — ∪ — ∪, сонет ABAB + ABAB + CCD + EDE.

Перевод из французского поэта де Барро. Приводится Тредиаковским в «Новом и кратком способе...» как один из примеров «русского героического стиха».

Первый сонет в русском тоническом стихосложении. Правило альтернанса не соблюдено, поскольку в период написания 1-й редакции своего трактата Тредиаковский полагал, что в новом русском стихосложении следует употреблять только женские рифмы.

С. А. Тучков

Сонет. Победители богатства

Играйте, потоки, на мягких лугах,
Птички, вносите вы голос приятно,
Пойте, пастушки, на красных берегах!
Прямо счастливей вы нас многократно! —
Вас не смущают градские мечты,
Вас не прельщают ни честь, ни богатство,
Вас украшают весною цветы,
Вас убегают и лесть и коварство.
Злато не может вспалить вашу кровь,
Вами владеет прямая любовь,
Вами хранятся все права природны,
Вам неизвестно притворными быть,
В свете ж за деньги все можно купить,
Вы злыя власти богатства свободны.

1789

4-стопный дактиль, сонет аВаВсDcDeeFggF.

Переходная метрическая форма к 4-стопному трехсложнику с переменной анакрузой: 1-й стих имеет амфибрахический ритм.

Такая ритмическая структура не только редка в русской поэзии XVIII в., но и крайне нетипична для сонета.

М. М. Херасков

Сонет

Коль буду в жизни я наказан нищетою
И свой убогий век в несчастьи проводить,

Я тем могу свой дух прискорбный веселить,
Что буду ставить все богатство суетою.

Когда покроюся печалей темнотою,
Терпением стану я смущенну мысль крепить;
Чинов коль не добьюсь — не стану я тужить;
Обидел кто меня — я не лишусь покою.

Когда мой дом сгорит или мой скот падет,
Когда имение мое все пропадет, —
Ума я от того еще не потеряю.

Но знаешь ли, о чем безмерно сокрушусь?
Я потеряю все, когда драгой лишусь;
Я счастья в ней ищу, живу и умираю.

⟨1760⟩

6-стопный ямб, сонет AbbA + AbbA + ccD + eeD.

См. выше, комментарий к «Сонету» А. В. Нарышкина.

Рондо

А. П. Бунина

* * *

«Капризы не беда, твердит философ Сава;
Кто над Миленою иметь все будет права,
Тот может видеть их сквозь пальцы, сквозь лорнет,
Тому они, ей, ей, не слишком в дальний вред.
О красоте ея гремит по свету слава».
«А денег! счету нет... ужель при них до нрава?
Оне лицу, душе и разуму приправа,
Запью Шампанским я и в ужин и в обед.
Капризы».
«Червонцы нам в бедах пристанище, забава» —
И вот уже он раб супружеска устава;
И вот живет уже с Миленою пять лет;
И вот Шампанскаго, красот, червонцев нет...
Но что ж осталось? — спокойствия отрава
Капризы.

6-стопный ямб, рондо AAbbAAAbRAAbbAR.
Рефрен 1-стопный.

А. П. Сумароков

Рондо

Не думай ты, чтоб я других ловила
И чью бы грудь я взором уязвила.
Напрасно мне пеняешь ты, грубя.
Я та же всё. Не возмущай себя,
Хотя твое я сердце растравила.
Любовь меня еще не изрезвила,
Неверности мне в сердце не давила.

И что горю другим я кем, любя,
 Не думай ты.
Изменою я мыслей не кривила,
Другим любви я сроду не явила,
Свободу кем и сердце погубя,
Твой страхом дух я тщетно удивила,
Но, чтоб любить я стала и тебя,
 Не думай ты.

⟨1759⟩

5-стопный ямб с цезурой на 2-й стопе, рондо AAbbAAAbAbr.

Рефренные стихи — 2-стопные. 13-й и 14-й стихи нарушают каноническую для рондо последовательность рифм (AAbbA + AAbbr + AAbbAr).

В. К. Тредиаковский

Рондо

Просто поздравлять тебя, Анна несравненна,
Что была сего ты дня в свет произведенна,
Но от сердца и души, лучше помышляю,
Ибо сладкословну речь я сложить не знаю,
Не имея в голове столь ума вложенна.

Умных красно речь хотя в слоге расширенна,
Что ж те больше говорят, здравствуй, как, рожденна?
Тем трудят лишь только ты, как ни рассуждаю
 Просто.

Милости от бога в знак ты нам подаренна;
Вся моя речь правдой сей много украшенна.
Здравствуй, Анна, в долгий век! весел восклещу,
Всех благ, купно ти торжеств я всегда желаю!
С сердцем тако мысль моя право соглашенна
 Просто.

⟨1735⟩

Стопный логоэд на основе 7-стопного хорее с цезурным усечением:

— ∪ — ∪ — ∪ — / — ∪ — ∪ — ∪, рондо AABBA + AABR + AABBAR.

Первый образец рондо в русском тоническом стихосложении. Приводится Третьяковским в «Новом и кратком способе...» как один из примеров «русского героического стиха». Сам Третьяковский определял такую метрическую структуру как «эксаметр хорейский», то есть 6-стопный хорей: последний сильный слог перед цезурой он считал «гиперкатаlecticким» и в счет стоп не включал.

Правило альтернанса не соблюдено, поскольку в период написания 1-й редакции своего трактата Третьяковский полагал, что в новом русском стихосложении следует употреблять только женские рифмы.

Н. П. Николев

К моей лире (Рондо)

Прости, моя любезна лира,
На коей двадцать лет играл
И никогда не похваляя
Гордыни... подлости кумира.
Как в честь гремели ей трубы,
А в славу били барабаны,
Я пел, я пел: «То всё обманы,
Не славят, трусят то рабы,
Страшатся своего кумира».
Прости, моя любезна лира!

Уж больше не коснусь тебе;
Весь мир против меня в алчбе;
Я проклят от порочна мира,
Я правдой нагрубил ему,
А без нее и ты мне, лира,
Не служишь больше ни к чему;
Без правды мне и громки лады
Не могут принести отрады.
Пусть лесь берет венцы себе;
Уж больше не коснусь тебе.

Не я твои согласны тоны
В угоду лжи употреблю.
Не я тиранов восхваляю,
Чьи слухи услаждают стоны,

А звук... звук рабственных цепей
Всю гармонию составляет,
Чьи души зло увеселяет...
Ах! нет, не мой герой злодей.
Хвалить заставлю лжи законы
Не я твои священные тоны.

Прельстясь корыстью и тщетой,
Пускай поэты развращенны
Бесчестят лиры, посвящены
От бога истине святой;
Пусть лжец за колесом несется,
Берет и титлы и серебро,—
Всё то не есть мое добро,
Когда всё то за ложь дается;
Будь счастлив тем не я, другой,
Прельстясь корыстью и тщетой.

Коль слава лъсти одной награда,
Я славы мира не хочу;
Скорей пойду на муки ада,
Скорей умру, чем злым польщу.
Что в жизни, если нет свободы
Мне ближним правдой послужить,
Когда чудовищей природы
Для счастья должен я хвалить?
Нет! слава не достойна взгляда,
Коль слава лъсти одной награда.

Хотя и горестно с тобой
Расстаться мне, любезна лира!
Не петь в защиту бедна, сира,
Которых гордый и скупой
Вседневно накаплиют в царствах;
Но мир оглох, и средства нет,
Чтоб слышан добрый был совет.
Всё погруженно в злых коварствах!
И расстанюсь, мой милый строй,
(Хотя и горестно) с тобой.

Дух приуча к кроваву току,
Мир хочет песен в честь пороку,

Тщеславию, лютости своей;
Забыли люди в нем людей,
Одни грозят, другие давят,
А трети за то их славят,
Алкая мзды, страшася бед,
Целуют их кровавый след,
Друг другу часть дают жестоку,
Дух приуча к кроваву току.

Как может лира быть слышна,
Колико б ни была стройна,
Служаща истине, не миру?
Хоть громкий глас взнесет к эфиру,
Хоть в небесах раздаст свой строй,
Ее мелодия священна
Там примется за звук пустой,
Где ложь высоко помещенна;
Коль лирой правда почтена,
Как может тамо быть слышна?

Не видя цели благодатной
И общий потерявши путь,
Где люди надсаждают грудь,
Служа Фортуне коловратной,
Там чувства отданы серебру,
Там стали склонности страстями;
Там, древеся имев с плодами,
Друг друга режут за кору;
Там страждет знатный и незнатной,
Не видя цели благодатной.

И пение твое прерву,
Навек с тобой прощаюсь, лира!
Неправду зря царицей мира,
Не в сновиденьи, наяву,
Не буду нудить лиры милой,
Чтоб в похвалу венца ея
Звенела бы струна твоя.
Пусть царствует коварной силой;
Я правдой лжи не назову
И пение твое прерву.

На что нам спорить с сильным роком,
Коль человек прельщен пороком?
Коль хочет ложь боготворить,
На что нам правду говорить?
Она проходит слухи мимо,
Она несносна для людей;
Ложь — божество у них любимо,
А правде даже ум — злодей;
Он миру служит лжепророком
На что нам спорить с сильным роком?

Коль гнусна лесть есть средство благ,
Так лучше от меня сокройся.
Ах! нет... будь, будь в моих очах,
Лежи на сердце и покойся!
Быв звуком чувства моего,
Глася, что сердце ощущало,
Внимай биению его!
Живое слово не пропало...
Оно в груди, а не в устах,
Коль гнусна лесть есть средство благ.

Хотя порок замкнул уста,
Гласящие ему в улику,
Хоть зависть, гордость и тщета,
Имея в мире часть велику,
Сковали истине язык, —
Но чувствованье всё свободно!
Мир малый — бог, бог — мир велик;
Он в сердце... спорить с ним бесплодно.
Пой, лира, коль струна чиста,
Хотя порок замкнул уста.

⟨1798⟩

4-стопный ямб, нетождественные 10-стишия.

Строфы отличаются друг от друга схемой расположения рифм и порядком чередования каталектик, связаны сложной системой повторов. В каждой строфе 1-й стих повторяется как последний (иногда с небольшими вариациями); в I строфе 4-й и 9-й стихи завершаются одним и тем же словом; последнее слово рефренного стиха I-й строфы повторяется в конце 5-го стиха II строфы и т. д.

Рондо блаженные памяти государю Петру Первому

Петр Велик!.. так мир вещает;
Сердце то же ощущает;
Сердце тако говорит:
Кто столь много сотворит.
Потрудится так полезно?..
О отечество любезно!
Простирай до неба клик:
Петр Велик!

Петр Велик!.. гласит все войско:
Он нам сердце дал геройско.
В дух бестрепетность влияя;
Росс Петром лишь просиял!
И полсвета повторяет,
И полсвета восклицает
Гласом сердца без улик:
Петр Велик!

Петр Велик!.. неподражаем
В попеченьях и трудах.
Мы злодеев побеждаем
На полях и на водах
От его драгой заботы.
Кто явил на безднах флоты,
Взнес, как гору? брег поник...
Петр Велик!

Петр Велик!.. потряс кто шведом
И сея ж победы следом
Древню область возвратил,
Град на зыбях сотворил,
Одолел сарматски споры,
Удивил Европы взоры,
Глубоко в сердца проник?..
Петр Велик!

Петр Велик!.. кто грубы нравы
Просвещением смягча,
Свой народ довел до славы
Не чрез средство лишь меча,

Но рассудки изошряя,
Дар на пользу обращая,
Зрел на правду, не на лик?
Петр Велик!

Петр Велик!.. твои все кедры!
Здесь проникнув горны недры,
Ты драгой металл извлек.
Слил поток великих рек;
Там ремеслы ввел полезны,
Там измерил сушь и бездны —
И отвсюду глас возник:
Петр Велик!

Петр Велик... Велик неложно!
Всех трудов его не можно
Смертной лирой возгласить.
Должен сам бессмертен быть
Восприявший честь толику.
Но Великая Велику,
Вознеся на память лик,
О герое доказала,
Громче... громче всех сказала:
Петр Велик!

⟨1796⟩

Разностопный хорей 44444442, 7-стишия AAbbCCdd.

Фраза «Петр велик!» повторяется в начале 1-х стихов всех строф, а затем в последних стихах, образуя рефрен. Таким образом все строфы оказываются связаны длинной цепью сквозных рифм.

Я. В. Орлов

Рондо

Беги от красоты и не смотри глазами,
Где есть красавица: она ведь лепоты
Своей так не дает, а посмотрев очами,
Захочешь душу дать — беги от красоты.

Беги от красоты, ведь, душу подаривши,
Невольником ее быть страстным должен ты,
И красоте ее всего себя вручивши,
Захочешь все отдать — беги от красоты.

Беги от красоты, и, все свое отдавши,
Получишь что от ней за все те суеты?
Не взглянет на тебя, всего тебя обравши,
Захочешь сам отстать — беги от красоты.

Беги от красоты, хотя б сей красотю
И обнадежен был вкусить любви плоды;
Сколь должен мучиться блестящей сей мечтою;
Изноешь только ты — беги от красоты.

⟨1799⟩

6-стопный ямб, 4-стишия AbAb.

Сложная система повторов образует композиционную спираль: 1-е полустиишие 1-го стиха во всех строфах одинаково, и оно повторяется как 2-е полустиишие 4-го стиха. Кроме того, финальные строки всех строф связаны анафорой (глагол во 2-м лице, будущем времени, единственном числе); в первых трех строфах повторы более точные («Захочешь» + инфинитив).

С. С. Пестов

Рондо. Умы

На что у нас умы, коль счастье всем владеет:
Наукам, знаниям — всему учились мы;
Но с знаньем редко кто на свете сем успеет,
А деньги могут всё — на что ж у нас умы?

На что же нам умы? — Лишь к знатному приступишь,
Порист чтоб место дал иль хлеба хоть кромы, —
Без покровителей ни крохи не получишь,
Дурак же все берет — на что ж у нас умы?

На что у нас умы? — Шутов все принимают,
И хлеб везде найдут глупцы, ханжи, кумы;
А кто учился, тех бояра вить не знают,
Когда без них умны — к чему же нам умы?

К чему же нам умы, коль суждено страдати
И в век свой на себе всегда носить сумы,
Чтоб хлеба на обед кой-как себе достати,
А счастье все глупцам — не нужны нам умы.

Нет, нужны нам умы, чтоб дух свой не крушити
И, зная, что смертны все так точно, как и мы,
В бедах всех на Творца надежду положить
И в жизни все сносить — так нужны нам умы!

(1789)

6-стопный ямб, 4-стишия АbАb.

1-е полустихие 1-го стиха повторяется с вариациями как 2-е полустихие 4-го стиха, а также как начало и конец всех последующих строф.

А. А. Ржевский

Рондо

Не лучше ль умереть, ты часто рассуждаешь,
Успехов в чем-нибудь когда не обретаешь;
И часто говоришь: возможно ли терпеть?
 Не лучше ль умереть?
Коль ты желанием своим не обладаешь,
Ища себе чинов, и их не получаешь,
Начто на свете жить, коль радости не зреть?
 Не лучше ль умереть?
Желав сокровища, ты голову ломаешь,
Но тщетно тратишь труд, его не умножаешь.
Несносно коль ни в чем успехов не иметь:
 Не лучше ль умереть?
Влюбись в красавицу, пред нею воздыхаешь;

О рок! ты вздохи те все суетно теряешь.
Доколе мучиться? доколь в любви тлеть?
Не лучше ль умереть?
Желанного конца уже ты достигаешь:
Идет желанна смерть — ты на нее зриаешь.
Скажи, желаешь ли теперь ты умереть?
Не лучше ль потерпеть?
Охотно умереть ты для того желаешь,
Что скоро смерти ты себе не ожидаешь,
И только говоришь: не лучше ль умереть?
Не лучше ль потерпеть?

⟨1761⟩

Разностопный ямб 6663, 4-стишия ААbb.

От классического рондо эта строфическая форма унаследовала укороченный рефренный стих, повторяющий (с вариациями) первое полустихие 1-го стиха, и две цепи сквозных рифм.

Рондо

Чтоб книги нам читать,
И их, читая, понимать,
И красоту их познавать,
И чтобы самому писать,
Чтоб звезды на небе считать
И меру им определять,
Или природу испытать, —
Лишь потрудись, то может всяк,
Никак;
Но букли хорошо чесать,
И чтоб наряды вымышлять,
Чтоб моды точно наблюдать,
Согласие в цветах познать,
И чтоб нарядам вкус давать,
Или по моде поступать,
Чтоб в людях скуку прогонять,
Забавны речи вымышлять,
Шутить, резвиться и скакать,
И беспрестанно чтоб кричать,

Но, говоря, и не сказать, —
Того не может сделать всяк
Никак.

⟨1763⟩

4-стопный ямб, неразделенные нетождественные строфы: 9-стишие + 13-стишие (аааааabb + ааааааааabb).

Переходная метрическая форма к вольному ямбу: 1-й стих — 3-стопный, 9-й и 13-й — 1-стопные.

От классического рондо эта строфическая форма унаследовала укороченный рефренный стих и две цепи сквозных рифм.

Неизвестный автор

Рондо

Нет правды в мире сем! торгуют все лукавством,
Обманы царствуют и хитра злость во всем;
Нет сердца чистого, всяк заражен коварством,
Покрывают маской все; нет правды в мире сем.

Нет правды в мире сем! всяк друга угнетает,
Несчастья других бывает всяк творцем,
Всяк ближнего добро лукавством похищает,
Одни грабители! нет правды в мире сем!

Нет правды в мире сем! прошли златые веки,
В которы каждый был несчастному отцем,
Обыкли ныне все к лукавству человеки,
Изгнана простота; нет правды в мире сем.

Нет правды в мире сем, ужасная премена!
Всяк глупым чтит того, кто чист и прост во всем,
Друзьям ныне от друзей ж готовится измена,
И чтится за ничто. Нет правды в мире сем.

Нет правды в мире сем, все в свете сем превратно;
И те, которых власть простерта надо всем,
Поправ святой закон, толкуют все развратно;
Так истину хранят! нет правды в мире сем.

Нет правды в мире сем, неправда обитает,
Всяк человек есть ложь, и в сердце всяк своим
Коварством ближнему сеть хитро соплетают
И тщится уловить. Нет правды в мире сем.

Нет правды в мире сем, о Боже милосердый!
Твоей я помощи святой ищу во всем;
Надежды в смертных нет, сей род жестокосердый;
Ты буди мой покров! нет правды в мире сем.

⟨1793⟩

6-стопный ямб, 4-стишия АbАb.

1-е полустишие 1-го стиха повторяется как 2-е полустишие 4-го стиха, а также как начало и конец всех последующих строф.

Триолет

М. Н. Муравьев

Триолет
(Перевод с французского)

Мая первого числа
Был мой лучший день на свете.
Что за мысль мне в ум вошла
Мая первого числа?
Ты мне сделалась мила,
И коль ты склонна в ответе, —
Мая первого числа
Был мой лучший день на свете.

(1778)

4-стопный хорей, триолет аВаааВаВ.

Первый образец триолета в русской поэзии. Перевод триолета «Le premier jour du mois de mai...» («В первый день мая...») французского поэта Жака Раншена; оригинал написан 8-сложником.

Н. М. Карамзин

Триолет Алете
в тот день, как ей исполнилось 14 лет

Четырнадцать лет
Быть Флорой, право, стыдно:
В апреле розы нет!
Четырнадцать лет
Ты лучше всех Алет:
Ах! это им обидно.

Четырнадцать лет
Быть Флорой, право, стыдно.

1795

3-стопный ямб, триолет аВаааВаВ.

Карамзин отказывается от канонических для триолета пауз (точек) после 2-го и 4-го стихов.

Триолет Лизете

«Лизета чудо в белом свете, —
Вздыхнув, я сам себе сказал, —
Красой подобных нет Лизете;
Лизета чудо в белом свете;
Умом зрела в весеннем цвете».
Когда же злость ее узнал...
«Лизета чудо в белом свете!» —
Вздыхнув, я сам себе сказал.

1796

4-стопный ямб, триолет AbAAAbAb.

Карамзин отказывается от канонических для триолета пауз (точек) после 2-го и 4-го стихов.

Надпись

М. В. Ломоносов

**Надпись 5 к тойже
(Надпись к статуе Петра Великого)**

Гремящая по всем концам земным победы
И Россов чрез весь свет торжествовавших следы,
Собрание наук, исправленны суды,
Пременное в реках течение воды,
Покрытый флотом понт, среди волн грады новы
И протчия дела увидев смерть Петровы
Рекла: «Сей человек предел мой нарушил
И доле в мире сем Мафусаила жил».
Так, лета по делам считая, возгласила
И в гроб великаго сего Героя скрыла.
Но образом Его красуется сей град.
Взирая на Него, Перс, Турок, Гот, Сармат
Величеству лица Геройскаго чудится
И мертваго в меди бесчувственной страшится.

1743—1747

6-стопный ямб, астрофический стих парной рифмовки с регулярным чередованием женских и мужских окончаний.

И. И. Дмитриев

**Надпись к статуе Юпитера
Перевод из антологии**

Или Юпитер сам с превыспренних кругов
Кю смертным нисходил, чтоб образ им оставить,
Достойнейший царя богов;

Иль Фидий, чтоб черты представить
Имущего перун в руках,
Сам был на небесах.

(1791)

Вольный ямб 3—6, одиночная строфа аВаВсс.

Надпись к портрету

«Ай, как его ужасен взор! —
Бормочет швед. — Он горче хрена!»
— «Ах, как он мил», — твердит Климена.
Как разрешить сей странный спор?
И тот и та, конечно, правы:
Любимец граций он и славы.

(1795)

4-стопный ямб, одиночная строфа аВВаСС.

Надпись к портрету

Смейтесь, смейтесь, что я щурю
Маленьки мои глаза,
Я уж видел, братцы, бурю,
И знакома мне гроза.
Побывал и я среди боя,
Видел смерть невдалеке,
Так не стыдно для покоя
Погулять и в колпаке.

(1803)

4-стопный хорей, одиночная строфа АbАbСdСd.

Н. М. Карамзин

Надписи¹ на статую Купидона

2

На глазную повязку

Любовь слепа для света
И, кроме своего
Бесценного предмета,
Не видит ничего.

1798

3-стопный ямб, одиночная строфа AbAb.

В. И. Майков

Стихи к изображению господина Димздаля

Россия посреде утех своих страдала,
Когда она вреда от оспы ожидала.
Теперь скончался страх, мы полны все отрад,
Узря, что язвы сей спаслась Екатерина,
Узря спасенного ее любима сына, —
А спас их от нее сей мудрый Гиппократ!

1768

6-стопный ямб, одиночная строфа AAbCCb.

М. Н. Муравьев

Надпись к изображению Алины

Алины здесь ты зришь изображенье,
За коей вслед идет обвороженье

¹ Сочинитель сих надписей увидел в одном доме мраморного Амура и с позволения хозяйки исписал его карандашом с головы до ног. (*Примеч. авт.*)

И нежные смущенья льются в кровь.
Ребенок злой, прелестный как любовь,
Которой всё убранство в небреженье,
Которая, сводя людей с ума,
В безумстве всех спокойствует сама.

1784

5-стопный ямб, одиночная строфа ААbbАсс.

Я. В. Орлов

Надпись к шкапу книжному

Хоть здесь любовницы мои заключены,
Но для любовников они отворены.
Душа их хороша, но телом непригожи;
Натуру любящи одни к ним только вхожи.

Не их любовники — они еще дарят
И содержателя лишь тем благодарят.
Коль хочешь ты познать, бери их в дом с распиской,
Без коей уже нет красавицы латинской.

(1799)

6-стопный ямб, 4-стишия ааВВ.

М. И. Попов

Надпись князю Андрею Яковлевичу Хилкову на книгу его, называемую «Ядро российской истории»

Сияющих отцев блистательнейший плод,
Хилков, разумный князь! начертавая нам
Ты славны подвиги российского народа,
Исторгнул изо тьмы ироев русских род;
Простер их славу дел ко чуждым небесам,
Да ведает об них весь мир и вся природа,

Да будет ведомо и поздним временам;
Да всюду древняя Россия будет чтима,
Да новая цветет красней Афин и Рима;
Но, прославляя их, прославился ты сам,
И будет здесь твоя потоль гремети слава,
Поколе простоит Российская держава.

⟨1772⟩

6-стопный ямб, астрофический стих вольной рифмовки.

Нарушены правила альтернанса и скрещения рифмических цепей:
abCabCbDDbEE.

Эпиграмма

Ф. И. Дмитриев-Мамонов

Эпиграмма к попугаю

Мой милый попугай, я сам стихи слагаю,
И мысли у себя всегда я почерпаю.
А ты чужим умком всё любишь щеголять,
Так кто у нас умняй не трудно разобрать?
Жестоки зенцики ту шалость в стыд не ставят,
Коль денежек в чужих руках они убавят;
Я нищим таковым так денег бы всем дал,
Когда б лишь к грабежу тем средство я прервал.
Всего те зенцики отечеству вреднее;
А мысли взять других всего, что есть, стыднее.

⟨1771⟩

6-стопный ямб, астрофический стих парной рифмовки с регулярным чередованием женских и мужских окончаний.

В этом стихотворении выдержан «симметричный» тип ритма 6-стопного ямба, с мужской цезурой и частыми пропусками метрических ударений на 2-й и 5-й стопах.

М. И. Попов

Эпиграмма

Полезен ли феатр и чистит ли он нравы,
Иль только что одне приносит нам забавы,
Коль спросит кто меня о сем,
Скажу,
И докажу
Ему о всем

И прямо.
А как?
Вот так,
Как испытание доказывает са́мо:
Для умных служит он к познанию вместо врат,
Для глупых — игрище, гульбище и разврат.

⟨1769⟩

Вольный ямб 1—6, астрофический стих вольной рифмовки.

А. А. Ржевский

* * *

Когда натура в свет людей производила,
Всем разны участи делила.
Единых одарила та умом,
Других лицом,
Тебе, красавица, последню часть судила:
Прекрасна ты, мой свет,
Ума ни капли нет.

1761

Вольный ямб 2—6, одиночная строфа AAbbAcc.

И. А. Крылов

Эпиграмма

Федул твердит, что Фока плут
Его позорит и ругает;
Но я не вижу толку тут:
Кто уголь сажею марает?

4-стопный ямб, одиночная строфа аВаВ.

Н. А. Львов

Эпиграмма на меня, то, что мне голову вскружить может

Что Л(ьвов) умен,
То правда так,
Но Л(ьвов) влюблен,
То Л(ьвов) дурак.

2-стопный ямб, одиночная строфа aabab.
Правило альтернанса не соблюдено.

М. Н. Муравьев

Эпиграмма того ж

Мне сделалась премена,
И с одного уж дня;
Я думаю, Климена,
Что не люблю ли я?
Сей вестью незначайной
Тебя, мой свет, гневлю,
Брось гнев толь чрезвычайный,
Я не тебя люблю.

⟨1773⟩

3-стопный ямб, одиночная строфа AbAbCdCd.
Перевод эпиграммы Буало «A Climène» («Климене»).

А. П. Сумароков

Эпиграмма

Знай, тебе я непременно:
Не была тобою, и не буду пленна.

⟨1756⟩

Вольный хорей 4—6, одиночная строфа AA.

Эпиграмма 87

Ежели во храм любви не думая пойду,
Не любовника себе, злодея там найду.

7-стопный хорей, одиночная строфа аа.

П. П. Сумароков

* * *

«За что не терпит Клит Дамона, как врага?
Что сделал он ему?» — «Рога».
— «Ага!»

⟨1791⟩

Вольный ямб 1—6, одиночная строфа-монорим ааа.

Эпитафия

А. Н. Радищев

Эпитафия

О! если то не ложно,
 Что мы по смерти будем жить;
 Коль будем жить, то чувствовать нам должно;
Коль будем чувствовать, нельзя и не любить.
 Надеждой сей себя питаю
 И дни в тоске препровождая,
 Я смерти жду, как брачна дня;
 Умру и горести забуду,
В объятиях твоих я паки счастлив буду.
Но если ж то мечта, что сердцу льстит маня,
И ненавистный рок отъял тебя на веки,
Тогда отрады нет, да льются слезны реки.

 Тронись, любезная! стенаниями друга,
 Се предстоит тебе в объятиях твоих чад;
 Не можешь коль прейти свирепых смерти врат,
 Явись хотя в мечте, утеши тем супруга...

1783

Вольный ямб 3—6, астрофический стих вольной рифмовки.

А. И. Дубровский

Три эпитафии на скупого

1

Я в жизнь мою имел богатство неисчетно,
Однако никому то не было приметно.

Не знаешь для чего? ответ я дам один:
Я был вещей моих слуга, не господин.

2

Земля и камень сей меня отягощает,
Однако тягость их то много облегчает,
Что прежде, как меня зарыли здесь в земле,
Я душу закопал любезную в котле.

3

Читатель, знай, что здесь зарыт лежит богатый,
Кой не дал ничего по смерти, не взявши платы.
Смотри, чтоб и с тебя не попросил чего,
Затем, что ты прочел надгробную его.

⟨1755⟩

6-стопный ямб, одиночные строфы AAbb.

И. И. Дмитриев

Эпитафия эпитафиям

Прохожий! пусть тебе напомнит этот стих,
Что всё *на час* под небесами:
Поутру плакали о смерти мы других,
А к вечеру скончались сами.

1803

Разностопный ямб 43, одиночная строфа aBAV.

Н. М. Карамзин

* * *

Покойся, милый прах, до радостного утра!

1792

6-стопный ямб, 1-стишие — моностих (гексаметр иамбический).

Эпитафия

Он жил в сем мире для того,
Чтоб жить — не зная для чего.

⟨1797⟩

4-стопный ямб, одиночная строфа аа.

Я. Б. Княжнин

Эпитафия

Под камнем сим лежит Пл....в.
Сверх камня был таков;
Под камнем он каков?

⟨1790⟩

Вольный ямб 3-4, одиночная строфа-монорим ааа.

А. П. Сумароков

Эпитафия

Мужик не позабудет,
Как кушал толокно,
И посажен хоть будет
За красное сукно.

⟨1759⟩

3-стопный ямб, одиночная строфа АbАb.

М. М. Херасков

Сонет и эпитафия

Я век свой по свету за пищею скитался,
Пристанища себе нигде я не имел,
Везде я странствовал, жил тамо, где хотел,
Чужим я был одет, чужим я и питался.

Убогим сиротой от матери остался,
Но свет, прияв меня, как сына воспитал,
Всяк пищу мне давал, и мною всяк гнушался,
Но я отцами всех на свете почитал.

Всечасно был гоним я в свете роком строгим,
Родился сиротой, живот скончал убогим,
И видел множество различных счастья проб.

Как жизнь та ни гнусна, но я об ней жалею,
Я небом был покрыт, а днесь покрыт землею,
Мой дом был целый свет, а ныне тесный гроб.

1755

6-стопный ямб, сонет AbbA + AcAc + DDe + FFe.

Катрены рифмуются по-разному: I — охватно, II — перекрестно; кроме того, в них повторяется только одна из двух рифм — женская. И то и другое не соответствует строгим правилам сонетного канона.

Мадригал

Ф. И. Дмитриев-Мамонов

Мадригал

Как ранен в грудь елень стрелу с собою носит,
Стенаньем и очьми у всех отрады просит,
Из глаз текут ручьи и томный взор очей:
Картину жалости являет видеть всей.
Он к всем странам свой взор с страданьем обращает,
И кончить чем напасть, он средств не обретает.
То в рощи, то в поля с стрелою он бежит;
То в слабости он близ текущих вод лежит,
И взор на небеса подьмет утомленный;
Нет помощи нигде, тут гибнет пораженный.
Как в бедстве человек пожаром обложен,
Зрит гибель пред очьми, отсюда заключен.
Минутами конец свой в бедности считает,
И жаром столь стеснен, что чуть уже дышает.
Вздымаясь грудь его от мук превыше сил,
Твердит ему то в ум: нельзя, чтоб жив ты был.
Распухнуты глаза, и губы запеченны,
И бледный сей весь зрак, где силы утомленны,
Слабеет; наконец валится умерщвлен.
В ком мука выше сил, не будет тот спасен.
Как нежный цвет в садах, засохнув, увядает,
Листочки и главу на землю опускает.
Ни солнце, ни зефир, ни нежная роса
Не могут то спасти, что смертна жнет коса.
В вид мертвый тот цветок вид нежный пременяет,
Валится там с лозы и вечно исчезает.
Как нежна бабочка, достигнув хладных дней,
Не знает, что зачать в сей бедности своей;
Зря солнечны лучи, спастися уповаает;
Но малы в осень дни, и солнце утекает.
Жестока темна ночь со хладною росой
Готовит бабочке конец ее презлой.
Уж крылышки она, что быстро так взвевала,

Как летом и весной с приятностью летала,
От хлада в слабости едва вздымает их,
И падает мертва, лишась всех сил своих.
Так точно человек любовью страдает,
Когда в мученьях он отрад не ощущает.

Не позднее 1771

6-стопный ямб, астрофический стих парной рифмовки с регулярным чередованием женских и мужских окончаний.

А. И. Клушин

Мадригал Клое

Мне стоит на тебя прилежно посмотреть,
Взглянуть — и удивиться;
К руке коснуться — и влюбиться;
Прижать ко груди — умереть!

⟨1793⟩

Вольный ямб 3—6, одиночная строфа аВВа.

А. П. Сумароков

Мадригал

Я в драме пения не отделяю
От действия никогда;
Согласоваться им потребно завсегда.
А я их так уподобляю:
Музыка голоса коль очень хороша,
Так то прекрасная душа,
А действие — тело.
Коль оба хороши, хвали ты сцену смело.
С противным образом и разум суета,
Когда не о ином, но о любви дело.
С безумною душой противна красота,
А Карестини ум с красой соединяет,
И тьмы сердец он сей красавицей пленяет.

⟨1756⟩

Вольный ямб 2—6, астрофический стих вольной рифмовки.

Мадригал

Анюта на себе алмазов не имела,
Но души попленить зрителей умела.
Анюта выросла, сказали мне, в лесах.
Неправда, выросла она на небесах.

6-стопный ямб, одиночная строфа AAbb.

А. А. Ржевский

Сонет или мадригал Либере Саке, актрисе италианского вольного театра

Когда ты, Либера, что в драме представляешь
В часы те, что к тебе приходит плеск во уши,
От зрителей себе то зна́ком принимаешь,
Что в них ты красотой зажгла сердца и души.

Довольное число талантов истощила
Натура для тебя, как ты на свет рождалась.
Она тебя, она, о Сако! наградила,
Чтобы на все глаза приятною казалась.

Небесным пламенем глаза твои блистают,
Тень нежные лица черты нам представляют,
Прелестен взор очей, осанка несравненна.

Хоть неких дам язык клеветец тя хулою,
Но служит зависть их тебе лишь похвалою:
Ты истинно пленять сердца на свет рожденна.

⟨1759⟩

6-стопный ямб, сонет ABAB + CDCD + EEF + GGF.

Структура этого текста более близка к схеме французского канонического сонета, нежели итальянского, однако, в нарушение правил, катрены написаны на разные рифмы и правило альтернанса не соблюдено.

Загадка

А. А. Ржевский

Загадка

Хоть всяк меня на свете презирает,
Однако же забав никто так не вкушает;
Между красот ликую,
Кого хочу, того целую;
А кто меня убьет,
Тот кровь свою прольет.

⟨1761⟩

Вольный ямб 3—6, одиночная строфа ААВВсс.
Нарушено правило альтернанса.
Отгадка: комар.

Н. А. Львов

* * *

Что? Десять работают,
А двое надзирают;
Ничего ж никто не знает,
Как один не управляет.

Вольный 2-сложник с переменной анакрузой, одиночная строфа ААВВ.
Нарушено правило альтернанса.
Отгадка: руки, глаза, разум.

* * *

Хоть бумажка я простая, но имею много глаз;
И из Крезуса я нищим превратить могу тотчас.

Я спасение от скуки,
Мне все люди говорят;
Я целую у всех руки,
Все меня хоть въявь бранят.

Вольный хорей 4—8, одиночная строфа ааВсВс.
Отгадка: карты.

В. И. Майков

* * *

Глеб имеет назади,
А Борис напереди,
Баба две имеет сряду,
А без этого наряду
Не спризнал бы бабы свет;
А у девки только нет.

1763 (?)

4-стопный хорей, одиночная строфа ааВВсс.
Отгадка: буква «Б».

* * *

Я ни воздух, ни вода,
Быть землею мне не можно,
И не огонь я, то неложно.
Но я в воздухе всегда
И по нем всегда летаю,
И всегда желаньем таю
Устремиться в небеса;
Но препятство обретаю.
Жизни нет моей часа:
Я по ветру разношуся,
Человека не страшуся.
А его я иногда
И вредить собой умею,
Только тела не имею.
Ни души от божества,
А рожусь из вещества;

Жизнь моя дотолѣ длится,
Как престану я родиться.

⟨1773⟩

4-стопный хорей, астрофический стих вольной рифмовки.
Отгадка: дым.

* * *

Я в трех частях земли; меня в четвертой нет;
Меня ж иметь в себе не может целый свет;
Но мир меня в себе имеет, и комар;
Не может без меня земной стояти шар.
В пещерах и морях всегда меня сретают,
Во вихрях и громах неложно обретают;
И так меня ж в себе имеют все борцы.
Тот назвал уж меня, кто назвал огурцы.
Еще ли ты меня не знаешь? Я есмь...

⟨1773⟩

6-стопный ямб, астрофический стих парной рифмовки.

Нарушено правило альтернанса: первые 2 пары рифм мужские («нет — свет», «комар — шар»). В конце текста парная рифмовка нарушается: последние 3 строки образуют тройную рифму («борцы — огурцы — Рцы»).

Отгадка: буква «Р» («Рцы»).

Ю. А. Нелединский-Мелецкий

Загадка акrostическая

Довольно именем известна я своим;
Равно клянется плут и непорочный им.
Утехой в бедствиях всего бываю боле,
Жизнь сладостней при мне и в самой лучшей доле.
Блаженству чистых душ могу служить одна,
А меж злодеями — не быть я создана.

6-стопный ямб, одиночная строфа ааВВсс.
Акrostих.

Алфавитный индекс авторов и произведений

Богданович И. Ф.

- Добромысл (Старинная повесть в стихах) <Фрагмент> 130
Другая ода, с теми же рифмами, против красоты 117
Идиллия (Белыми стихами) (На что в полях ни взглянешь...) <Фрагмент> 188
Не стремись, добродетель, напрасно... (Дактилическими стихами). 205
Ода в честь красоте 116
Ода из Анакреонта XIV. Уже сие непреборимо... 106
Стихи (Подражание италиянским) <Фрагмент> 218

Булнина А. П.

- «Капризы не беда, твердит философ Сава...» 252

Державин Г. Р.

- Атаману и Войску Донскому <Фрагмент> 200
Богине здравия. 65
К Бахусу <Фрагмент> 65
Луч 136
На возвращение графа Зубова из Персии <Фрагмент> 117
На рождение в севере порфирородного отрока <Фрагмент> 82
Пчелка 107
Стансы Кларисе 236
Я лишась судьбой любезного... 220

Дмитриев И. И.

- Всех цветочков боле... 221
Гимн Богу 67
Гимн восторгу 66
Голубок (Подражание Анакреону) 108
Идиллия (Умолкни, ветерок, забудьте, птички, петь...) 188
К Г. Р. Державину 202
Карикатура <Фрагмент> 137
Надпись к портрету (Ай, как его ужасен взор!..) 268
Надпись к портрету (Смейтесь, смейтесь, что я щурю...) 268
Надпись к статуе Юпитера. Перевод из Антологии 267
Ода П. П. Бекетову 119

План трагедии с хорами	151
Подражание одам Горация (кн. I, ода III). Лети, корабль, в свой путь с Вергилием моим...	94
Подражание одам Горация (кн. III, ода I). Служитель муз, хочу я истины воспеть...	96
Послание к Аркадию Ивановичу Толбугину	201
Старинная любовь (Баллада) <Фрагмент>	138
Элегия (Коль надежду истребила...)	181
Эпитафия эпитафиям.	277
Дмитриев-Мамонов Ф. И.	
Мадригал (Как ранен в грудь елень стрелу с собою носит...)	280
Эпиграмма к попугаю	272
Эпистола к красавицам	198
Дубровский А. И.	
Три эпитафии на скупого. Земля и камень сей меня отягощает...	277
Три эпитафии на скупого. Читатель, знай, что здесь зарыт лежит богаты...	277
Три эпитафии на скупого. Я в жизнь мою имел богатство неисчетно...	276
Каменев Г. П.	
Громвал <Фрагмент>	139
Капнист В. В.	
К лире (Гораций, кн. I, ода XXXII)	97
На разврат нравов (Гораций, кн. II, ода VI) <Фрагмент>	98
На роскошные обиталища (Гораций, кн. II, ода XV)	97
Старому другу моему Алексею Николаевичу Оленину	203
Карабанов П. М.	
Искренность пастушки <Фрагмент>	190
Карамзин Н. М.	
Военная песнь	221
Гимн 1 (Перевод с английского) <Фрагмент>	68
Гимн глупцам <Фрагмент>	70
Граф Гваринос (Древняя гишпанская историческая песня) <Фрагмент>	140
К богине здравия	69
Надписи на статую купидона. 2. На глазную повязку	269
Покойся, милый прах, до радостного утра!	278
Раиса (Древняя баллада)	142
Триолет Алете в тот день, как ей исполнилось 14 лет	265

Триолет Лизете	266
Эпитафия (Он жил в сем мире для того...)	278
Клушин А. И.	
Мадригал Клое	281
Княжнин Я. Б.	
Вечер	120
Орфей (Мелодрама) <Фрагмент>.	153
Письмо к гг. Д. и А. <Фрагмент>.	204
Послание трем грациям <Фрагмент>.	205
Сбитенщик (Комическая опера) <Фрагмент> Ария Степана . . .	157
Скупой (Комическая опера) <Фрагмент> Ария Марфы	157
Стансы Богу	233
Эпитафия (Под камнем сим лежит Пл.....в...)	278
Костров Е. И.	
Письмо к творцу оды, сочиненной в похвалу Фелицы, царевне киргизкайсаккой <Фрагмент>	206
Преложение псалма 18 <Фрагмент>.	53
Крылов И. А.	
Ода, выбранная из псалма (Бог, отмщений Господь)	54
Мой отъезд (Песня) <Фрагмент>	222
Сонет к Нине (Нет мира для меня, хотя и брани нет...)	245
Эпиграмма (Федул твердит, что Фока плут...)	263
Ломоносов М. В.	
Венчанная надежда Российской Империи в высокий праздник коронования всепресветлейшей державнейшей великия государыни Елисаветы Петровны, императрицы и самодержицы всероссийския, при публичном собрании санктпетербургской императорской Академии наук всерадостно и всеподданнейше в Санктпетербурге апреля 29 дня 1742 года стихами представленная от Готлоба Фридриха Вилгельма Юнкера, ея императорскаго величества надворнаго камернаго советника, интенданта соляных дел и члена Академии наук. С немецких российскими стихами перевел Михайло Ломоносов, Академии наук адъюнкт <Фрагмент>	80
Всеподданнейшее поздравление для восшествия на всероссийский престол ее величества всепресветлейшия державнейшия императрицы Елисаветы Петровны, самодержицы всероссийския, в торжественный праздник и высокий день рождения ее величества декабря 18, 1741. Всеподданнейше представлено от императорской Академии наук <Фрагмент>	81

Гимн бороде	71
Иные на горы катают тяжки камни...	132
Лиш только дневной шум замолк...	166
Надпись 5 к тойже (Надпись к статуе Петра Великого)	267
Ода блаженныя памяти государыне императрице Анне Иоанновне на победу над турками и татарами и на взятие Хотина 1739 года <Фрагмент>	78
Ода, которую в торжественный праздник высокого рождения всесветлейшего вседержавнейшего великого государя Иоанна Третьего, императора и самодержца всероссийского, 1741 года августа 12 дня веселящаяся Россия произносит <Фрагмент>	76
Ода, которую сочинил Франциск де Салиньяк де ля Мотта Фенелон, архиепископ дюк Камбрейский, Священныя Римския империи принц <Фрагмент>.	77
Расторгни смертны узы, Гектор...	155
Сатира господина Ломоносова на Третьяковского	173
Старается во сне свой голод утолить...	132
Хвалить хочю Атрид...	109
Я знак бессмертия себе воздвигнул...	100

Львов Н. А.

Доброму человеку <Фрагмент>.	207
Дуэты на музыку Жирдини, в Лондоне печатанную. Весна . . .	159
Дуэты на музыку Жирдини, в Лондоне печатанную. Зима . . .	160
Дуэты на музыку Жирдини, в Лондоне печатанную. Лето. . . .	159
Дуэты на музыку Жирдини, в Лондоне печатанную. Осень . . .	160
Дуэты на музыку Жирдини, в Лондоне печатанную. Утро . . .	161
Ивану Матвеевичу Муравьеву, едущему в Етин министром, в ответ на письмо его из Москвы от 15 генваря 1797	208
Идиллия. Вечер 1780 года ноября 8 <Фрагмент>	191
Ночь в чухонской избе на пустыре <Фрагмент>	224
Ода П. К женщинам (Греческим метром).	105
Песнь норвежского витязя Гаральда Храброго, из древней исландской летописи Книтлинга сага, господином Маллетом выписанная и в «Датской истории» помещенная, переложена на российский язык образом древнего стихотворения с примеру «Не звезда блестит далече во чистом поле...» <Фрагмент>	223
Песня (Как, бывало, ты в темной осени...).	225
Старик и смерть	167
Хоть бумажка я простая, но имею много глаз...	283
Что? Десять работают...	283

Эпиграмма на меня, то, что мне голову вскружить может....	274
Майков В. И.	
Аркас <Фрагмент>.....	192
Глеб имеет назади.....	284
Графу Григорию Александровичу Потемкину 1775 года сентября 30 дня	246
Стихи к изображению господина Димздаля	269
Я в трех частях земли; меня в четвертой нет.....	285
Я ни воздух, ни вода.....	284
Муравьев М. Н.	
Богине Невы.....	211
Надпись к изображению Алины.....	269
Ода (Бежит, друзья, бежит невозвратно время.....)	124
Ода (Осьмнадцатый ныне раз...) <Фрагмент>.....	123
Ода CARM<NUM> IV LIB<ER> I из Горация к Люцию Сексту Консулярному	100
Ода CARM<NUM> IX LIB<ER> III Горация	102
Ода CARM<NUM> XVIII LIB<ER> из Горация к Фавну	103
Ода из Анакреонта (На челе моем морщины.....)	109
Романс, с каледонского языка переложенный	145
Сонет к музам.....	244
Триолет (Перевод с французского).....	265
Ужасно возгремел отец богов и смертных.....	133
Эклога к его превосходительству Алексею Васильевичу Олешеву <Фрагмент>.....	186
Эпиграмма того ж (Мне сделалась премепа.....)	274
Нартов А. А.	
Идиллия. Нисса <Фрагмент>	193
Нарышкин А. В.	
Сонет (Чтоб счастьем, живучи, возможным наслаждаться...)	247
Нарышкин С. В.	
Сонет (Ты, боже, справедлив, на тя я уповаю.....)	245
Неизвестный автор	
Ода по примеру Анакреонта к живописцу.....	113
Рондо (Нет правды в мире сем! торгуют все лукавством.....)	263
Нелединский-Мелецкий Ю. А.	
Загадка акростическая	285
Молитва <Фрагмент>.....	56
Отрывок письма к Ал. Вас. Нарышкину, из Петербурга в Москву 1872 года	213

Николев Н. П.	
К моей лире (Рондо)	254
Ода 7 из псалма 7 (Господи боже мой, на тя уповах...) ⟨Фрагмент⟩	56
Ода российским солдатам на взятие крепости Очакова сего 1788 года декабря 6 дня, сочиненная от лица некоего древнего российского пииты ⟨Фрагмент⟩	83
Послание к князю Николаю Михайловичу Козловскому ⟨Фрагмент⟩	214
Рондо блаженных памяти государю Петру Первому	258
Орлов Я. В.	
Надпись к шкапу книжному	270
Рондо (Беги от красоты и не смотри глазами...)	259
Пестов С. С.	
Рондо. Умы	260
Станс. Чем отличаются начальники от подчиненных	237
Петров В. П.	
Плач и утешение России к его императорскому величеству Павлу Первому, самодержцу всероссийскому ⟨Фрагмент⟩	86
На подносимую ея величеству, высокую титулу, великия Екатерины, премудрыя матери отечества. 1767 года ⟨Фрагмент⟩	84
Пета в маскераде на Озерках	85
Попов М. И.	
Надпись князю Андрею Яковлевичу Хилкову на книгу его, называемую «Ядро российской истории»	270
Сонет (О небо! для чего родился человек?..)	247
Эпиграмма (Полезен ли феатр и чистит ли он нравы...)	272
Я люблю тебя и стражду....	217
Радищев А. Н.	
Бова ⟨Фрагмент⟩	133
Древность ⟨Фрагмент⟩	126
Идиллия (Краснопеваля овсянка...) ⟨Фрагмент⟩	194
Осьмнадцатое столетие ⟨Фрагмент⟩	127
Эпитафия (О! если то не ложно...)	276
Ржевский А. А.	
Загадка (Хоть всяк меня на свете презирает...)	283
Идиллия (Как при сих струях...)	195
Идиллия (На берегах текущих рек...)	196
Когда натура в свет людей производила...	273

Муж и жена	168
О элегии	169
О, властитель нежна сердца...	105
Ода (Доколе гордиться...) <Фрагмент>	128
Ода 2, собранная из односложных слов	128
Ода всепресветлейшему державнейшему великому и милосердому государю, истинному отцу подданных, императору Петру Феодоровичу, самодержцу всероссийскому. Приносится в знак благодарности за беспримерное и милосердное пожалованье вольностью российских дворян. Сочинена 1762 году марта 1 дня <Фрагмент>	88
Рондо (Не лучше ль умереть, ты часто рассуждаешь...)	261
Рондо (Чтоб книги нам читать...)	262
Сонет или мадригал Либере Саке, актрисе италианского вольного театра	272
Сонет, три разные системы заключающий: читай сперва весь по порядку, потом первые полустушии, а наконец последние полустушии	248
Хоть нет надежды мне любить...	237
Элегия (От той, которая души милые...) <Фрагмент>	181
Элегия (Престрогою судьбою...)	182
Я счастья сего на свете не желаю...	238

Сумароков А. П.

Баллад	146
Благополучны дни... <Фрагмент>	226
Гимн Венере (Сафическим стопосложением) <Фрагмент>	74
Гимн о премудрости божией в солнце	75
Гора в родах	163
Эпиграмма 87 (Ежели во храм любви не думая пойду...)	275
Идиллия (Без Филисы очи сиры...)	197
Из 3—16—63 псалмов <Фрагмент>	59
Из 14 псалма (Господи, кто обитает в жилищи твоём...)	60
Из 15 псалма (Сохрани мя господи, яко на тя уповах...)	61
Из 24 псалма (К тебе господи воздвигох душу мою...)	61
Из 27 псалма (К тебе господи воззову...)	63
Из 97 псалма (Воспойте господави песнь нову...)	63
Любовь	164
Лягушка	164
Мадригал (Анюта на себе алмазов не имела...)	282
Мадригал (Я в драме пения не отделяю...)	281
Наставление сыну	176

Не гордитесь, красны девки.....	230
О места, места драгие!.....	227
О страшном суде (Фрагмент).....	59
Ода анакреонтическая к Елисавете Васильевне Хераськовой .	110
Ода вздорная I (Фрагмент)	89
Ода горацанская (Скажи свое веселье, Нева, ты мне...)	93
Ода, сочиненная в первые лета моего во стихотворении упражнения (Фрагмент)	115
Песня XVI	
(Когда безстрастна ты, мой свет, в очах другова...).....	230
Песня XXIII (Прошли те дни как был я волен...)	231
Письмо ко приятелю в Москву	199
Прости, моя любезная, мой свет, прости....	229
Противу злодеев.	57
Прохожий и змея.	165
Рондо (Не думай ты, чтоб я других ловила...)	252
Станс (Сам себя я ненавижу...) (Фрагмент)	239
Тщетная предосторожность.	165
Хор ко превратному свету.	162
Хор сатир	161
Хорев (Трагедия) (Фрагмент)	148
Час смерти	58
Элегия (В болезни страждешь ты... В моем нет сердце мочи...) .	184
Эпиграмма (Знай, тебе я непременно...)	274
Эпитафия (Мужик не позабудет...)	278

Сумароков П. П.

«За что не терпит Клит Дамона, как врага?...»	275
---	-----

Тредиаковский В. К.

⟨Парафразис псалма 143⟩ (Фрагмент)	52
Басенка VIII. Ворон и Лисица	170
Из комедии «Евнух» (Фрагмент)	155
Ода IV. Похвала Ижерской земле и царствующему граду Санктпетербургу (Фрагмент).	92
Рондо (Просто поздравлять тебя, Анна несравненна...).....	253
Снесшийся с кругов небесных... (Фрагмент)	90
Сонет (Боже мой! твои судьбы правости суть полны!..)	249
Строфы похвальные поселянскому житию (Фрагмент).	103
Тилемахида (Фрагмент).	134
Элегия II (Кто толь бедному подаст помощи мне руку?..)	184
⟨Фрагмент⟩	184

Тучков С. А.	
Ода анакреонтическая (Престаньте, струны звучны...) ⟨Фрагмент⟩	112
Сонет. Победители богатства.	250
Хемницер И. И.	
Сатира на прибытокжаждущих стихотворцев.	172
Стансы на суету	240
Херасков М. М.	
К Евтерпе ⟨Фрагмент⟩	215
Песенка (Что я прельщен тобой...)	218
Сонет (Коль буду в жизни я наказан нищетою...)	250
Сонет и эпитафия.	278
Сорока в чужих перьях	170
Станс г. Руссо.	241
Станс, сочиненный в Санкт-Петербурге в 1761 году	242
Стансы (Только явятся...) ⟨Фрагмент⟩.	242
Чесмесский бой ⟨Фрагмент⟩.	130
Элегия (Еще мой жар к тебе, драгая, не потух...)	180
Хованский Г. А.	
Идиллия. Милонова птичка	186
Похищенный персик. Анакреонтические стишки.	112

Источники

- Богданович И. Ф.* Стихотворения и поэмы. Л., 1957. (Б-ка поэта. Большая сер.)
- Державин Г. Р.* Полное собрание стихотворений. Л., 1957. (Б-ка поэта. Большая сер.)
- Державин Г. Р.* Стихотворения. Л., 1933. (Б-ка поэта.)
- Дмитриев И. И.* Полное собрание стихотворений. Л., 1967. (Б-ка поэта. Большая сер. Изд. 2-е.)
- Капнист В. В.* Собрание сочинений: В 2 т. Т. 1. М.; Л., 1960.
- Капнист В. В.* Сочинения. М., 1959.
- Карамзин Н. М.* Стихотворения. Л., 1966. (Б-ка поэта. Большая сер.)
- Княжнин Я. Б.* Избранные произведения. Л., 1961. (Б-ка поэта. Большая сер.)
- Ломоносов М. В.* Полное собрание сочинений / АН СССР. — М.; Л., 1950—1983.
- Львов Н. А.* Избранные сочинения. Кёльн; Веймар; Вена; СПб., 1994.
- Майков В. И.* Избранные произведения. М.; Л., 1966. (Б-ка поэта. Большая сер.)
- Муравьев М. Н.* Стихотворения. Л., 1967. (Б-ка поэта. Большая сер.)
- Песни русских поэтов: В 2 т. Л., 1988.* (Б-ка поэта. Большая сер.)
- Полезное увеселение. 1760.* Декабрь.
- Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе, покойного действительного статского советника, ордена Св. Анны кавалера и Лейпцигского ученого собрания члена, *Александра Петровича Сумарокова.* Изд. 2-е. Ч. 4. М., 1787.
- Поэты XVIII века: В 2 т. Л., 1972.* (Б-ка поэта. Большая сер.)
- Поэты 1790—1810-х годов. Л., 1971.* (Б-ка поэта. Большая сер.)
- Поэты-радищевцы. Л., 1979.* (Б-ка поэта. Большая сер.)
- Радищев А. Н.* Полное собрание сочинений: В 3 т. М.; Л., 1938.
- Русская литература. Век XVIII. Лирика / Отв. ред. Н. Д. Кочеткова. М., 1990.*
- Русская элегия XVIII — начала XX века: Сборник. Л., 1991.* (Б-ка поэта, Большая сер.)
- Русская эпиграмма (XVIII — начало XX века): Сборник. Л., 1988.* (Б-ка поэта. Большая сер.)

Словарь древней и новой поэзии, составленный Николаем Остолоповым. Ч. 1—2. СПб., 1821.

Сочинения *В. Петрова*: В 3 ч. СПб., 1811.

Сочинения *Державина*. Ч. III. СПб., 1831.

Сумароков А. П. Избранные произведения. Л., 1957. (Б-ка поэта. Большая сер.)

Тредиаковский В. К. Избранные произведения. М.; Л., 1963. (Б-ка поэта, Большая сер. Изд. 2-е.)

Хемницер И. И. Полное собрание стихотворений. М.; Л., 1963. (Б-ка поэта. Большая сер.)

Библиографические материалы по русскому стихосложению XVIII века¹

Статьи и трактаты XVIII — первой трети XIX века

Аполлос (Байбаков А.) Правила пиитические в пользу юношества, обучающегося в Московской славяно-греко-латинской Академии. М., 1774.

Востоков А. Х. Опыт о русском стихосложении. СПб., 1817.

**Кантемир А.* Письмо Харитона Микентина к приятелю о сложении стихов русских // Кантемир А. Собрание стихотворений. Л., 1956.

**Ломоносов М. В.* Письмо о правилах Российского стихотворства // Ломоносов М. В. Избранные произведения. Л., 1986.

Мерзляков А. Ф. Краткое начертание теории изящной словесности. В двух частях. М., 1922.

Наука стихотворства, сочиненная Императорской Российской Академии Членом, Коллежским Советником и Кавалером Иваном Рижским, и оною Академиею изданная. СПб., 1811.

Николев Н. П. Рассуждение о стихотворстве Российском // Новые ежемесяч. соч., 1787, ч. 10.

Николев Н. П. Пополнительные примечания на Лиро-дидактическое сочинение // Творении Николая Петровича Николева, Российской академии члена. Ч. 4. М., 1796.

¹ Основные источники: *Штокмар М. П.* Библиография работ по стихосложению. М., 1933; *Гиндин С. И.* Общее и русское стиховедение. Систематический указатель литературы, изданной в СССР на русском языке с 1958 по 1974 гг. // Исследования по теории стиха. Л., 1978. С. 152—222; *Штокмар М. П., Руднев П. А.* Общее и русское стиховедение. Систематический указатель литературы, изданной в СССР на русском языке с 1936 по 1957 гг. // Проблемы теории стиха. Л., 1984. С. 216—246; *Лилли И. К., Шерр Б. П.* 1) Зарубежная литература по русскому стиховедению, изданная с 1960 г.: Материалы к библиографии // Исследования по теории стиха. С. 223—231; 2) Зарубежная литература по русскому стиховедению, изданная с 1975 г. // Проблемы теории стиха. С. 246—253; *Гаспаров М. Л.* Очерк истории русского стиха. Метрика. Ритмика. Рифма. Строрифика. М., 2000; *Russian Verse Theory Newsletter* / Ed. by Ian K. Lilly. Auckland, 1983—2007.

- Подшивалов В. С.* Краткая русская просодия, или Правила, как писать русские стихи. М., 1798.
- Словарь древней и новой поэзии*, составленный Николаем Остолоповым. Ч. 1—2. СПб., 1821.
- **Сумароков.* О стопосложении // Сумароков А. П. Стихотворения. Л., 1935.
- **Тредиаковский В. К.* Новый и краткий способ к сложению российских стихов // Тредиаковский В. К. Избранные произведения. М.; Л., 1963.
- Тредиаковский В. К.* О древнем, среднем и новом стихотворении российском // Тредиаковский В. К. Избранные произведения. М.; Л., 1963.
- **Тредиаковский В. К.* Сочинения и переводы как стихами, так и прозою. СПб., 2009.
- Три оды парафрастическая псалма 143: Сочиненная чрез трех стихотворцов из которых каждый одну сложил особливо.* СПб., 1744.
- Херасков М. М.* Рассуждения о российском стихотворстве // Литературное наследство. Т. 9/10. М., 1933.

Научная литература

- Алексеева Н. Ю.* На пути к реформе русского стиха. Стихотворные переводы Тредиаковского 1732—1734 годов // Русская литература. 2002. № 4.
- **Алексеева Н. Ю.* Русская ода: Развитие одической формы в XVII—XVIII веках. СПб., 2005.
- **Баевский В. С.* Три реформы русского стихосложения // Баевский В. С. Стих русской советской поэзии. Смоленск, 1972.
- Баевский В. С.* Тредиаковский и Ломоносов — реформаторы стиха // Ломоносов и русская культура. Тарту, 1986.
- Баевский В. С.* История русской поэзии: 1730—1980: Компендиум. М., 2004.
- Берков П. Н.* Из истории русской поэзии первой трети XVIII века (К проблеме тонического стиха) // XVIII век: Сборник статей и материалов. М.; Л., 1935.
- Берков П. Н.* Ломоносов и литературная полемика его времени. 1750—1765. М.; Л., 1936.
- Благой Д. Д.* История русской литературы XVIII века. М., 1951.
- **Бонди С.* Тредиаковский, Ломоносов, Сумароков // Тредиаковский В. К. Стихотворения. 1935.

- Викери В. Н.* Русский шестистопный ямб и отношение его к французскому александрийскому стиху // *American Contributions to the Seventh International Congress of Slavists. V. 2: Literature and Folklore.* The Hague; Paris, 1973.
- Вишневский К. Д.* Жанровая и стилистическая роль строфы десятистишия в русской поэзии XVIII века // *Материалы IX научной конференции литературоведов Поволжья.* Пенза, 1969.
- Вишневский К. Д.* Становление трехсложных размеров в русской поэзии // *Русская, советская поэзия и стиховедение.* М., 1969.
- **Вишневский К. Д.* Введение в стихотворную технику XVIII века // *Вопросы стиля и метода в русской и зарубежной литературе.* Пенза, 1970.
- **Вишневский К. Д.* Русская метрика XVIII века // *Вопросы литературы XVIII века.* (Пензенский государственный педагогический институт им. В. Г. Белинского. Уч. зап. Сер. филологическая. Т. 123.) Пенза, 1972.
- Вишневский К. Д.* Стих Радищева // *А. Н. Радищев, В. Г. Белинский, М. Ю. Лермонтов (жанр и стиль художественного произведения).* Рязань, 1974.
- **Вишневский К. Д.* Архитектоника русского стиха XVIII — первой половины XIX века // *Исследования по теории стиха.* Л., 1978.
- **Вишневский К. Д.* Введение в строфику // *Проблемы теории стиха.* Л., 1984.
- Вишневский К. Д.* Нетождественные строфы в русской поэзии XVIII—XIX вв.: Классификация и функции // *Онтология стиха: Сб. статей памяти В. Е. Холшевникова.* СПб., 2000.
- Гардзонио С.* Стих русских поэтических переводов итальянских оперных либретто. XVIII век // *Russian Verse Theory: Proceedings of the 1987 Conference at UCLA / UCLA Slavic Studies 18.* Columbus, Ohio, 1989.
- **Гаспаров М. Л.* Материалы о ритмике русского 4-стопного ямба XVIII века // *Russian Literature, XII* (1982).
- Гаспаров М. Л.* Оппозиция «стих — проза» и становление русского литературного стиха // *Русское стихосложение: Традиции и проблемы развития.* М., 1985.
- **Гаспаров М. Л.* Ломоносов и Тредиаковский — два исторических типа новаторов стиха // *Ломоносов и русская культура.* Тарту, 1986.
- **Гаспаров М. Л.* Строфический ритм в русском четырехстопном ямбе и хорее // *Гаспаров М. Л. Избранные статьи.* М., 1995.
- **Гаспаров М. Л.* Очерк истории русского стиха. Метрика. Ритмика. Рифма. Строфика. М., 2000.

- Гаспаров М. Л.* «Ой-ой-рифмы» от Ломоносова до Твардовского // Гаспаров М. Л., Скулачева Т. В. Статьи о лингвистике стиха. М., 2004.
- Гаспаров М. Л.* Эволюция русской рифмы // Гаспаров М. Л. Избранные труды: В 3 т. Т. 3: О стихе. М., 1997.
- Голенищев-Кутузов И. Н.* Александрийский стих в России XVIII в. // Русско-европейские литературные связи: Сб. статей. М.; Л., 1966.
- **Голенищев-Кутузов И. Н.* Александрийский стих в России и на Западе // Голенищев-Кутузов И. Н. Славянские литературы: Статьи и исследования. М., 1973.
- Гончаров Б. П.* Стихотворная речь. Методология изучения. Становление. Художественная функция. М., 1999. (Гл. 4: Факторы становления и развития национального стиха (Реформа русского стихосложения в XVIII веке).)
- Гринберг М.* Статья А. П. Сумарокова «О стопосложении» как составная часть его языковой и литературной программы // Ученые записки ТГУ. Вып. 709. Тарту, 1985 (*Studia metrica et poetica*).
- Гуковский Г. А.* Ранние работы по истории русской поэзии XVIII века. М., 2001.
- Данько Е. Я.* Из неизданных материалов о Ломоносове // XVIII век: Сб. 2. М.; Л., 1940.
- Дрейдж Ч. Л.* К вопросу о древнегреческих и латинских размерах в русской поэзии: эволюция сапфической строфы // Славянский стих: Стихovedение, лингвистика и поэтика. М., 1996.
- Дрыжакова Е.* Хореические ритмы Державина // Гаврила Державин. Northfield, 1995.
- **Жирмунский В. М.* Теория стиха. Л., 1968.
- Западов А. В.* Мастерство Державина. М., 1958. (Гл. 6, § 3: Метрика и строфика.)
- Западов В. А.* «Способ произношения стихов» и русская рифма XVIII в. // Уч. Зап. Ленингр. Пед. института им. А. И. Герцена. Т. 320: Проблемы жанра в истории русской литературы. Л., 1969.
- Западов В. А.* Державин и русская рифма XVIII в. // XVIII век: Сб. 8. Державин и Карамзин в литературном движении конца XVIII — начала XIX в. Л., 1969.
- Западов В. А.* Об «изобразительной гармонии» в русской поэзии XVIII века // Марксизм-ленинизм и проблемы теории литературы. Тезисы докл. науч. конф. Алма-Ата, 1969.
- Западов В. А.* Русский шестистопный ямб XVIII — первой трети XIX в. // 25-е Герценовские чтения. Краткое содерж. докл. Литературоведение. Л., 1972.
- Западов В. А.* Русский стих XVIII — начала XIX в. (Ритмика.) Л., 1974.

- Иванов Вяч. Вс.* Из наблюдений над одой XVIII века // *Иванов Вяч. Вс. Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. III. М., 2004.*
- Иванов Вяч. Вс.* Ритмическое строение оды Ломоносова (ода 1747 г.) // *Проблемы прикладной лингвистики. Ч. 1. М., 1969.*
- Иванов В. П.* Анакреонтическая ода М. М. Хераскова. (К вопросу о ритме.) // *21-е Герценовские чтения. Программа и краткое содержание докладов. Филологические науки. Л., 1968.*
- Илюшин А. А.* Консонантные условности русской мужской рифмы XVIII—XIX вв. // *Исследования по теории стиха. Л., 1978.*
- Казарцев Е. В.* Ритмика первой духовной оды М. В. Ломоносова в контексте проблемы генезиса русской силлабо-тоники // *Формальные методы в лингвистической поэтике: Сб. науч. трудов, посв. 60-летию профессора Санкт-Петербургского университета М. А. Красноперовой. СПб., 2001.*
- Казарцев Е. В.* Ритмика од М. В. Ломоносова и теория трех стилей // *Лотмановский сборник. М., 2004.*
- Каюмова В. Ф.* Профили ударности и жанры в русской поэзии XVIII — начала XIX века (на материале четырехстопного ямба) // *Вестник ЛГУ. 1984. № 20.*
- Каюмова В. Ф.* К вопросу об акцентуации двусложных служебных слов в русской поэзии XVIII века // *Проблемы структурной лингвистики — 1983. М., 1986.*
- Каюмова В. Ф.* Эволюция ритмики 4-стопного хоря в XVIII — первой трети XIX в. и закон регрессивной акцентной диссимилиации // *Актуальные проблемы русского и сопоставительного языкознания. Ташкент, 1997.*
- Клейн Й.* Реформа стиха Тредиаковского в культурно-историческом контексте // *XVIII век: Сб. 19. СПб., 1995.*
- Кожевникова Н. А.* Об одном типе звуковых повторов в русской поэзии XVIII — начала XX века // *Проблемы структурной лингвистики — 1982. М., 1984.*
- Копылова В. С., Панченко А. М.* Роль музыки в реформе русского стиха // *Русская литература XVIII века в ее связях с искусством и наукой. Л., 1986.*
- Кузнецов В. А.* Концепция поэтической речи в литературной теории и практике В. К. Тредиаковского. Ч. 1 // *Вестник СПбГУ. Сер. 2. Вып. 3. 1996; То же. Ч. 2 // Вестник СПбГУ. Сер. 2. Вып. 4. 1996.*
- Кунчева Р.* Синтагма и ритм 4-ст. ямба (Ломоносов, Пушкин) // *Russian Verse Theory: Proceedings of the 1987 Conference at UCLA / UCLA Slavic Studies 18. Columbus, Ohio, 1989.*

- Латетина О. С., Хворостьянова Е. В.* Метрика и строфика М. В. Ломоносова // Петербургская стихотворная культура: Материалы по метрике, строфике и ритмике петербургских поэтов: Сб. статей. СПб., 2008.
- Марков Н. В.* Ломоносов и русская строфика // Очерки по истории русского языка и литературы XVIII в. Казань, 1967.
- Матвеев Е. М.* В чем новаторство поэзии А. А. Ржевского? // Вестник молодых ученых. Сер.: Филологические науки. 2002. № 2.
- Матвеев Е. М.* Метрика и строфика А. А. Ржевского // Петербургская стихотворная культура: Материалы по метрике, строфике и ритмике петербургских поэтов: Сб. статей. СПб., 2008.
- **Матяш С. А.* Русский и немецкий вольный ямб XVIII — начала XIX века и вольные ямбы Жуковского // Исследования по теории стиха. Л., 1978.
- Матяш С. А.* Басенный и драматический вольный ямб // Проблемы литературных жанров. Томск, 1983.
- Матяш С. А.* О сочетаниях смежных стихов в вольном ямбе // Проблемы теории стиха. Л., 1984.
- Матяш С. А.* Русский драматический вольный стих XVIII—XX вв. в сравнении с французским и немецким и проблема типологии драматического вольного стиха // *Studia metrica et poetica* (Уч. зап. ТГУ, вып. 709). Тарту, 1985.
- Матяш С. А.* Жуковский и русская стиховая культура XVIII — первой половины XIX в. // Жуковский и русская культура. Л., 1987.
- Матяш С. А.* Вольное рифмование русского вольного стиха // Исследования по истории и семантике стиха. Караганда, 1989.
- Матяш С. А.* Вольный ямб русской эпиграммы // Проблемы литературных жанров: Материалы VI науч. межвуз. конф. Томск, 1989.
- Матяш С. А.* Стих мадригала в сравнении со стихом эпиграммы и других жанров русской лирики XVIII — первой половины XIX в. // Проблемы стиховедения и поэтики: Межвуз. науч. сб. Алма-Ата, 1990.
- Матяш С. А.* «Душенька» И. Ф. Богдановича в истории вольного стиха // Целостность художественного произведения и проблемы его анализа и интерпретации: Тез. конф. 13—16 октября 1992 г. Донецк, 1992.
- Матяш С. А.* О стихе русской идиллии XVIII—XIX веков // Поэтика жанра: Сб. науч. статей. Караганда, 1992.
- Матяш С. А.* К истории стиха русской духовной оды (стих переложений псалмов А. П. Сумарокова) // Развитие славянской письменности и культуры: Материалы межвуз. науч.-практич. конф. 22—23 мая 1995 г. Караганда, 1995.

- Матяш С. А.* «Инвариант и переменные» в стихе русских музыкально-драматических произведений XVIII — первой половины XIX века // *Материалы международного конгресса «100 лет Р. О. Якобсону»*. М., 1996.
- Матяш С. А.* «Душенька» И. Ф. Богдановича в контексте проблемы повествовательного стиха // XVIII век: стих, жанр, стиль: Сб. науч. статей. Донецк, 1997.
- Матяш С. А.* Русский басенный вольный ямб в диахроническом рассмотрении // *Традиция и литературный процесс: К 60-летию со дня рождения члена-корреспондента РАН Е. К. Ромодановской*. Новосибирск, 1999.
- Матяш С. А.* Из истории полиметрии XVIII века (стихотворная форма комической оперы М. И. Попова «Анюта») // *Studia metrica et poetica: Сб. статей памяти П. А. Руднева*. СПб., 1999.
- Матяш С. А.* Типология графики русского вольного ямба XVIII—XX вв. // *Проблемы поэтики и стиховедения*. Ч. 1. Алматы, 2003.
- Матяш С. А.* «Мерзкие» переносы Тредиаковского // В. К. Тредиаковский: к 300-летию со дня рождения: Сб. статей. СПб., 2004.
- Михайлов В.* К вопросу о ритме и интонации в стихах Г. Р. Державина // *Труды Тбилисского ун-та*. Т. 83. Сер. филол. наук. Вып. 2. Тбилиси, 1959.
- Николаев Г. А.* О поэтических вольностях в русской поэзии первой половины XVIII века (Ломоносов, Сумароков, Тредиаковский) // *Развитие синонимических отношений в русском литературном языке второй половины XVIII в.* Казань, 1972.
- Орлицкий Ю. Б.* Русский Оссиан в костюмах разных веков: Ритмические особенности переводов книги Дж. Макферсона (Костров — Карамзин — Балобанова — Левин) // *Проблемы изучения русской литературы XVIII века*. СПб., 2003.
- Орлицкий Ю. Б.* Стих и проза в теории и практике В. К. Тредиаковского // В. К. Тредиаковский: к 300-летию со дня рождения: Сб. статей. СПб., 2004.
- Перетц В. Н.* Историко-литературные исследования и материалы. Ч. I—III. СПб., 1900—1902.
- Петровский Н. М.* *Analecta metrica* // *Русский филологический вестник*. Варшава, 1913. Т. LXX. Вып. 2. С. 380—384; Варшава, 1914. Т. LXXI. Вып. 1. С. 39—49; Вып. 2.
- Поливанов Л.* Русский александрийский стих // *Гофолия. Трагедия Ж. Расина / Пер. Л. Поливанова*. М., 1892.
- Попов А. Н.* Интонационный строй русской литературной кантаты // *Онтология стиха: Сб. статей памяти В. Е. Холшевникова*. СПб., 2000.

- Прохоров А. В.* Проблемы становления русского классического стиха. Комментарий к работе К. Ф. Тарановского о 6-стопном ямбе Ломоносова // *Славянский стих: Стихovedение, лингвистика и поэтика*. М., 1996.
- Самойлов Д. С.* Книга о русской рифме. М., 1973. (Гл. 2: Становление силлабо-тонического стихосложения и рифма (XVIII в.).)
- Скулачева Т. В.* Синтаксис четырехсложий: Пушкин и Ломоносов // *Гаспаров М. Л., Скулачева Т. В.* Статьи о лингвистике стиха. М., 2004.
- Смит Дж.* Ближайший Запад: русские поэты и немецкие академики, 1728—1741 гг. // *Смит Дж.* Взгляд извне: Статьи о русской поэзии и поэтике. М., 2002.
- Смит Дж.* Вклад Глюка и Пауса в развитие русского стихосложения: рифмы и строфы // *Смит Дж.* Взгляд извне: Статьи о русской поэзии и поэтике. М., 2002.
- **Смит Дж.* Строфика русской поэзии 1735—1816 гг. // *Смит Дж.* Взгляд извне: Статьи о русской поэзии и поэтике. М., 2002.
- Смусина М. Л.* Эволюция четырехстопного ямба в русской оде XVIII в. (К постановке проблемы) // 2-я межвуз. студенч. науч. филол. конф. Ленинградского педагогического института. Краткое содержание докладов. Л., 1969.
- Совалин В. С.* Литературный кружок В. А. Львова и проблемы русского стихотворства, III. Ритмические свойства книжного и народного стиха и их отражение в поэзии Г. Р. Державина // *Проблемы развития лирической поэзии XVIII—XIX веков и ее взаимодействия с прозой*. М., 1985.
- Совалин В. С.* «Народные размеры» в поэзии М. М. Хераскова // *Жанрово-стилевое взаимодействие лирики и эпоса в русской литературе XVIII—XIX веков*. М., 1986. С. 3—28.
- Стенник Ю. В.* Одическая строфа Ломоносова // *Вопросы русской литературы*. Вып. 2. Львов, 1973.
- Степанов Н. Л.* Мастерство Крылова-баснописца. М., 1956. (Гл. 9. Стих.)
- Такиуллина И. Ф.* Вольные оды В. П. Петрова (обновление строфики) // *Проблемы изучения русской литературы XVIII века: Вопросы метода и стиля*. Вып. 6. Л., 1984.
- Тарановски К.* Руски дводелни ритмови. I—II. Београд, 1953.
- Тарановский К. Ф.* Ранние русские ямбы и их немецкие образцы // *Русская литература XVIII века и ее международные связи*. Л., 1975.
- Тарановский К. Ф., Прохоров А. В.* К характеристике русского четырехстопного ямба XVIII века: Ломоносов, Тредиаковский, Сумароков // *Russian Literature*, XII (1982).

- Тарановский К. Ф.* Шестистопный ямб М. В. Ломоносова // Russian Verse Theory: Proceedings of the 1987 Conference at UCLA / UCLA Slavic Studies 18. Columbus, Ohio, 1989.
- **Тарановский К. Ф.* Из истории русского стиха XVIII в. (Одическая строфа AbAb|CCdEEEd в поэзии Ломоносова) // Тарановский К. Ф. О поэзии и поэтике. М., 2000. С. 291—299.
- **Тимофеев Л. И.* Очерки теории и истории русского стиха. М., 1958. (Гл. VI: Реформа Тредиаковского и Ломоносова; Гл. VII: Вольный (басенный) стих XVIII века.)
- Томашевский Б. В.* К истории русской рифмы // Томашевский Б. В. Стих и язык. М.; Л., 1959.
- Федотов О. И.* Основы русского стихосложения. Теория и история русского стиха: В 2 кн. М., 2002.
- Харер К.* Василий Тредиаковский и Яков Штелин (Реформа русского стихосложения и немецкие академические поэты) // В. К. Тредиаковский: к 300-летию со дня рождения: Сб. статей. СПб., 2004.
- Хворостьянова Е. В.* Условия ритма: Историко-типологические очерки русского стиха. СПб., 2008. (Гл. 3: Реформа русского стиха и становление силлаботоники (1730-е — 1760-е гг.); Гл. 4: Конвенциональный принцип в поэтике русского классицизма.)
- **Холшевников В. Е.* Стихovedение и поэзия. Л., 1991. (Гл. 7: Почему Тредиаковский предпочитал ямбу хорей?; Гл. 8: Ритмические пристрастия Державина; Гл. 9: Еще раз об истории русской рифмы от Ломоносова до Лермонтова.)
- **Холшевников В. Е.* Основы стихovedения: Русское стихосложение: Учеб. пособие для студ. филол. фак. СПб., 2002.
- Шапир М. И.* Исчисление силлабо-тонической парадигмы (Случай Сумарокова: «Цефал и Прокис») // Шапир М. И. Universum versus: Язык — стих — смысл в русской поэзии XVIII—XX веков. Кн. 1. М., 2000.
- Шапир М. И.* Ритм и синтаксис Ломоносовской оды (К исторической грамматике русского стиха) // Шапир М. И. Universum versus: Язык — стих — смысл в русской поэзии XVIII—XX веков. Кн. 1. М., 2000.
- Шапир М. И.* У истоков русского четырехстопного ямба: генезис и эволюция ритма (Социолнгвистика стиха раннего Ломоносова) // Шапир М. И. Universum versus: Язык — стих — смысл в русской поэзии XVIII—XX веков. Кн. 1. М., 2000.
- Bailey L. F.* Consonant Variance in Derzavin's Rhymes: A Preliminary Study. Ph. D. dissertation, University of Wisconsin-Madison, 1974. XV.

- Bucseła J.* The Birth of Russian Syllabo-Tonic Versification // *Slavic and East European Journal*, IX (1965). No. 3.
- Burgi R.* A History of the Russian Hexameter. Connecticut, 1954.
- Cross A.* Problems of Form and Literary Influence in the Poetry of Karamzin // *Slavic Review*, XXVII (1968). No. 1.
- Drage C. L.* Trochaic Meters in Early Russian Syllabo-Tonic Poetry // *The Slavonic and East European Review*, XXXVIII. No. 91 (1960).
- Drage C. L.* The Rhythmic Development of the Trochaic Tetrameter in Early Russian Syllabo-Tonic Poetry // *Slavonic and East European Review*, XXXIX. No. 93 (1961).
- Drage C. L.* The *Anacreontea* and 18th-Century Russian Poetry // *Slavonic and East European Review*, XLI. No. 96 (1962).
- Drage C. L.* The Trichaic Octameter in Russian Literary Verse from Sumarokov to the First Symbolists // *Формальные методы в лингвистической поэтике*, II. Сб. науч. трудов, посв. 65-летию профессора Санкт-Петербургского университета М. А. Красноперовой. СПб., 2007.
- Garzonio S.* Ritmo e genere alla luce dell'evoluzione della tetrapodia trocaica nel corso del XVIII secolo in Russia // *Strumenti critici*. 1977. XI. № 34.
- Garzonio S.* Русские стихотворные переводы и переделки итальянских оперных либретто (кон. XVIII в.) // *Europa Orientalis* [Roma—Salerano]. 7 (1988).
- Lauer R.* Gedichtform zwischen Schema und Verfall: Sonett, Rondeau, Madrigal, Ballade, Stanze und Triolett in der russischen Literatur des 18. Jahrhunderts. München, 1975.
- Lilly I. K.* On the Rich Rhymes of M. N. Murav'ev // *International Journal of Slavic Linguistics and Poetics*, XXIII (1981).
- Ober K. H., Wade M. R.* Моѡкаw/Moskva. Sumarokov's Translations of Fleming's Sonnets // *Germano-Slavica*. VI, № 5 (1990).
- Rothe H.* Tragischer Alexandriner and Alexandrinertragödie in Russland // *Studien zu Literatur und Aufklärung in Osteuropa*. Aus Anlass des VIII. Internationalen Slavistenkongresses in Zagreb. Giessen, 1978.
- Silbajoris R.* Russian Versification. The Theories of Trediakovskij, Lomonosov and Kantemir. N. Y., 1968.
- Smith G. S.* The Reform of Russian Versification: What More is There to Say? // *Study Group on Eighteenth-Century Russia*. Newsletter. 1977. № 5.
- Spitzer C.* Alexander Sumarokov's Translations of Paul Fleming's Sonnets to Moscow // *Canadian-American Slavic Studies*. 23 (1989). № 3.

- Titunik I. R. V. K. Trediakovskij and the Russian Syllabic Heritage // International Journal of Slavic Linguistics and Poetics. XXIX (1984).*
- Vickery W. N. A Comparison of Samples of Lomonosov's and Puskin's Four-Foot Iambs // American Contributions to the Eighth International Congress of Slavists. 1. Linguistics and Poetics. Columbus, Ohio, 1978.*
- Vickery W. N. Derzhavin's 'Na smert' Kateriny Jakovlevny': A Metrical-Stylistic Study // International Journal of Slavic Linguistics and Poetics, XXIII (1981).*
- Worth D. S. On Eighteenth-Century Russian Rhyme // Russian Literature. № 3 (1972).*
- Worth D. S. Remarks on eighteenth-century Russian rhyme (Kostrov's translation of the Iliad) // Slavic Poetics: Essays in Honor of K. Taranovsky. The Hague, 1973.*

Справочная литература

- Литературная энциклопедия терминов и понятий / Гл. ред. и сост. А. Н. Николюкин. М., 2003.*
- Литературный энциклопедический словарь / Под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. М., 1987.*
- Русско-европейские литературные связи, XVIII век: Энциклопедический словарь, статьи. СПб., 2008.*
- Три века Санкт-Петербурга: Энциклопедия: В 3 т. Т. 1: Осьмнадцатое столетие: [В 2 кн.]. СПб., 2003.*

Содержание

ОТ НАУЧНОГО РЕДАКТОРА	3
ПРЕДИСЛОВИЕ	5
МЕТРИКА И СТРОФИКА РУССКОЙ ПОЭЗИИ 1735—1810-Х ГОДОВ. КРАТКИЙ ОБЗОР	16

ПРОИЗВЕДЕНИЯ

ДУХОВНАЯ ОДА	52
В. К. Третьяковский	52
〈Парафразис псалма 143〉 〈Фрагмент〉	52
Е. И. Костров	53
Преложение псалма 18 〈Фрагмент〉	53
И. А. Крылов	54
Ода, выбранная из псалма 93 (Бог, отмщений господь)	54
Ю. А. Нелединский-Мелецкий	56
Молитва 〈Фрагмент〉	56
Н. П. Николев	56
Ода 7 из псалма 7 (Господи боже мой, на тя уповах...) 〈Фрагмент〉	56
А. П. Сумароков	57
Противу злодеев	57
Час смерти	58
Из 3—16—63 псалмов 〈Фрагмент〉	59
О страшном суде 〈Фрагмент〉	59
Из 14 псалма (Господи, кто обитает в жилищи твоём)	60
Из 15 псалма (Сохрани мя господи, яко на тя уповах)	61
Из 24 псалма (Ж тебе господи воздвигох душу мою)	61
Из 27 псалма (Ж тебе господи воззову)	63
Из 97 псалма (Воспойте господеви песнь нову)	63
ГИМН	65
Г. Р. Державин	65
Богине здравия	65
К Бахусу 〈Фрагмент〉	66
И. И. Дмитриев	66
Гимн восторгу	66
Гимн богу	67
Н. М. Карамзин	68
Гимн 1 (Перевод с английского) 〈Фрагмент〉	68

К богине здравия	69
Гимн глупцам (Фрагмент)	70
М. В. Ломоносов	71
Гимн бороде	71
А. П. Сумароков	74
Гимн Венере (Сафическим стопосложением) (Фрагмент)	74
Гимн о премудрости божией в солнце.	75
ТОРЖЕСТВЕННАЯ ОДА	76
М. В. Ломоносов	76
Ода, которую в торжественный праздник высокого рождения вспресветлейшего державнейшего великого государя Иоанна Третьего, императора и самодержца всероссийского, 1741 года августа 12 дня веселящаяся Россия произносит (Фрагмент)	76
Ода, которую сочинил господин Франциск де Салиньяк де ля Мотта Фенелон, архиепископ дюк Камбрейский, Священные Римския империи принц (Фрагмент)	77
Ода блаженной памяти государыне императрице Анне Иоанновне на победу над турками и татарами и на взятие Хотина 1739 года (Фрагмент)	78
Венчанная надежда Российския империи в высокий праздник коронования вспресветлейшия державнейшия великия государыни Елисаветы Петровны, императрицы и самодержицы всероссийския, при публичном собрании санктпетербургской императорской Академии наук всерадостно и всеподданнейше в Санктпетербурге апреля 29 дня 1742 года стихами представленная от Готлоба Фридриха Вилгельма Юнкера, ея императорскаго величества надворнаго камернаго советника, интенданта соляных дел и члена Академии наук. С немецких российских стихами перевел Михайло Ломоносов, Академии наук адъюнкт (Фрагмент)	80
Всепопданнейшее поздравление для восшествия на всероссийский престол ее величества вспресветлейшия державнейшия императрицы Елисаветы Петровны, самодержицы всероссийския, в торжественный праздник и высокий день рождения ее величества декабря 18, 1741. Всепопданнейше представлено от императорской Академии наук (фрагмент)	81
Г. Р. Державин	82
На рождение в севере порфиородного отрока (Фрагмент)	82
Н. П. Николев	83
Ода российским солдатам на взятие крепости Очакова сего 1788 года декабря 6 дня, сочиненная от лица некоего древнего российского пииты (Фрагмент)	83
В. П. Петров	84
На подносимую ей величеству, высокую титулу, Великия Екатерины, премудрыя матери отечества. 1767 года (Фрагмент)	84
Пета в маскераде на Озерках.	85
Плач и утешение России. К его императорскому величеству Павлу Первому, самодержцу всероссийскому (Фрагмент)	86

А. А. Ржевский	88
Ода всепресветлейшему державнейшему великому и милосердому государю, истинному отцу подданных, императору Петру Феодоровичу, самодержцу всероссийскому. Приносится в знак благодарности за беспримерное и милосердное пожалованье вольностию российских дворян. Сочинена 1762 году марта 1 дня <Фрагмент>	88
А. П. Сумароков	89
Ода вздорная I <Фрагмент>	89
В. К. Тредиаковский	90
Снесшийся с кругов небесных... <Фрагмент>	90
Ода IV. Похвала Ижерской земле и царствующему граду Санктпетербургу <Фрагмент>	92
ГОРАЦИАНСКАЯ ОДА	93
А. П. Сумароков	93
Ода горацианская (Скажи свое веселье, Нева, ты мне...)	93
И. И. Дмитриев	94
Подражание одам Горация	
(Кн. III, ода I) Служитель муз, хочу я истины воспеть...	94
(Кн. I, ода III) Лети, корабль, в свой путь с Вергилием моим...	96
В. В. Капнист	97
К лире (Гораций, кн. I, ода XXXII)	97
На роскошные обиталища (Гораций, кн. II, ода XV)	98
На разврат нравов (Гораций, кн. II, ода VI) <Фрагмент>	99
М. В. Ломоносов	100
Я знак бессмертия себе воздвигнул...	100
М. Н. Муравьев	100
Ода Carmi<num> IV lib<er> I из Горацияк Люцию Сексту консулярному.	100
Ода Carmi<num> IX lib<er> III Горация.	102
Ода Carmi<num> XVIII lib<er> из Горация. К фавну	103
В. К. Тредиаковский	103
Строфы похвальные поселянскому житию <Фрагмент>	103
АНАКРЕОНТИЧЕСКАЯ ОДА	105
Н. А. Львов	105
Ода II. К женщинам (Греческим метром)	105
А. А. Ржевский	105
О, властитель нежна сердца...	105
И. Ф. Богданович	106
Ода из Анакреонта XIV (Уже сие непреборимо...)	106
Г. Р. Державин	107
Пчелка	107
И. И. Дмитриев	108
Голубок (Подражание Анакреону)	108

М. В. Ломоносов	109
Хвалить хочю Атрид...	109
М. Н. Муравьев	109
Ода из Анакреонта (На челе моем морщины...)	109
А. П. Сумароков	110
Ода анакреонтическая. К Елисавете Васильевне Хераськовой	110
С. А. Тучков	112
Ода анакреонтическая (Престаньте, струны звучны...) (Фрагмент)	112
Г. А. Хованский	112
Похищенный персик. Анакреонтические стишки	112
Неизвестный автор	113
Ода по примеру Анакреонта к живописцу	113
ОДЫ РАЗНЫЕ	115
А. П. Сумароков	115
Ода, сочиненная в первые лета моего во стихотворении упражнения (Фрагмент)	115
И. Ф. Богданович	116
Ода в честь красоте	116
Другая ода, с теми же рифмами, против красоты	117
Г. Р. Державин	117
На возвращение графа Зубова из Персии (Фрагмент)	117
И. И. Дмитриев	119
Ода П. П. Бекетову	119
Я. Б. Княжнин	120
Вечер	120
М. Н. Муравьев	123
Ода (Осьмнадцатый ныне раз...) (Фрагмент)	123
Ода (Бежит, друзья, бежит невозвратимо время...)	124
А. Н. Радищев	126
Древность (Фрагмент)	126
Осьмнадцатое столетие (Фрагмент)	127
А. А. Ржевский	128
Ода (Доколе гордиться...) (Фрагмент)	128
Ода 2, собранная из односложных слов	128
ЭПИЧЕСКАЯ ПОЭМА	130
М. М. Херасков	130
Чесмесский бой. Песнь первая (Фрагмент)	130
И. Ф. Богданович	130
Добромysl (Старинная повесть в стихах) (Фрагмент)	130
М. В. Ломоносов	132
Иные на горы катают тяжки камни...	132
Старается во сне свой голод утолить...	132

М. Н. Муравьев	133
Ужасно возгремел отец богов и смертных...	133
А. Н. Радищев	133
Бова. Вступление (Фрагмент)	133
В. К. Тредиаковский	134
Тилемахида (Фрагмент).	134
БАЛЛАДА	136
Г. Р. Державин	136
Луч	136
И. И. Дмитриев	137
Карикатура (Фрагмент)	137
Старинная любовь (Баллада) (Фрагмент)	138
Г. П. Каменев	139
Громвал (Фрагмент)	139
Н. М. Карамзин	140
Граф Гваринос (Древняя гишпанская историческая песня) (Фрагмент)	140
Раиса (Древняя баллада)	142
М. Н. Муравьев	145
Романс, с каледонского языка переложенный	145
А. П. Сумароков	146
Баллад	146
ТРАГЕДИЯ, КОМЕДИЯ, МЕЛОДРАМА	148
А. П. Сумароков	148
Хорев (Трагедия) (Фрагмент)	148
И. И. Дмитриев	151
План трагедии с хорами	151
Я. Б. Княжнин	153
Орфей (Мелодрама) (Фрагмент)	153
М. В. Ломоносов	155
Расторгни смертны узы, Гектор....	155
В. К. Тредиаковский	155
Из комедии «Евнух» (Фрагмент)	155
АРИИ, ХОРЫ И ДУЭТЫ	157
Я. Б. Княжнин	157
Скупой (Комическая опера) (Фрагмент). Ария Марфы	157
Сбитенщик (Комическая опера) (Фрагмент). Ария Степана	157
Н. А. Львов	159
Дуэты на музыку Жирдини, в Лондоне печатанную	159
Весна	159
Лето	159
Осень	160
Зима	160
Утро	161

А. П. Сумароков	161
Хор сатир	161
Хор ко превратному свету	162
БАСНЯ И ПРИТЧА	163
А. П. Сумароков	163
Гора в родах	163
Любовь	164
Лягушка	164
Прохожий и змея	165
Тщетная предосторожность	165
М. В. Ломоносов	166
Лиш только днёвной шум замолк...	166
Н. А. Львов	167
Старик и смерть	167
А. А. Ржевский	168
Муж и жена	168
О элегии	169
В. К. Тредиаковский	170
Басенка VIII. Ворон и Лисица	170
М. М. Херасков	170
Сорока в чужих перьях	170
САТИРА	172
И. И. Хемницер	172
Сатира на прибыткожаждущих стихотворцев.	172
М. В. Ломоносов	173
Сатира господина Ломоносова на Тредиаковского	173
А. П. Сумароков	176
Наставление сыну	176
ЭЛЕГИЯ	180
М. М. Херасков	180
Элегия (Еще мой жар к тебе, драгая, не потух...)	180
И. И. Дмитриев	181
Элегия (Коль надежду истребила...)	181
А. А. Ржевский	181
Элегия (От той, которая души милые...) (Фрагмент)	181
Элегия (Престрогию судьбою...)	182
А. П. Сумароков	184
Элегия (В болезни страждешь ты... В моем нет сердце мочи...) (Фрагмент)	184
В. К. Тредиаковский	184
Элегия II (Кто толь бедному подаст помощи мне руку?..) (Фрагмент)	184

ИДИЛЛИЯ И ЭКЛОГА	186
М. Н. Муравьев	186
Эклога к его превосходительству Алексею Васильевичу Олешеву (Фрагмент)	186
Г. А. Хованский	186
Идиллия. Милонова птичка	186
И. Ф. Богданович	188
Идиллия (Белыми стихами) (На что в полях ни взглянешь...) (Фрагмент)	188
И. И. Дмитриев	188
Идиллия (Умолкни, ветерок, забудьте, птички, петь...)	188
П. М. Карabanов	190
Искренность пастушки (Фрагмент)	190
Н. А. Львов	191
Идиллия. Вечер 1780 года ноября 8 (Фрагмент)	191
В. И. Майков	192
Аркас (Фрагмент)	192
А. А. Нартов	193
Идиллия. Нисса (Фрагмент)	193
А. Н. Радищев	194
Идиллия (Краснопевная овсянка...) (Фрагмент)	194
А. А. Ржевский	195
Идиллия (Как при сих струях...)	195
Идиллия (На берегах текущих рек...)	196
А. П. Сумароков	197
Идиллия (Без Филисы очи сиры...)	197
ЭПИСТОЛА	198
Ф. И. Дмитриев-Мамонов	198
Эпистола к красавицам	198
А. П. Сумароков	199
Письмо ко приятелю в Москву	199
Г. Р. Державин	200
Атаману и Войску Донскому (Фрагмент)	200
И. И. Дмитриев	201
Послание к Аркадию Ивановичу Толбугину	201
К Г. Р. Державину	202
В. В. Капнист	203
Старому другу моему Алексею Николаевичу Оленину	203
Я. Б. Княжнин	204
Письмо к гг. Д. и А. (Фрагмент)	204
Послание трем грациям (Фрагмент)	205
Е. И. Костров	206
Письмо к творцу оды, сочиненной в похвалу Фелицы, царевне Киргизкайсацкой (Фрагмент)	206

Н. А. Львов	207
Доброму человеку (Фрагмент).	207
Ивану Матвеевичу Муравьеву, едущему в Етин министром, в ответ на письмо его из Москвы от 15 января 1797	208
М. Н. Муравьев	211
Богине Невы	211
Ю. А. Нелединский-Мелецкий	213
Отрывок письма к Ал. Вас. Нарышкину, из Петербурга в Москву 1782 года	213
Н. П. Николев	214
Послание к князю Николаю Михайловичу Козловскому (Фрагмент)	214
М. М. Херасков	215
К Евтерпе (Фрагмент)	215
ПЕСНЯ	217
М. И. Попов	217
Я люблю тебя и страдаю...	217
М. М. Херасков	218
Песенка (Что я прельщен тобой...)	218
И. Ф. Богданович	218
Стихи (Подражание италиянским) (Фрагмент)	218
Г. Р. Державин	220
Я лишась судьбой любезного...	220
И. И. Дмитриев	221
Всех цветочков боле...	221
Н. М. Карамзин	221
Военная песнь	221
И. А. Крылов	222
Мой отъезд (Песня) (Фрагмент).	222
Н. А. Львов	223
Песнь норвежского витязя Гаральда Храброго, из древней исландской летописи Книтлинга сага, господином Маллетом выписанная и в «Датской истории» помещенная, переложена на русский язык образом древнего стихотворения с примером «Не звезда блещит далече во чистом поле...» (Фрагмент)	223
Ночь в чухонской избе на пустыре (Фрагмент)	224
Песня (Как, бывало, ты в темной осени...)	225
А. П. Сумароков	226
Благополучны дни... (Фрагмент).	226
О места, места драгие!...	227
Прости, моя любезная, мой свет, прости...	229
Не гордитесь, красны девки...	230
Песня XVI (Когда безстрастна ты, мой свет, в очах другова...)	230
Песня XXIII (Прошли те дни как был я волен...)	231

СТАНСЫ	233
Я. Б. Княжнин	233
Стансы богу	233
И. Ф. Богданович	235
Не стремись, добродетель, напрасно... (Дактилическими стихами)	235
Г. Р. Державин	236
Стансы Кларисе	236
С. С. Пестов	237
Станс. Чем отличаются начальники от подчиненных	237
А. А. Ржевский	237
Хоть нет надежды мне любить...	237
Я счастья сего на свете не желаю...	238
А. П. Сумароков	239
Станс (Сам себя я ненавижу...) (Фрагмент)	239
И. И. Хемницер	240
Стансы на суету	240
М. М. Херасков	241
Станс г. Руссо	241
Станс, сочиненный в Санкт-Петербурге в 1761 году	242
Стансы (Только явятся...) (Фрагмент)	242
СОНЕТ	244
М. Н. Муравьев	244
Сонет к музам	244
С. В. Нарышкин	245
Сонет (Ты, боже, справедлив, на тя я уповаю...)	245
И. А. Крылов	245
Сонет к Нине (Нет мира для меня, хотя и брани нет...)	245
В. И. Майков	246
Графу Григорию Александровичу Потемкину 1775 года сентября 30 дня	246
А. В. Нарышкин	247
Сонет (Чтоб счастьем, живучи, возможным наслаждаться...)	247
М. И. Попов	247
Сонет (О небо! для чего родился человек?..)	247
А. А. Ржевский	248
Сонет, три разные системы заключающий: читай сперва весь по порядку, потом первые полустииши, а наконец последние полустииши	248
В. К. Тредиаковский	249
Сонет (Боже мой! твои судьбы правости суть полны!..)	249
С. А. Тучков	250
Сонет. Победители богатства	250
М. М. Херасков	250
Сонет (Коль буду в жизни я наказан ницетою...)	250

РОНДО	252
А. П. Бунина	252
«Капризы не беда, твердит философ Сава...»	252
А. П. Сумароков	252
Рондо (Не думай ты, чтоб я других ловила...)	252
В. К. Тредиаковский	253
Рондо (Просто поздравлять тебя, Анна несравненна...)	253
Н. П. Николов	254
К моей лире (Рондо)	254
Рондо блаженные памяти государю Петру Первому	258
Я. В. Орлов	259
Рондо (Беги от красоты и не смотри глазами...)	259
С. С. Пестов	260
Рондо. Умы	260
А. А. Ржевский	261
Рондо (Не лучше ль умереть, ты часто рассуждаешь...)	261
Рондо (Чтоб книги нам читать...)	262
Неизвестный автор	263
Рондо (Нет правды в мире сем! торгуют все лукавством...)	263
ТРИОЛЕТ	265
М. Н. Муравьев	265
Триолет (Перевод с французского)	265
Н. М. Карамзин	265
Триолет Алете в тот день, как ей исполнилось 14 лет	265
Триолет Лизете	266
НАДПИСЬ	267
М. В. Ломоносов	267
Надпись 5 к тойже (надпись к статуе Петра Великого)	267
И. И. Дмитриев	267
Надпись к статуе Юпитера. Перевод из Антологии	267
Надпись к портрету («Ай, как его ужасен взор!..»)	268
Надпись к портрету (Смейтесь, смейтесь, что я щурю...)	268
Н. М. Карамзин	269
Надписи на статую купидона. 2. На глазную повязку	269
В. И. Майков	269
Стихи к изображению господина Димздаля	269
М. Н. Муравьев	269
Надпись к изображению Алины	269
Я. В. Орлов	270
Надпись к шкапу книжному	270

М. И. Попов	270
Надпись князю Андрею Яковлевичу Хилкову на книгу его, называемую «Ядро российской истории»	270
ЭПИГРАММА	272
Ф. И. Дмитриев-Мамонов	272
Эпиграмма к попугаю	272
М. И. Попов	272
Эпиграмма (Полезен ли феатр и чистит ли он нравы...)	272
А. А. Ржевский	273
Когда натура в свет людей производила... ..	273
И. А. Крылов	273
Эпиграмма (Федул трердит, что Фока плут...)	273
Н. А. Львов	274
Эпиграмма на меня, то, что мне голову вскружить может	274
М. Н. Муравьев	274
Эпиграмма того ж (Мне сделалась премена...)	274
А. П. Сумароков	274
Эпиграмма (Знай, тебе я непременно...)	274
Эпиграмма 87 (Ежели во храм любви не думая пойду...)	275
П. П. Сумароков	275
«За что не терпит Клит Дамона, как врага?...»	275
ЭПИТАФИЯ	276
А. Н. Радищев	276
Эпитафия (О! если то не ложно...)	276
А. И. Дубровский	276
Три эпитафии на скупого	276
Я в жизнь мою имел богатство неисчетно... ..	276
Земля и камень сей меня отягощает... ..	277
Читатель, знай, что здесь зарыт лежит богатый... ..	277
И. И. Дмитриев	277
Эпитафия эпитафиям	277
Н. М. Карамзин	277
Покойся, милый прах, до радостного утра!	278
Эпитафия (Он жил в сем мире для того...)	278
Я. Б. Княжнин	278
Эпитафия (Под камнем сим лежит Пл.....в...)	278
А. П. Сумароков	278
Эпитафия (Мужик не позабудет...)	278
М. М. Херасков	278
Сонет и эпитафия	278

МАДРИГАЛ	280
Ф. И. Дмитриев-Мамонов	280
Мадригал (Как ранен в грудь елень стрелу с собою носит...)	280
А. И. Клушин	281
Мадригал Клое	281
А. П. Сумароков	281
Мадригал (Я в драме пения не отделяю...)	281
Мадригал (Анюта на себе алмазов не имела...)	282
А. А. Ржевский	282
Сонет или мадригал Либере Саке, актрисе италийского вольного театра	282
ЗАГАДКА	283
А. А. Ржевский	283
Загадка (Хоть всяк меня на свете презирает...)	283
Н. А. Львов	283
Что? Десять работают...	283
Хоть бумажка я простая, но имею много глаз...	283
В. И. Майков	284
Глеб имеет назади...	284
Я ни воздух, ни вода...	284
Я в трех частях земли; меня в четвертой нет...	285
Ю. А. Нелединский-Мелецкий	285
Загадка акростическая	285
АЛФАВИТНЫЙ ИНДЕКС АВТОРОВ И ПРОИЗВЕДЕНИЙ	286
ИСТОЧНИКИ	295
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ПО РУССКОМУ СТИХОСЛОЖЕНИЮ XVIII ВЕКА	297

Учебное издание

Тверьянович Ксения Юрьевна
РУССКИЙ СТИХ 1735—1810-х годов

Метрика и строфика

Антология

Учебное пособие для студентов высших учебных заведений

Редактор *Н. М. Казимирчик*

Корректор *Е. Д. Шнитникова*

Верстка *М. А. Василенко*

Художественное оформление *О. В. Рудневой*

Подписано в печать 14.11.2013.

Формат 60 × 90¹/₁₆. Усл. печ. л. 20. Тираж 1000 экз. Заказ № ____.

Филологический факультет

Санкт-Петербургского государственного университета
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 11.